

Н.В. Шкрабтак, М.В. Зинченко,
В.З. Григорьева, Д.Б. Пеков

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ

Благовещенск
Издательство АмГУ
2021

Министерство образования и науки Российской Федерации
Амурский государственный университет

Н.В. Шкрабтак, М.В. Зинченко,
В.З. Григорьева, Д.Б. Пеков

ТРАНСФОРМАЦИЯ
ГЛОБАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ

Монография

Благовещенск
Издательство АмГУ

2021

УДК 314.7

ББК 65.5

*Рекомендовано
ученым советом университета*

Рецензенты:

Немченко Г.И. – д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры «Таможенное дело», Заслуженный работник высшей школы РФ ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»;

Калашикова И.В. – д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры «Производственный менеджмент» ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет».

Шкрабтак Н.В.

Трансформация глобальной миграции: монография / Н.В. Шкрабтак, М.В. В.З. Григорьева, Д.Б. Пеков. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2021.

В условиях трансформаций современного мира меняется формат глобальных миграций населения. Этот процесс проявляется в замедлении роста краткосрочных перемещений. В принимающих странах с высоким уровнем доходов мигрантов нередко винят в повышении уровня безработицы и сокращении объема социальных услуг. Также широко распространена озабоченность по поводу «утечки мозгов» из стран-доноров Восточной Европы, Западных Балкан, Южного Кавказа и Центральной Азии.

В монографии акцент сделан на разработку политики в отношении мобильности рабочей силы, а также представлены тенденции, определяющие факторы и виды воздействия на рынке низкоквалифицированных и высококвалифицированных работников.

Предназначена для специалистов, а также магистров, аспирантов и студентов соответствующих специальностей вузов.

ББК 65.5

ISBN 978-5-9343-362-4

©Амурский государственный университет, 2021

© Шкрабтак Н.В., Зинченко М.В., Григорьева В.З., Пеков Д.Б., 2021

ВВЕДЕНИЕ

Формирование человеческого капитала является одним из ключевых параметров, определяющих экономический рост. В связи с этим очень важно понимать механизм, посредством которого человеческий капитал влияет на экономику, а также процесс формирования человеческого капитала.

«Утечка мозгов» – это распространенное явление в охваченном глобализацией современном мире. Управление кадровыми миграционными процессами – важная задача для большинства развитых государств, так как социально-экономические последствия кадровой миграции оказывают существенное воздействие на экономическое и общественное развитие, влияют на стабильность страны. Для эффективного управления кадровыми миграционными потоками правительства стремятся разработать такую политику, которая даст возможность государствам не только контролировать данное явление и предотвращать его негативные последствия, но и использовать потенциал «мигрирующих умов», действуя в интересах государства в области социально-демографического и экономического развития.

В настоящей монографии обобщаются последние тенденции экономического развития и содержится прогноз для разных стран. В центре внимания – разработка политики повышения мобильности рабочей силы за счет использования преимуществ миграции и сокращения издержек, связанных с перемещением рабочей силы; в ней также представлены тенденции, определяющие факторы и воздействие, оказываемое работниками с высоким и низким уровнем квалификации.

За последние шестьдесят лет доля мигрантов в совокупной численности населения мира почти не изменилась, оставаясь на стабильном уровне в 2,5-3,5%. Вместе с тем за этой общей цифрой скрывается изменение потоков миграции, поскольку иммигранты все больше сосредоточиваются в небольшом числе принимающих стран. Так, за последние сорок лет доля иммигрантов в Западной и Восточной Европе стремительно выросла. Сегодня один из трех мигрантов в мире направляется в Европу. Более того, несмотря на то, что в глобальном масштабе на долю внутрирегиональной миграции приходится лишь

треть от общего объема миграции, уровень межрегиональной миграции особенно высок в Европе и Центральной Азии, при этом 80% эмигрантов выбирают для переезда другие страны Европы и Центральной Азии.

Такая концентрация вызвала широкую оппозицию в европейских странах с высоким уровнем доходов, где мигрантов нередко обвиняют в росте безработицы и ухудшении социальных услуг. Кроме того, широко распространены опасения по поводу «утечки мозгов» из стран-доноров Восточной Европы, Западных Балкан, Закавказья и Центральной Азии.

Смягчение ограничений на пути миграции – один из наиболее эффективных инструментов для искоренения бедности и сокращения неравенства в мире.

Нередко сопротивление миграции носит стойкий характер. Это объясняется тем, что преимущества миграции проявляются в долгосрочной перспективе, тогда как издержки – вынужденное перемещение и безработица – возникают немедленно и касаются в основном определенных групп населения.

Необходимо сокращать такие краткосрочные издержки. Государствам при разработке экономической политики следует оказывать поддержку работникам в принимающих странах путем разработки программ переобучения и изменения системы обучения молодежи таким образом, чтобы молодые специалисты не конкурировали с менее квалифицированными мигрантами. Государства могли бы оказывать содействие работникам, которым необходимо сменить род занятий, место проживания или сферу занятости. Сюда могут включаться выплата временных социальных пособий и страховых пособий по безработице. Замена квот на налоговые меры могла бы стать полезным способом финансирования адаптации за счет налогообложения получателей пособий. Среди инновационных мер можно рассматривать налогообложение дополнительного дохода, визовый сбор или даже систему выдачи виз на основе аукциона. Такие платные системы позволят работодателям быстрее адаптироваться к изменениям на рынке труда и ослабить враждебное отношение к мигрантам.

Все страны стремятся привлекать квалифицированных работников для повышения инноваций и производительности. Что касается принимающих стран, то разработка ясной стратегии предоставления постоянного местожитель-

ства или даже гражданства является важным фактором привлечения квалифицированной рабочей силы. В таких странах, как правило, имеются постоянные рабочие места, требующие существенных инвестиций в человеческий капитал с учетом определенных видов занятости. Поскольку многие квалифицированные работники переезжают со своими семьями, важно обеспечить им гарантии местожительства, доступа к образованию и другим государственным услугам. Инвестиции в высшее образование также имеют решающее значение, поскольку наличие хороших вузов – залог привлечения талантливых и целеустремленных кадров. Принимающие страны могли бы напрямую финансировать образовательные учреждения в странах-донорах, что будет полезно и тем и другим, поскольку не все выпускники таких учебных заведений будут покидать страну.

Что касается стран-доноров, которые испытывают продолжительный дефицит человеческого капитала, то эмиграция квалифицированных кадров представляет для них серьезную проблему. Такие устойчивые тенденции зачастую являются симптомом, а не глубинной причиной проблемы. Повышение качества государственного управления и укрепление институциональных основ в странах-донорах должно стать предметом долгосрочной политики, направленной на преодоление причин, лежащих в основе устойчивой эмиграции. К мерам политики, направленным на удержание квалифицированных кадров, относятся развитие частного сектора, создание рабочих мест, инвестиции в высшее образование и расширение экономических возможностей для женщин. Укрепление связей – еще один важный аспект усиления взаимодействия с диаспорой. Эмигранты, поддерживающие связь с родиной, больше склонны инвестировать и возвращаться в свою страну.

Не исключено, что со временем сроки пребывания за рубежом покидающих страну квалифицированных работников будут сокращаться и они будут возвращаться на родину благодаря глобальной интеграции, снижению транспортных и коммуникационных издержек и повышению уровня жизни за пределами традиционно развитых экономик. Усиление потенциальных стимулов, направленных на удержание граждан в странах-донорах, имеет больше шансов сдерживать поток эмиграции, чем политика ограничения преимуществ за рубежом.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ МИГРАЦИИ

1.1. Теории миграции в рамках глобализации

Процесс миграции населения – понятие, которое необходимо изучать одновременно в контексте социально-демографических, политических, экономических и культурных характеристик на каждом из уровней его существования – от индивида до государства [32]. Это связано с тем, что его последствия могут оказать существенное влияние на все сопряженные с ним элементы.

Одновременное существование миграции на макро- и микроуровнях привело к тому, что существует большое количество разных теорий, концепций и классификаций этого явления. В настоящей работе миграция будет рассмотрена на уровне государства и международных отношений, что тесно связывает миграцию и глобализацию. Вследствие глобализации мировой экономики с середины XX в. мировое сообщество было охвачено миграционными потоками.

Основными направлениями глобализации стало свободное перемещение людей между регионами, либерализация мировой экономики и национальных рынков труда. Этот процесс стал основной для формирования современных потоков миграции, которые привели к возникновению нового вида занятости, при котором иностранное население способно разрешить внутренние экономические проблемы, – например, заполнить экономические ниши в развитых странах.

Как неквалифицированная, так и квалифицированная миграция влияет на повышение конкурентоспособности экономики и бизнеса любого уровня. Кроме того, глобализация привела к тому, что требования к некоторым категориям специалистов одинаковы и больше не ограничивают индивидов в перемещении.

К таким специальностям относят информационные и компьютерные технологии, а также науку и исследования [32].

На сегодняшний день в рамках глобализации возникло большое количество теорий и концепций миграции, которые основаны на разных предпосылках. Однако важно отметить, что миграцию, как и любой другой социальный процесс, достаточно сложно классифицировать, что приводит к возникновению смешанных форм.

Миграция неотделима от деятельности любого человеческого сообщества и сопровождает человечество на протяжении всей его истории, постоянно мутируя и становясь либо маргинальным фактором, либо решающим фактором социального развития. Миграция как таковая представляет собой сложное социально-экономическое и культурно предопределенное явление, которое довольно непредсказуемо и неоднозначно по своим последствиям, поскольку на него одновременно влияет целый ряд факторов.

В наши дни исследования миграционных процессов становятся все более важными из-за интенсификации социальных взаимодействий, которые сейчас часто игнорируют национальные границы и становятся глобальными. То же самое относится и к исследованию: глобализация исследования открывает новые возможности для использования различных статистических и социологических подходов и данных, позволяет проводить сравнительный анализ в новых измерениях.

Таким образом, сегодня во многих гуманитарных и экономических дисциплинах возникают новые, более специализированные дисциплины для изучения трансграничной миграции. Хорошим примером является лимология (от лат. «лайма» – граница, предел). Такой междисциплинарный синтез во многом определяется интересом общественных и политических кругов к тщательному изучению миграционных процессов и возможностям их дальнейшего прогнозирования.

Самые актуальные тенденции современного глобального развития создают предпосылки для академического пересмотра международной миграции. К ним, в частности, относятся: ликвидация глобальной биполярной системы, последствия которой по-прежнему влияют на многие страны; постепенное формирование мирового рынка труда, что частично облегчает миграционные режимы во многих странах; постоянные попытки найти разумный баланс между миграционной и национальной политикой, что является довольно чувствительной проблемой как для отправляющих, так и для принимающих стран.

В исторической перспективе страны демонстрируют разнообразные подходы к регулированию миграционных процессов. Некоторые подходы носят

ограничительный характер, когда миграция рассматривается как угроза для местного рынка труда или даже для государственной безопасности. В таком случае государственные органы пытаются контролировать, ограничивать или даже останавливать миграцию.

В более открытых моделях миграционной политики власти поощряют и стимулируют внешнюю миграцию. В каждом конкретном случае необходимо рассматривать миграцию, применяя широкий спектр научных дисциплин и выстраивая интегрированные методологические подходы.

С точки зрения государственных органов, основное внимание должно быть уделено регулированию миграционных потоков, а затем интеграции и адаптации миграционных сообществ, взаимодействию между мигрантами и принимающими обществами, растущей роли социокультурных факторов в международной миграции.

Все это ясно демонстрирует необходимость нового видения и новой государственной политики, созданной и поддерживаемой экспертами в этой области, которые могут оценивать и прогнозировать как возможности, так и угрозы со стороны внешней миграции.

С точки зрения статистики, мигрант – это человек, который меняет свое место жительства в связи с переездом в другую страну. Согласно рекомендации Статистической комиссии ООН, мигрант – это «любой, кто меняет страну обычного проживания».

Под внешней миграцией мы понимаем добровольное или принудительное, повторное или одноразовое, законное или незаконное пересечение границы суверенной (по крайней мере, формально) политической единицы; и такое пересечение становится предпосылкой для следующих взаимосвязанных процессов экономического и социокультурного характера.

Миграция – сложное и многоаспектное явление, и мы не хотим сужать его до единственного измерения человеческого функционирования. Ключевым намерением мигранта может быть получение университетского образования или вступление в брак за границей, но в то же время он / она выполняет оплачиваемую или неоплачиваемую работу в принимающей стране, регулярно или

время от времени. В случае повторной миграции основная цель такого путешествия также может измениться.

Внешняя миграция является объектом изучения для многих наук – статистики, географии, демографии, юриспруденции, социологии и т.д. Тем не менее, крупнейший вклад исследований по миграции, очевидно, принадлежит экономике. Основные понятия, используемые в экономике для изучения миграции: спрос и предложение на рынках труда стран-доноров и принимающих стран; потоки рабочей силы; профессионально-квалификационная структура рабочей силы.

Вклад экономики в исследования миграции трудно недооценить, однако у этого также есть свои ограничения. Экономический анализ миграции фокусируется в основном на добровольной трудовой миграции с рядом специфических, чисто экономических факторов. Многие другие факторы остаются без внимания, а именно: вынужденная миграция, миграция, обусловленная культурными и / или социальными факторами, миграционные намерения и планирование, особенности адаптации мигрантов к новой социокультурной среде, неэкономические последствия миграции (включая изменение социального статуса, изменение ценностей, изменение поведенческих моделей и т. д.).

Рассмотрим ключевые этапы академического дискурса по внешней миграции в историческом ракурсе.

Истоки исследований внешней миграции можно проследить до XVIII в. и Адама Смита. Будучи либеральным мыслителем, Смит сформулировал так называемый меркантилистский подход к внешней миграции (англ. «trader» – торговец), согласно которому безудержное международное движение рабочей силы способствует экономическому росту и сокращает бедность. Приоритет в этом контексте отдается привлечению иностранцев с определенной квалификацией и ограничениями на эмиграцию собственных граждан.

Во второй половине XIX в. была сформирована классическая теория миграции. Его происхождение связано с именем Э.Г. Равенштейна, который ввел «законы миграции» и объяснил, как детерминанты миграции делятся на факторы притяжения и толчка. После него такие авторы как Э. Ли, С. Эберг и

У.А. Льюис изучали функции внешней миграции как для отправляющих, так и принимающих обществ.

Особое внимание было уделено тому, как внешняя миграция уравнивает рынки труда в отправляющих и в принимающих странах. Любая экономика, несмотря на уровень экономического развития страны, имеет свой прожиточный минимум. Первый является традиционным источником трудовых ресурсов для второго, который обычно гораздо выгоднее. Противники классического подхода нашли свои слабые стороны в переоценке роли «*homo economicus*», игнорируя при этом неэкономические факторы миграционного поведения и дисфункции, которые потенциально могут быть вызваны внешней миграцией.

Критика классического подхода в исследованиях внешней миграции логически привела к формированию неоклассического подхода, который восходит к концу XX в. и связан с именами Д.С. Масси, А. Паллони, Дж. Дюранда и др.

Согласно неоклассическому подходу, миграция основана на индивидуальных расчетах прибылей и убытков. При таких расчетах человек учитывает возможность получить новое рабочее место, а в случае нелегальной эмиграции – шанса избежать депортации. Кроме того, внимание уделяется таким факторам как стоимость поездки, экономия средств на поиск новой работы, стресс, связанный с культурными изменениями, утрата устоявшихся социальных контактов и т.д. Различные литературные источники демонстрируют широкий спектр критики неоклассического макроса и микроподходы. Эта критика касается как методологических основ неоклассического подхода, так и его локальных аспектов.

Большая часть этой критики направлена против центральной идеи классических и неоклассических теорий: миграция как механизм баланса и позитивных изменений. Критики обращаются к дисфункциональным последствиям внешней миграции, в первую очередь к утечке мозгов [98].

Утечка мозгов вызвана рядом объективных причин. Как отмечают Б. Яловецкий, Я. Гриневич, А. Мынц, мотивы ее очевидны, обусловлены разли-

чием потенциалов более развитых стран и, мягко говоря, тех, кто находится на их пути. Эмигрантов привлекают в западных странах высокая заработная плата, лучшие условия труда, стабильность и политическая свобода, а также возможность их детям получать образование в лучших университетах. В последние годы одной из наиболее частых причин миграции становятся этнические войны и отсутствие политической стабильности во многих странах мира.

Главная угроза внешней миграции заключается в том, что в тех случаях, когда эмигрирующие люди в основном имеют высокую квалификацию и образование, оставленные просто не могут поддерживать производительность экономической деятельности страны на достойном уровне. Такая интерпретация миграционных угроз часто присутствует в политическом и повседневном дискурсе; тем не менее, научный анализ ясно показывает, что все не так просто: в некоторых случаях происходят и положительные изменения (так называемое усиление мозга вместо утечки мозгов). Обратная миграция может иметь значительные положительные последствия для отправляющих стран; однако они довольно долгосрочны.

Интересно, что эта политическая озабоченность по поводу негативных последствий эмиграции на практике приводит, например, к так называемому «налогу на утечку умов», который должен компенсировать предыдущие инвестиции страны в образование и профессиональную подготовку [94].

В более легкой форме это выражается в создании высокодоходного сектора экономики, который готовит и нанимает работников за границу. Например, такие новые промышленно развитые страны как Гонконг, Корея, Сингапур или Тайвань создают компании, которые готовят специалистов, пользующихся высоким спросом за рубежом, а затем предоставляют свои собственные трудовые ресурсы, получая, таким образом, как прямую, так и косвенную прибыль (включая денежные переводы, которые трудящиеся-мигранты отправляют своим семьям).

Разрушающее влияние утечки мозгов переоценивается как таковое и сегодня определенно имеет признаки политически вдохновленного паникерства. Кроме того, утечка умов из-за эмиграции приводит к гораздо меньшим потерям

кадров в науке и высшем образовании по сравнению с изменениями в специализациях внутри страны.

В целом, функции миграции, описанные неоклассиками, не всегда видны в реальной жизни. Например, миграция не всегда связана с экономическим ростом, но даже если этот рост наблюдается, его может быть недостаточно, чтобы повернуть миграцию в противоположную сторону.

Таким образом, в долгосрочной перспективе мы можем и не наблюдать выравнивания в развитии; однако существует некоторое восстановление баланса между капиталом и трудовыми ресурсами [93].

Что касается финансовых переводов трудовой миграции в страны происхождения, это может быть сведено на нет следующим: во-первых, сбережения мигрантов, отправленные домой, на самом деле не инвестируются в экономическое развитие стран их происхождения (например, в развитие капитала или создание новых рабочих мест). Они используются в основном для каждодневного потребления и, таким образом, стимулируют только инфляцию. Особенно это касается случаев, когда эмигранты из бедных семей, но «спонсируют» тех, кто больше потребляет. Говоря в более широком институциональном плане, трансферты от эмигрантов являются источниками для малоэффективных экономических систем, поскольку направлены на домашние хозяйства, которые будут тратить их на улучшение своего материального и финансового положения, а не на развитие экономики или накопление капитала.

Таким образом, финансовые переводы мигрантов поддерживают экономическую систему, но не вызывают инноваций. Более того, входя в довольно замкнутую, сильно коррумпированную и стремящуюся к рентабельности экономику, эти ресурсы включаются в каналы финансового обращения, которые в основном лишь сохраняют патологии экономической системы.

Во-вторых, даже притом, что в большинстве стран, отправляющих мигрантов, уровень безработицы обычно довольно высок, те, кто становятся мигрантами, очень редко остаются безработными до принятия решения о миграции [103]. Это означает, что внешняя миграция не помогает решить проблему безработицы, а усугубляет ее.

В-третьих, опыт Филиппин ясно показывает, что даже годы довольно интенсивной внешней миграции не приносят желаемого роста заработной платы внутри страны. Кроме того, нет оснований полагать, что внешние мигранты, получив новые квалификации и знания, вернулись домой и обогатили национальную экономику: подавляющее большинство занималось низкооплачиваемыми и низкоквалифицированными работами в принимающих странах (обычно это приводит к потере некоторых профессиональных навыков, а не к их накоплению или обогащению их).

Помимо уже описанных пробелов в неоклассических подходах, существуют также трудности с объяснением обратной миграции в тех случаях, когда мигранты не достигают ожидаемого уровня заработной платы и / или благосостояния.

Существует ложное, но распространенное предположение, что большинство миграционных потоков поступает из самых бедных стран. Если бы это было правдой, лидерами миграции были бы страны Африки к югу от Сахары, а также Бангладеш и Гаити, как это отмечено Портесом [172].

Однако фактический анализ ситуации на макроуровне наглядно демонстрирует, что крупнейшими «поставщиками» миграции являются не самые бедные страны мира, а те, уровень благосостояния в которых примерно равен среднему в мире, так называемые страны со средним уровнем дохода – такие как Мексика Марокко, Турция или уже упомянутые Филиппины.

В этих и других странах наиболее важным фактором эмиграционного толчка является не столько бедность, сколько неравенство [161].

Критикуемые теории также не учитывают институционально-нормативный аспект предмета. Неоклассическая теория не принимает во внимание, что люди не определяют миграционную политику государств. Не мигрант решает, получает ли он / она юридический статус мигранта, а государство и миграционный режим в нем.

В то же время мигрант может учитывать особенности этого режима в принимающей стране, а также учитывать трудности при пересечении границы,

риски депортации и другие факторы, которые могут повлиять на решение о миграции.

В целом исключительно экономическая модель миграции подвергается серьезной критике со стороны многих исследователей, поскольку в ней мы видим только человека без последствий, который использует калькулятор для учета выгод и преимуществ от миграции в различные места [95].

Кроме того, многочисленные социологические исследования показали, что зачастую люди просто не готовы принять решение о миграции, и даже в худших экономических условиях они его не принимают. Основная причина этого заключается в том, что люди не всегда рациональны в таком важном выборе и рассматривают гораздо более широкий круг факторов, многие из которых вообще не являются экономическими [129].

Чтобы преодолеть ограничения неоклассической модели, Дж. Харрис и М. Годаро предлагают несколько измененную ее интерпретацию, согласно которой люди принимают решения о миграции, основываясь не на объективных знаниях о текущем состоянии рынков и шансах улучшить свое собственное благосостояние, но исходя из определенных представлений и ожиданий, которые, очевидно, вовсе не объективны [140]. Более конкретно вместо понятия «разница в доходах» в этом контексте мы должны оперировать понятием «ожидаемая разница в доходах» [188].

Однако даже с учетом всех этих модификаций неоклассическая теория миграции все еще подвергается критике как односторонняя и упрощенная, сводимая только к экономическому измерению. Вместо «статического» понимания самоуравновешивающихся рынков труда в отправляющих и принимающих странах внешнюю миграцию следует рассматривать как выбор, часто нерациональный и довольно противоречивый [151].

Если рассматривать теории внешней миграции в их хронологическом порядке, то следующим должен быть структурный подход, представленный в первую очередь теорией мировых систем. Его ключевое отличие от теории факторов «толкай и толкай» состоит в том, что в первом подчеркивается добро-

вольный характер движения людей, а во втором – роль крупных организаций (корпораций и государств) в формировании миграционных потоков.

Теории миграции, объединенные под названием «структурный подход», фокусируются на макросоциальных процессах, которые приводят к неравенству и ограничению жизненных возможностей людей. Структурный подход объясняет миграцию как следствие эксплуататорских отношений между отправляющей и принимающей странами.

Наиболее известные теории в рамках этого подхода связаны с неомарксизмом – теорией мировых систем и теорией недоразвития А.Г. Франка. Предшественником анализа мировой системы был французский историк Ф. Бродель, который фактически ввел само понятие мировой системы, понимая ее как региональную самодостаточную и автономную экономическую систему, «мир внутри». Отправляющие и принимающие общества являются компонентами одной и той же системы мировой экономики, которая является относительно автономной по отношению к остальному миру и в то же время имеет экономическое, социокультурное и институциональное сходство и корреляцию внутри. Наиболее явный и очевидный пример такого подхода к мировой системе – внешняя миграция из бывших колоний в их прежние метрополии.

В ходе развития мирового системного анализа в 1990-х гг. теория международной миграционной системы была сформулирована М. Крицем [154]. Эта система сформирована миграционными потоками между двумя или более странами, которые обмениваются мигрантами. Такая система опирается на исторические, политические, экономические и культурные связи. Например, трудовая миграция из Марокко во Францию обусловлена довольно сложным набором отношений и зависимостей, которые включают: социокультурные особенности (мавры знают французский язык и сравнительно знакомы с французской культурой, что облегчает их адаптацию во французском обществе); структурные и институциональные факторы (социальные сети уже обосновавшихся мавританских иммигрантов во Франции; многочисленные француско-марокканские совместные предприятия, которые в основном объединяют французский капитал с марокканской рабочей силой); политические факторы (многие правитель-

ственные соглашения и сравнительно благоприятный миграционный режим). Все эти факторы постепенно формировались в течение десятилетий французского колониального правления в Марокко.

Следовательно, миросистемный подход смещает акцент с уровня индивидуальных решений и действий на объективные факторы, которые создают условия, важные для трудовой миграции.

Мир-система имеет определенные структурные зоны (узкий центр, полупериферия и периферия). Периферия по сути архаична и недоразвита, что делает ее легкой добычей для эксплуатации другими. Наиболее привлекательными направлениями миграционных потоков из бывших колоний (или, если говорить более нейтрально, зависимых территорий) являются центры их мировой экономики. Это всегда мегаполисы, которые динамичны, богаты ресурсами, культурно разнообразны и сравнительно либеральны.

В то же время страны периферии вовлечены в сложный процесс «развития отсталости», участие в котором только ухудшает ситуацию внутри отправляющей страны, а миграция ценных людских ресурсов усугубляет зависимость. Миграционные потоки расширяются, когда ключевые особенности вовлеченных территорий проявляют себя в большей степени (периферия демонстрирует слабое развитие, в то время как ядро показывает высокие темпы развития), а также когда конкретные политические или экономические акты влияют на ситуацию. Например, субъекты, работающие от ядра (само государство или крупный бизнес), могут попытаться привлечь наиболее ценные ресурсы путем установления для них удобных режимов миграции.

Большинство современных социологов согласны с этой интерпретацией, в том числе М. Буравой, который считает, что страны бывшего социалистического лагеря (страны «второго мира», используя терминологию периода холодной войны) приобретают черты стран третьего мира, т.е. они демонстрируют более высокие зависимости и более явное недоразвитие. Интересно, что это касается как зависимости от бывшего ядра Советского Союза, так и от сравнительно нового ядра внутри Европейского союза (когда речь идет о странах Центральной Европы) [104].

Таким образом, международная миграция является следствием капиталистического формирования рынка в развивающихся странах, в то время как вторжение глобальной экономики в периферийные регионы обычно катализирует в них миграционные процессы.

Капиталистические инвестиции провоцируют изменения, а изменения приводят к мобильности населения на периферии. Годы тесных отношений между ядром и периферией формируют устойчивые материальные, культурные, языковые, административные, транспортные и коммуникационные связи, что, естественно, ведет к созданию транснациональных рынков и транснациональных культурных систем.

В теории мировой системы феномен культурной зависимости рассматривается как маргинальный; это подробно объясняется, в частности, польскими авторами [105, 130, 153].

Ключевым фактором международной миграции является прежде всего структура мировой экономики, а не различия в заработной плате или разрывы в структуре занятости [158].

Рассмотренные выше подходы (как функциональные, так и структурные) не учитывают, что каждое действие имеет свой собственный баланс полномочий, определяемый свободной волей человека и определенными для него ограничениями (социокультурные, институциональные, экономические, правовые и другие «коридоры», которые устанавливают ограничение нашего поведения с точки зрения наиболее и наименее возможных его вариантов). Функциональный подход переоценивает роль агентства, а структурный подход – роль ограничений.

Теперь можно перейти к специфике современного этапа исследования внешней миграции. Эти особенности касаются не теорий или методологий, а самого выбора объекта исследования, методов и дизайна будущих исследований.

В частности, современные исследования внешней миграции рассматривают ее в основном с точки зрения принимающих государств и рассматривают прежде всего их требования по оптимизации миграционной политики с учетом

как реальных, так и предполагаемых (воображаемых) угроз (национальная безопасность) – угрозы, торговля людьми, нелегальная миграция, насыщение рынка труда, что ставит граждан в невыгодное положение с точки зрения возможностей трудоустройства, проблемы, связанные с культурной адаптацией, соблюдением законов или идентификацией вновь прибывших и т.д.

Исследователи часто оставляют вне поля зрения отправляющие страны, а также сложные миграционные траектории, по которым человек путешествует последовательно, участвуя, таким образом, в социальных, имущественных и политических отношениях обеих сторон. Такой способ миграции с его уникальными социокультурными, экономическими и политическими особенностями известен теперь как «транснационализм» [136].

Широко приемлемым способом решения проблемы односторонности исследования является проведение межнациональных исследований, которые осуждают этноцентризм и дают более широкий взгляд на обе позиции – позицию отправляющей и принимающей стран.

Очевидно, что такая исследовательская стратегия тесно связана с самыми последними проблемами, поскольку межнациональные исследования также являются кросс-культурными по своей природе, и это еще более сложно с точки зрения используемых методов и инструментов [146].

Всестороннее исследование внешней миграции должно учитывать, что мигранты, немигранты и потенциальные мигранты являются представителями различных социальных и демографических групп, с важными характеристиками – такими как пол, возраст, вероисповедание, культурная и / или этическая идентичность, которые в значительной степени определяют как миграционное поведение людей, так и барьеры на пути миграции.

В несоциологических исследованиях, как правило, массовые представления, в том числе мотивы, цели и ценности, остаются вне поля зрения. А между тем все эти факторы особенно важны в современном мире, где развитие коммуникаций, логистические и транспортные технологии и массовая культура создают как желание, так и возможность эмигрировать. Мотивации, дискурсы и символическая сторона нашей социокультурной реальности в более широком

смысле часто игнорируются. В то время как социокультурный аспект любого миграционного процесса может быть понят прежде всего через такие понятия как «миграционный проект» и «географическое воображение» и т.д.

Наконец, в исследованиях по миграции общий сдвиг сделан в сторону анализа экономических факторов, но они на самом деле не объясняют миграцию, а просто описывают ее. Статистические данные о заработной плате или качестве жизни как в отправляющей, так и в принимающей странах являются частью базового описательного исследования.

Существует очевидный разрыв между исследованиями по миграции и анализом соответствующих социальных изменений, и этот разрыв необходимо преодолеть. Более того, вряд ли существует какое-либо действительно долгосрочное исследование по миграции, которое выявило бы основные тенденции и объяснило, какие социальные инновации могут последовать из «волн миграции».

1.2. Интегрированные подходы к изучению трудовой миграции

Существует целый ряд интегративных подходов, направленных на преодоление ограничений структурных и функциональных моделей, в частности, экономический, системный, сетевой и неинституциональный.

Кроме того, в исследованиях внешней миграции наблюдаются значительные дисциплинарные особенности.

Новый экономический подход переориентирует исследования отдельных людей и их личные решения на уровень домохозяйств. Подход, который представляет домохозяйство в целом, каким-то образом снижает роль меньших единиц в принятии решений, но в то же время позволяет лучше понять условия, в которых принимаются эти решения [143].

Рассмотрим домохозяйства в условиях так называемой натуральной экономики, когда ключевым мотивом их поведения является минимизация потерь и рисков [181].

В течение определенных долгосрочных периодов (иногда дольше одного поколения) формируются определенные, довольно специфические социально-экономические стратегии выживания [113].

Домохозяйства могут управлять своими рисками за счет собственных ресурсов. Как единицы производства и потребления, в отличие от автономных лиц, они являются истинными единицами для анализа в исследованиях миграционных процессов. И разница между уровнем заработной платы не ключевой фактор для миграции: у домашних хозяйств часто есть другие, более мощные стимулы для вовлечения во внешнюю миграцию, даже в тех случаях, когда разница в уровнях заработной платы незначительна.

Одним из наиболее важных факторов, определяющих миграционное поведение домохозяйств, является социально-экономическое состояние среды, в которой существуют домохозяйства. И чем лучше домохозяйство выглядит на общем фоне (например, соседи), тем меньше у него намерений мигрировать. Таким образом, было бы логично предположить, что высокие показатели миграции наблюдаются не в самых бедных обществах, а в обществах со значительной дифференциацией уровня жизни.

Бедные домохозяйства могут брать кредиты у друзей и родственников, тем самым выстраивая определенную сеть довольно стабильных отношений, основанных на взаимопомощи и обмене неэкономическими ресурсами, инвестируя в так называемую экономику благосклонностей. Они также могут попытаться увеличить свои доходы путем поиска альтернативных рабочих мест с более высокой оплатой, или начать собственный бизнес, или изобрести другие способы повышения общего уровня благосостояния. Внешняя миграция в любом случае рассматривается наряду с рядом альтернативных вариантов.

С этой точки зрения внешняя миграция рассматривается как стратегия домохозяйства, форма инвестирования в человеческий капитал, направленная на диверсификацию доходов и в то же время минимизацию рисков безработицы, изменения (неблагоприятно) экономической среды и т.д.

Новый экономический подход действительно сместил акцент в исследованиях (например, по таким вопросам как: используют ли домохозяйства переводы из-за рубежа для инвестиций; зависят ли домохозяйства от такой помощи; какой налог может быть оптимальным для подобных денежных переводов

и т.д.), но все же этот подход не смог преодолеть ограничения классического и неоклассического подходов. В частности, данная теория не учитывает влияния институтов миграции, связанных с ними социальных сетей, роль посредников и др.

Следующий рассматриваемый подход – теория социальных сетей. Транснациональные социальные сети увеличивают вероятность внешней миграции главным образом потому, что они сокращают затраты и время на получение необходимой информации, а также снижают риски, связанные с перемещением.

Сетевой подход подчеркивает, что внешняя миграция предопределена миграцией на предварительной стадии, т.е. он имеет признаки процесса авторегрессии (показатели которого в данный момент линейно зависят от предыдущих показателей).

Первичная миграция вызвана различными причинами – разницей в заработной плате, условиями на рынке труда и т.д.

У первых мигрантов обычно очень высокие затраты на переселение из-за недостатка информации и многих факторов неопределенности. Для следующей волны миграции затраты становятся ниже, потому что в новой стране уже существуют определенные сети родственников и знакомых. И ситуация может прогрессировать до такой степени, что почти любой человек в отправляющей стране, который желает эмигрировать, может сделать это сравнительно легко.

Такие социальные сети образуют капитал поведенческого происхождения, который еще больше сократит потери и предотвратит ненужные расходы, оптимизируя тем самым доход уже на ранних стадиях [158].

Социальные сети (которые формируются бывшими и нынешними мигрантами, их семьями, а иногда и местными друзьями) представляют собой важный ресурс, с помощью которого мигранты могут найти место для жизни, работу, необходимую информацию, психологическую поддержку и т.д.

По мере роста размера и плотности социальных сетей потери и риски, связанные с перемещением, уменьшаются, и, следовательно, увеличивается вероятность миграции. Поэтому доступность социальных сетей в принимающей

стране становится дополнительным фактором внешней миграции, и этот фактор всегда обнадеживающий [101].

Бывшие мигранты, которые сегодня проживают в принимающей стране, являются лучшим источником информации для вновь прибывших и потенциальных мигрантов с точки зрения всех возможных выгод и потерь, наилучшей практики и проблем, с которыми можно столкнуться. Иногда они также предоставляют прямую финансовую поддержку, помогают найти работу и помогают в период адаптации другими способами [85].

Потенциально каждая новая волна мигрантов станет вспомогательной для следующей. Таким образом, формируется цепочка взаимосвязанных повторяющихся событий и действий. После запуска миграция воспроизводится сама собой. Основное преимущество теории миграционных сетей состоит в том, что она объясняет миграцию между странами в наиболее общем виде, какими бы ни были причины первой волны миграции. Само присутствие сообщества мигрантов в принимающей стране уже создает предпосылки для продолжения миграции.

Теория миграционных сетей способна объяснить различные объемы миграции в страны, которые одинаково привлекательны с экономической точки зрения, а также случаи, когда наблюдается интенсивная миграция, несмотря на довольно ограничительные миграционные правила (включая правовой механизм воссоединения семьи) [85].

«Узким местом» этой теории является то, что она не рассматривает экономические факторы как таковые и, следовательно, не может объяснить причины самой первой волны миграции. Кроме того, слабая сторона этой теории – игнорирование социокультурного контекста вокруг сообщества мигрантов. В литературе по этому вопросу существует явление, описываемое как «нисходящее нивелирующее давление». Такое давление возникает, когда сообщество мигрантов в принимающей стране существует на довольно низком уровне системы социальной стратификации. Это может быть вызвано рядом причин, в том числе формальной и неформальной дискриминацией данного этнического

сообщества; неспособностью адаптироваться к существующим требованиям рынка труда и т.д.

В такой ситуации сообщество мигрантов становится довольно замкнутой системой со своей собственной натуральной экономикой, а реляционные ресурсы внутри сообщества компенсируют нехватку экономических ресурсов. В таких сообществах семьи обычно состоят из нескольких поколений, живущих вместе, расположенных в одной гетто-подобной области; малый и средний бизнес в этих областях держится на семье и на этнической основе. Неформальные структуры в них также имеют отличительные этнические особенности, и это касается как институтов поддержки, так и криминальных кругов. Личные кредиты с нулевой процентной ставкой «внутри своего круга» широко распространены в таких общинах, а также интенсивный обмен услугами и неэкономическими ресурсами. Браки заключаются внутри одного этнического меньшинства.

В такой ситуации яркий представитель сообщества, способный двигаться вперед в социальной иерархии (получить лучшее образование, лучшую работу, более высокий общий статус), перестает быть родным элементом сообщества. Причина в том, что обычно успешный член такого сообщества будет перегружен многочисленными просьбами менее успешных членов сообщества (одолжить деньги, помочь с трудоустройством или деловыми контактами, поделиться опытом и т.д.).

В то же время сообщество оказывает «нисходящее нивелирующее давление» на своего более яркого представителя, требуя доли во вновь приобретенных ресурсах. В результате тот, кому удалось достичь определенного уровня успеха в жизни, покидает свое сообщество. Он вынужден прервать связи со своими друзьями и родственниками или по крайней мере снизить интенсивность контактов (наряду с соответствующими обязательствами). Такие люди обычно уходят из гетто и пытаются построить свои собственные социальные сети, основываясь на личных контактах, но не на требовании перераспределения ресурсов в пользу наиболее нуждающихся.

Подход систем миграции применим ко всем международным структурам как на макро-, так и на микроуровнях, которые имеют своего рода обмен ресур-

сами, капиталом и людьми. Макроуровневые компоненты миграционной системы включают в себя: политические структуры, устанавливающие миграционные режимы; структуры экономического доминирования и зависимости; культурные и языковые, а также другие структуры, проявляющиеся через сетевые связи [128]. Эта теория подчеркивает важность факторов притяжения в высокоразвитых странах (включая прежде всего спрос на иностранную рабочую силу и соответствующий целевой набор как предприятий, так и государственных учреждений).

В рамках подхода систем миграции лежит теория двойного рынка, которая объясняет внешнюю миграцию через макроэкономические особенности рынков труда в принимающих обществах [170].

В странах с высоким уровнем благосостояния всегда существует некоторая нехватка рабочей силы для непопулярных, низкооплачиваемых работ, которые не требуют специальной квалификации, но иногда могут быть небезопасными.

Таким образом, эти рынки воспринимают мигрантов как необходимый элемент общей рабочей силы. В такой ситуации мигранты фактически стабилизируют рынок труда в принимающей стране. Эта проблема не может быть решена каким-либо другим способом, поскольку единственный способ привлечь местных жителей к такой работе – увеличить заработную плату, что было бы экономически целесообразно из-за потенциального роста инфляции [171].

Эта ситуация может быть описана с помощью математической модели, которая учитывает качественные особенности трудовых ресурсов. Согласно данной модели, трудовые ресурсы, поставляемые миграционными потоками в принимающую страну, могут быть двух типов – квалифицированными и неквалифицированными. Когда мы рассматриваем ситуацию, в которой принимающая страна получает оба типа трудовых ресурсов и они влияют на уровень заработной платы, мы должны принять во внимание ограничения на более низкий предел заработной платы, установленные профсоюзами или местным законодательством. Модель основана на гипотезе, что на рынке труда, заполненном неквалифицированной рабочей силой, уровень заработной платы устанавливается

монопольными профсоюзами, и он выше, чем уровень равновесия. Заработная плата на рынке неквалифицированной рабочей силы может быть снижена из-за давления со стороны предложения дополнительной рабочей силы, т.е. эмигрантов. На рынке труда квалифицированной рабочей силы заработная плата находится на уровне рынка, без искусственного вмешательства профсоюзов.

Основным недостатком подхода к системам миграции является то, что институциональные факторы, миграционные режимы, политическая активность и тому подобное проявляются, в то время как последствия для отдельных лиц и небольших групп почти полностью игнорируются. Последние считаются только пассивными участниками миграционного процесса.

Одним из интегративных подходов, цель которого – объединение наиболее существенных особенностей рассматриваемых теорий, является теория кумулятивной причинности.

Кумулятивная причинность – сложная взаимосвязь социальных явлений, благодаря которой воспроизводство системы происходит посредством функций, выполняемых ее компонентами.

Это понятие в некоторой степени соответствует понятию аутопоэза, введенному Н. Луманом. В его интерпретации аутопоэз обозначает такую организацию элементов в системе (например, в социальной системе), при которой ее компоненты являются следствиями функционирования системы [157].

Теория кумулятивной причинности гласит, что каждый акт миграции меняет социальный контекст, в рамках которого дальнейшая миграция большего количества людей становится более вероятной.

В рамках этой теории рассматриваются следующие социально-экономические факторы миграции: распределение доходов; распределение земельных ресурсов; организация сельскохозяйственных работ; региональное распределение человеческого капитала и социальная ценность труда.

Со временем миграционные потоки становятся стабильными и появляется возможность определить международную систему миграции.

Неоинституционализм – одно из наиболее перспективных теоретических и методологических направлений, которые могут оказать положительное влия-

ние на концептуализацию внешней миграции. Это исследовательское видение довольно неоднородно в репрезентации. Например, неoinституционалисты считают, что Х. Уайт [195] – представитель новой экономической теории, а П. Димаджио [119] – представитель социокультурного подхода к изучению организаций.

Объясняя довольно широкую репрезентативность данного направления, Н. Флигштейн определяет предмет неoinституциональных теорий как определение закономерностей функционирования областей социальной реальности и комплексы социальных практик, которые регулируют функционирование этих полей [131]. Стоит отметить, что эти поля составляют ситуацию с уже имеющимися социальными практиками и структурами. Вышеупомянутые понятия «практики» и «структуры» используются достаточно гибко.

Таким образом, практики могут быть коллективными действиями в соответствии с установленным паттерном – как в случае эмиграции, поиска работы на новом месте и т.д., так и, например, типичных вербальных и / или когнитивных практик распространения знаний и отношений относительно внешней миграции.

Хорошей иллюстрацией последнего является наличие когнитивных систем, которые помогают людям оценивать текущую ситуацию и то, что должно быть сделано (или нет). Такая интерпретация структур в неoinституционализме очень похожа на идею П. Бурдьё об «габитусе».

По П. Бурдьё, объективная социальная среда производит габитус – «систему прочных приобретенных предрасположенностей», которые в дальнейшем используются индивидами как активная способность вносить изменения в существующие структуры, как исходные установки, которые порождают и организуют практики индивидов. Как правило, эти предрасположенности не предполагают сознательной нацеленности на достижение определенных целей, ибо на протяжении длительного времени они формируются возможностями и невозможностями, свободами и необходимостями, разрешениями и запретами. Естественно, что в конкретных жизненных ситуациях люди исключают наибо-

лее невероятные практики. Габитус в принципе отличается от научных оценок. Если наука после проведенных исследований предполагает постоянную коррекцию данных, уточнение гипотез и т.д., то люди, как считает П. Бурдьё, «придают непропорционально большое значение раннему опыту». Эффект инертности, рутинности предрасположенности проявляется в том, что люди, прекрасно адаптировавшиеся к прошлым реалиям, начинают действовать невпопад в новых реалиях, не замечая, что прежних-то условий больше нет.

Соответственно мы можем интерпретировать внешнюю миграцию как один из сравнительно автономных фрагментов социальной реальности, образованных стабильными структурами восприятия и действий, которые проявляются на уровне институционализированных и неформальных правил: от правовых рамок правительственных соглашений и национального законодательства о внешней миграции, через более конкретные правила работы служб занятости, пунктов регистрации паспортов и таможен, вплоть до неформальных структур восприятия и действия, на уровне социальных групп и общества в целом (моральные нормы, традиции и привычки, кодексы поведения, закономерности формирования и функционирования социальных сетей, социальный дискурс как таковой и т.д.).

Мы полностью согласны с Д. Нортон, который заявил, что неформальные практики и структуры являются наиболее стабильными и социально поддерживаемыми (и, следовательно, наиболее социально воспроизводимыми). Они быстро распространяются в социальных сетях и за их пределами, в то время как большинство из них формируется не на основе групповых, а на основе личных интересов и, таким образом, время от времени они могут стимулировать незаконную деятельность. Например, это мошенничество при получении визы, перевозка запрещенных товаров, нелегальное трудоустройство, нарушение визовых условий, халатность на работе и т.д. Такие модели действий воспроизводятся во времени и становятся своего рода «культурным наследием» для определенной части населения

Разнообразие во взглядах неоинституционалистов проявляется также в области исследования внешней миграции. Анализируя соответствующий ака-

демический дискурс, выделяют два ключевых направления неoinституционализма в исследовании внешней миграции: одно сосредоточено на организационных аспектах функционирования социальных систем; другое охватывает в основном символические (ценностные и нормативные) структуры.

Предметное поле первого направления (которое можно назвать формальным неoinституционализмом) включает в себя закономерности организационно-правовых механизмов, влияющих на миграционные процессы; целевая направленность на оптимизацию формального проектирования институтов. Второе направление более социологизировано, больше внимания уделяет социокультурному измерению правил, структур и практик (это направление можно назвать конструктивистским неoinституционализмом).

В рамках первого направления стоит обратить внимание на исследование институциональных факторов, порождающих миграционные потоки. Это направление сконцентрировано на институциональном дизайне, – например, на механизме ротационного президентства [184] или на процедуре совместного принятия решений [126].

В частности, Ф.В. Шарпф в середине 1980-х гг. уже обосновывал идею о том, что система институтов в ЕС создает так называемую ловушку общих решений, в которой институциональный дизайн Союза весит больше, чем политическая воля отдельных его компонентов – политических или социальных [126].

С точки зрения неoinституционализма эволюция либеральной демократии рассматривалась как неотъемлемая часть деятельности международных организаций, соглашений и контрактов, которые приводят к созданию определенных институциональных рамок с целью расширения личных прав, включая право на свободное передвижение и свободу проживания.

Некоторые авторы также отмечают, что миграционная политика западноевропейских демократических стран демонстрирует так называемый встроенный либерализм, который является характерной чертой почти всех политик этих стран в период после Второй мировой войны (Jacobson, 1996; Hollifield, 1998) [142, 148].

Дискурс, сконцентрированный вокруг прав человека, сегодня очень популярен – на уровне демократических правительств и их граждан, а также в отношении мигрантов. Этот дискурс оперирует довольно специфической терминологией при обсуждении связанных вопросов. В частности, в нем нет места популистским заявлениям, призывающим к этнической солидарности и однородности (по крайней мере, в дискуссиях об этнических мажоритарных группах). Институционализм в этом контексте концентрируется на таких институтах, ценностях, нормах и практиках, которые гарантируют воспроизводство этой встроенной демократии в различных сферах общественной жизни, включая внешнюю миграцию.

В исторической перспективе это можно рассматривать как траекторию, которая создает коридор новых возможностей для общества [182]. Помимо анализа на уровне общества, данное направление охватывает и более локальные исследования. Например, на уровне фирм и организаций – как коммерческих, так и некоммерческих, которые возникают для удовлетворения потребностей прошлых, нынешних и потенциальных мигрантов. Часть таких организаций полностью легальна, другие – теневые [158].

Это направление было подвергнуто критике главным образом потому, что, наряду с изучением сложностей бюрократических механизмов принятия решений «в офисах» (т.е. наряду с формализованным и нисходящим воздействием на миграционные процессы), обходило вниманием нисходящие процессы и неформальные структуры, массовое сознание в отправляющей и принимающей странах, публичный дискурс и размышления в СМИ о внешней миграции и др.

Здесь стоит отметить, что такое разделение (формальный и конструктивистский неоинституционализм) очень схематично, хотя может быть полезным с точки зрения кодификации научного дискурса. Очевидно, между первым и вторым направлениями существует целый ряд более мягких вариантов.

В целом неоинституционализм как таковой возникает из попыток преодолеть чрезмерное внимание к «*homo economicus*», который существует толь-

ко как идеальный тип человека, и, чтобы выявить корни экономических действий в социальных и шире – в социокультурных структурах [139].

И в то же время неоинституционализм помогает избежать распространения доминирования экономических факторов при объяснении тех областей социальной реальности, само существование которых определяется неэкономическими структурами [199].

Похоже, что новое поколение исследователей в большей степени концентрируется на отдельных и коллективных субъектах, а не на формальной организации, и в то же время на более широком использовании качественных интерпретационных методов [127].

Социологический вариант неоинституционализма (конструктивистский неоинституционализм) также подвергся критике.

Основное внимание критиков уделяется опасностям антропоморфизации идентичности, практики, ценностей и норм, пониманию их сущности как ключевых характеристик общества, сообщества или социальной группы.

Для анализа явлений массового сознания и практики (таких как миграционные) простая, чрезмерно социологизированная схема потребует дополнительных исправлений и подробного положения, в частности большего внимания к институциональному измерению. Массовое сознание, например, возникает не совсем естественно – оно частично формируется с определенными целями (особенно на его верхнем, рациональном уровне). Поэтому когда мы рассматриваем общественное мнение, нам необходимо сосредоточить внимание на центральных «толкователях знаний», у которых есть «символический гребец» для выдвижения, который определяет повестку дня и приоритеты в нем, утвердить список и состав центральных игроков, темы, альтернативы, проблемы и перспективы [100]. Это в первую очередь медиа и медиапредставительство.

Представление в средствах массовой информации означает способность устанавливать значение социальных отношений, представлять свои интересы и публично их обсуждать [144]. Средства массовой информации сосуществуют с другими «производителями смысла» в их различных модальностях – от конфликтующих и побежденных до равных и сбалансированных в случае гармо-

ничного социального развития. В ситуации высокого уровня развития гражданского общества СМИ являются сравнительно автономным производителем и ретранслятором интересов всех влиятельных субъектов – таких как государство, политические партии, международные корпорации, этнические и религиозные общины, «третий сектор» и т.д.

Неоинституциональный подход, с одной стороны, всё еще сфокусирован на институциональных и бюрократических (политических) реалиях, которые определяют миграционные процессы. С другой стороны, он концентрируется также на различных уровнях дискурсов, ценностей, практики и норм, которые влияют на миграционные процессы на индивидуальном уровне, уровне группы или всего общества (включая население, политическую элиту, средства массовой информации, экспертов и т.д.).

1.3. Типологизация процессов интеллектуальной миграции

Интеллектуальная миграция – сложный социальный процесс, характерные особенности которого являются предметом глубинных исследований. Изучение динамики изменения, направленности и интенсивности интеллектуальных миграционных процессов, анализ специфической взаимосвязи интеллектуальной миграции с другими социальными процессами позволяют говорить о формировании отдельной отрасли научного знания, посвященного проблемам миграции интеллектуальной сферы.

На первый взгляд, понятие «интеллектуальная миграция» представляется вполне изученным и теоретически разработанным. Однако стоит отметить, что некоторые авторы заменяют данный термин на схожие с ним, но не равнозначные, – например, «утечка умов», «циркуляция умов», «мобильность»; «интеллектуал» подменяется терминами «высококвалифицированный специалист», «ученый».

Таким образом, происходят изменения в интерпретации, типологизации, значимости, теоретической и практической обоснованности интеллектуальной миграции. В подобном контексте данный процесс представляется нам малоизученным.

В науке не существует общепризнанного международного определения перечисленных терминов («утечка умов», «циркуляция умов», «мобильность», «интеллектуал» и т.д.). Также нет единого мнения относительно состава той группы населения, к которой мы относим интеллектуальных мигрантов – высококвалифицированные специалисты, инженеры, ученые и работники высокотехнологичных отраслей, люди творческих профессий или все население, имеющее высшее образование; мигранты, въезжающие/выезжающие на постоянные места жительства или на временную работу, по контрактам, с целью получения образования, повышения квалификации и т.д.?

Существует тесная связь между образованием специфических форм капитала и местожительством мигранта: «Люди однажды основали и узаконили определенный набор свойств, необходимых для интеграции в их пространстве. Одной из целей исследования является выявление <...> таких форм специфического капитала» [99].

В процессе исследования интеллектуальной миграции важным аспектом является определение сути самого понятия интеллектуальности. Оно необходимо для понимания сущностных характеристик данного процесса, выявления его функциональных особенностей. Так, существует большое число подходов, связывающих интеллектуальность непосредственно с интеллектуальным (умственным) трудом, присущим данной группе населения. Рассмотрим некоторые из них.

Например, Н.К. Алимова в качестве наиболее распространенной приводит трактовку интеллектуального труда с позиции Б.М. Генкина: «Он выделяет в любом труде две составляющие (два компонента по терминологии автора): первая связана с трудом, выполняемым по заданной технологии, инструкции, регламенту, традиции и т. д. когда исполнитель (субъект труда) не вносит в нее никаких элементов новизны; творческий потенциал либо вообще не задействован, либо используется на примитивном уровне (такой труд назван им регламентированным); вторая компонента связана с созданием материальных или духовных благ, а также новых методов производства (такой труд назван им новационным, творческим)» [6].

Л.А. Лебединцева рассматривает интеллектуальный труд в рамках юридической науки, где внимание акцентируется на «том, что основой и механизмом обеспечения конкурентоспособности и развития инновационной экономики (или экономики знаний) является интенсивная интеллектуальная деятельность, прежде всего в области науки и техники, в связи с чем одним из фундаментальных вопросов создания эффективной рыночной экономики будет являться вопрос об отношении в обществе к интеллектуальному труду, к правовому механизму использования результатов такого труда и регулирования возникающих при этом отношений» [46]. Соответственно конечный интеллектуальный продукт зависит от вида и типа осуществляемой творческой интеллектуальной деятельности.

В наиболее общем представлении Л.А. Лебединцева под интеллектуальным трудом понимает «труд, обладающий творческим характером с преобладанием затрат умственной энергии, связанный с переработкой информации и созданием нового знания, с высокоэффективным и высокотехнологичным производством как с социальной, так и с экономической точек зрения» [45].

Таким образом, интеллектуальный труд в силу своих особенностей предназначен в первую очередь для того, чтобы создавать нечто новое, задействуя при этом умственные способности человека. Результатом интеллектуального труда является некий новый продукт, синтез знаний. В свою очередь выявление конкретных интеллектуальных результатов может способствовать выделению группы интеллектуальных мигрантов, принимающих участие в процессе их создания.

По мнению В.Г. Медынского, интеллектуальный продукт можно определить как «результат деятельности в области духовного производства, предназначенный для удовлетворения потребностей его потребителей». К формам интеллектуального продукта он относит:

научно-техническую продукцию (открытия, гипотезы, теории, концепции, модели (продукт фундаментальных исследований), изобретения, научные и конструкторские разработки, проекты, опытные образцы новой техники, новые изделия);

продукцию информатики (программный продукт, радио- и телепрограммы и др.);

продукты культуры [49].

Следовательно, интеллектуальным продуктом можно называть результат интеллектуальной деятельности, основанной на умственных способностях и энергии человека (культурном капитале), выражающийся в производстве, генерации новых научно-технических, культурных, общественных, творческих идей и разработок.

Настоящее определение служит одним из признаков выявления интеллектуального мигранта.

Однако в научной литературе встречаются и другие мнения относительно истоков формирования интеллектуальности. В частности, Й. Шумпетер разработал направление социологии, посвященное интеллектуалам. По его мнению, «интеллектуалы – это не социальный класс в том смысле, в каком им являются крестьяне или промышленные рабочие; они приходят из всех уголков социального мира, а занимаются главным образом тем, что воюют между собой или формируют передовые отряды борьбы за чужие классовые интересы» [81]. Интеллектуалы в понимании Й. Шумпетера – передовой слой населения, несущий инновационные идеи, представляющий угрозу капиталистической стабильности общества: «истинная степень оказываемого ими влияния может быть самой разной в зависимости от состояния политической игры – от простой формулировки до превращения того или иного шага в политически возможный или невозможный».

Современная интеллектуальная миграция как социальное явление прошла в своем развитии несколько этапов, отражавших магистральные тренды технологического прогресса и изменения ситуации на международной арене. Первоначально она практически полностью определялась выездом специалистов из одной страны в другую и представлялась исключительно как «утечка умов».

Считается, что совокупные материальные потери от выезда одного специалиста из стран с развивающейся или переходной экономикой могут составлять до одного миллиона долларов США. Кроме того, сужается область рас-

пространения инноваций на всех направлениях науки, техники и культуры. Тем самым производственный потенциал государства на десятилетия лишается возможностей поступательного роста. Однако на фоне экономических расчетов не всегда учитываются не менее важные политические моменты, – в частности то, что интеллектуальная миграция ведет к размыванию среднего класса и осложняет процессы общественного управления в современном понимании этого слова, ослабляет устойчивость демократических институтов не только в сравнительно отдаленной, но и краткосрочной перспективе. Тем не менее, сводить характеристику современного этапа интеллектуальной миграции к алармистским утверждениям о том, что «утечка умов» ведет к появлению нового вида колониализма, когда «бедные» страны безвозмездно поставляют в «богатые» метрополии своих специалистов, было бы неверно [34].

В некоторых правовых и нормативных документах употребляется термин «высококвалифицированный специалист», имеющий определенные законодательством строгие профессионально-квалификационные и финансовые рамки. Так, Федеральный закон № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» рассматривает понятие «высококвалифицированный специалист» с точки зрения эмиграции граждан других государств в Российскую Федерацию: «высококвалифицированным специалистом признается иностранный гражданин, имеющий опыт работы, навыки или достижения в конкретной области деятельности, если условия привлечения его к трудовой деятельности в Российской Федерации предполагают получение им заработной платы (вознаграждения)» [74].

Правом привлечения высококвалифицированных специалистов, согласно закону, наделены три категории организаций-работодателей:

- 1) российские научные организации (имеющие государственную аккредитацию высшие учебные заведения, государственные академии наук или их региональные отделения, национальные исследовательские центры либо государственные научные центры);
- 2) российские коммерческие организации (за исключением индивидуальных предпринимателей);
- 3) резиденты иностранных юридических лиц, аккредитованных в РФ.

Таким образом, ключевым критерием для определения высококвалифицированного специалиста, согласно федеральному закону, становится его заработная плата. Оценку компетентности и квалифицированности иностранного гражданина, привлекаемого в качестве высококвалифицированного специалиста, работодатель или заказчик работ (услуг) должен осуществлять самостоятельно и нести соответствующие риски.

В целом «утечка умов» – это односторонняя миграция высококвалифицированных кадров в рамках мирового хозяйства.

Сегодня выделяют две формы «утечки умов» – прямая, путем переезда на постоянное место жительства профессионалов и выпускников учебных заведений, привлечения на работу по контракту в фирмы или научные центры, а также косвенная, – за счет приема на работу в транснациональные центры и их филиалы.

По мнению П.А. Бабаевой, функциональные особенности интеллектуальной миграции условно можно разделить на основные (общие), комплексные (дополнительные) и латентные (скрытые) [7].

К первой группе следует отнести функцию перераспределения в ее основном назначении – механическом перераспределении интеллектуальных ресурсов в рамках как внешних, так и внутренних систем. Особенностью данной функции является подвижность ресурсов, выраженная как в межтерриториальном, так и в межотраслевом характере. Выполняя перераспределение, миграция регулирует в большую либо в меньшую сторону численность и соотношение трудовых сил, в том числе интеллектуальных.

Кроме того, функция перераспределения может иметь и более комплексный характер и выражаться в мобильности, распространении идей, информации, что способствует социальным, экономическим, политическим и иным изменениям в жизнедеятельности общества. Результатом интеллектуального перераспределения в данном случае выступает переход от одного общества к другому, отказ от одной социальной установки и ввод другой, замещающей, изменение социума, социального и политического окружения.

Данную функцию как одну из основных выделяет большинство исследователей миграционных процессов. Так, Т.Н. Юдина, ссылаясь на публикацию Л.Л. Рыбаковского, дает пояснение: «Первой функцией миграции является перераспределение населения, связанное с размещением производительных сил, распределением производственных мощностей и инвестиций между отдельными территориями страны, в том числе между природными зонами, районами, разными типами сельских и городских поселений» [83].

Безусловно, интеллектуальная миграция в полной мере отражает суть перераспределения.

Перераспределительная функция интеллектуальной миграции характеризует количественную составляющую процесса, в то время как селективная отвечает за качественные изменения в структуре населения. По мнению автора, селективная функция в полной мере проявляется в процессе интеллектуальной миграции и выступает ее ключевой особенностью. С.А. Ганифаева так описывает суть селекции: «неравномерное участие в миграции различных социально-демографических групп ведет к изменению качественного состава населения разных территорий» [17].

В данном случае проявляется воздействие механизмов интеллектуальной миграции на составляющие жизнедеятельности государства и общества посредством регуляции межтерриториальных и межотраслевых потоков.

Ко второй группе, комплексных (дополнительных) функциональных особенностей интеллектуальной миграции, по мнению авторов, относятся следующие глобализационная, регуляционная (контролирующая) и системная функции.

Глобализационная функция в условиях развития международного сотрудничества приобретает всеобщий, планетарный масштаб. Комплексность данного процесса выражается как в транснационализации глобальных проблем, влияющих на большинство сфер жизнедеятельности населения, так и в интеграции, унификации мирового сообщества, в том числе в плоскости интеллектуальной миграции. В первую очередь это выражается в межнациональных,

межгосударственных циркуляциях трудовых ресурсов, активизации внешней трудовой интеллектуальной миграции, сбалансированности рынка труда.

Регуляционная (контролирующая) функциональная особенность интеллектуальной миграции базируется на взаимоотношениях индивида и государства, обеспечении и гарантии прав и свобод на передвижение, выбор места жительства и трудоустройство. Посредством реализации контролирующей составляющей достигается необходимый в современных условиях баланс в экономической, политической, социальной, правовой, религиозной, культурной, демографической сферах государства.

Таким образом, интеллектуальная миграционная активность в каждой из этих сфер может выступать подфункцией. Так, экономическая (трудовая) интеллектуальная миграция призвана обеспечивать стабильное развитие экономики государства путем привлечения высококвалифицированных специалистов.

Сегодня «утечка умов» перестала быть общим знаменателем для всех типов интеллектуальной миграции. Многие ученые, менеджеры, врачи, технологи из развивающихся стран, поработав за рубежом и повысив свою квалификацию, возвращаются на родину, найдя достойное применение своим новым профессиональным возможностям. Курс на поддержку возвращения специалистов, ранее выехавших для работы за рубеж, стремится проводить все большее число государств.

ГЛАВА 2. СПЕЦИФИКА ПРИРОДЫ МИГРАЦИИ

2.1. Основные тенденции современной международной миграции

За последнее время мир столкнулся с наиболее серьезным кризисом миграции. Между тем данные миграции говорят об ином.

В 2017 г. (последний год, за который имеются сопоставимые данные) в мире насчитывалось немногим более 250 млн. международных мигрантов. Это более чем на 75% больше, чем в 1990 г., когда их число составляло 140 млн., и в три раза больше, чем в 1960 г.

За последнее 60 лет доля международных мигрантов в совокупной численности населения мира почти не изменилась, оставаясь на стабильном уровне в 2,5-3,5%.

За этими в целом стабильными показателями скрывается ряд быстро меняющихся тенденций, которые являются истинной причиной волнений по поводу миграции. Первая из них заключается в том, что основная доля иммигрантов сосредоточена в небольшом числе принимающих регионов – особенно в странах с высоким уровнем доходов, испытывающих дефицит рабочей силы, которые предъявляют высокий спрос на трудовые ресурсы в определенных отраслях и на определенные профессии и имеют относительно либеральное миграционное законодательство. Две трети мигрантов в мире проживают в Северной Америке, Западной и Восточной Европе и в экспортирующих нефть странах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива.

За последние 40 лет доля иммигрантов в Западной Европе стремительно выросла, увеличившись с 18% до примерно 25% от общего числа мигрантов в мире.

На долю бывших республик Советского Союза в Восточной Европе приходится еще 10% общей численности мигрантов в мире.

В результате более одного мигранта из трех выбирает Европу в качестве направления для миграции [197].

Показатели миграции как между странами, так и внутри них существенно различаются. Наиболее высокие доли иммигрантов по отношению к коренному

населению отмечаются в экспортирующих нефть странах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива, за которыми следуют Австралия, Канада и Новая Зеландия, где на долю иммигрантов приходится примерно 20% населения (рис. 1).

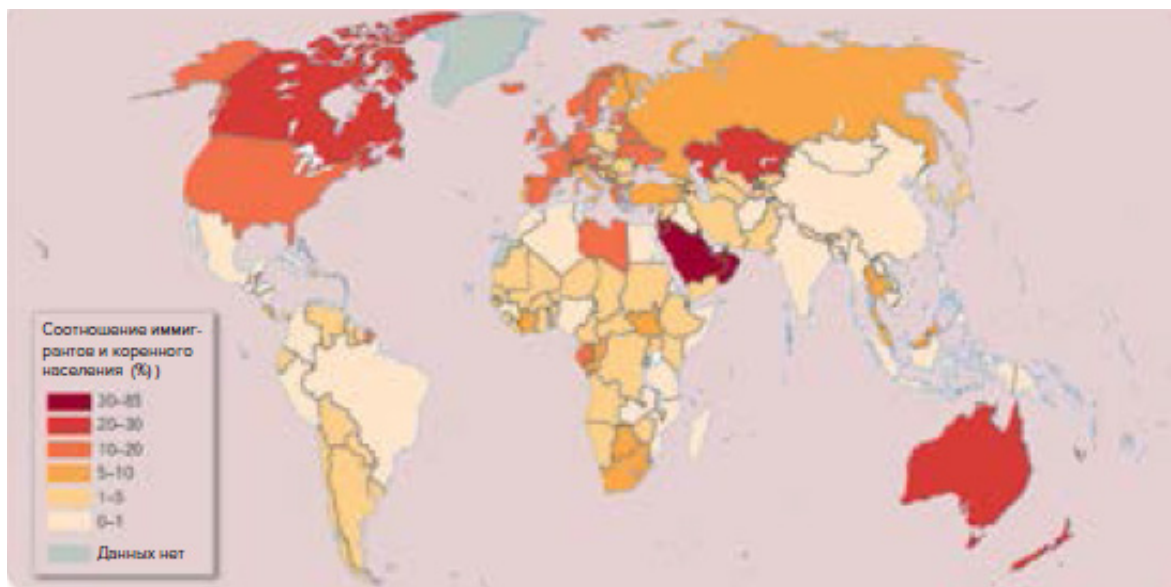

Рис. 1. Соотношение иммигрантов и коренного населения по странам [59].

Во многих странах Западной Европы и в США доли иммигрантов приближаются к 15% населения, что примерно в четыре раза больше, чем в среднем в мире.

В глобальном масштабе эмигранты распределяются более равномерно, чем иммигранты (рис. 2).

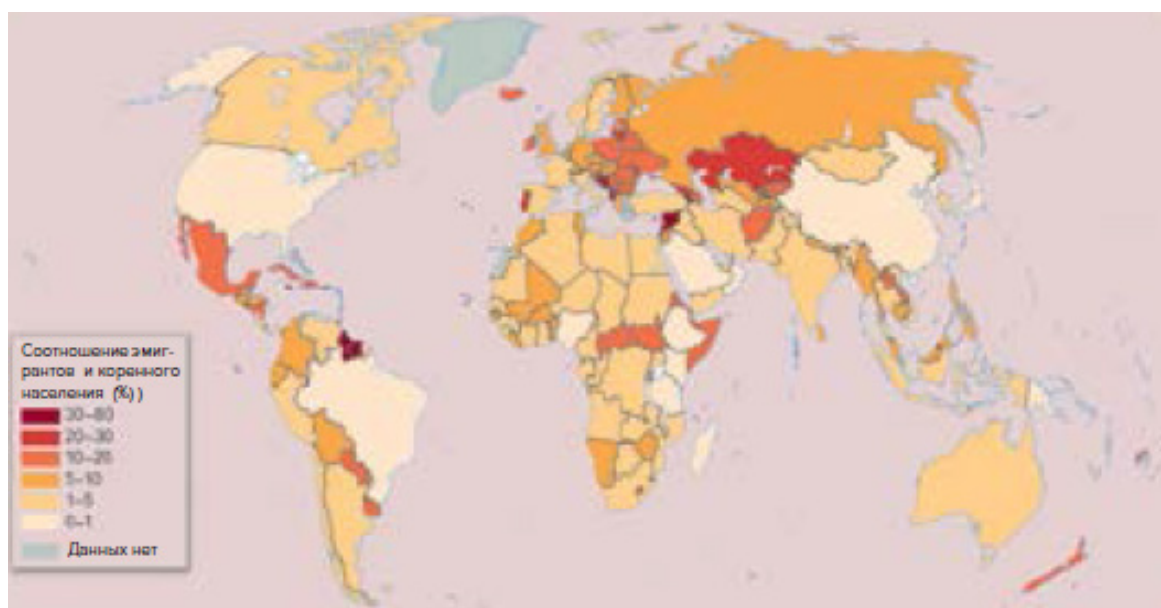

Рис. 2. Соотношение эмигрантов и коренного населения по странам [59].

В Европе и Центральной Азии наибольшая доля эмигрантов приходится на страны Восточной Европы и Центральной Азии. Эмигранты из Восточной Европы переезжают в Западную Европу – особенно в страны, недавно вступившие в Европейский союз.

Эмигранты из Центральной Азии переезжают в Российскую Федерацию, опираясь на преимущества исторических, политических и экономических связей. Что касается численности и доли мигрантов, то между странами Европы и Центральной Азии отмечаются большие различия.

Число иммигрантов варьирует от 52 тыс. в Закавказье (3% населения) до примерно 35 млн. человек (14% населения) в Западной Европе (рис. 3, табл. 1).

Число эмигрантов из каждого региона колеблется от 900 тыс. в Северной Европе до 14 млн. в Западной Европе. Такой широкий разброс показателей отчасти свидетельствует о различиях в численности населения стран региона, тогда как доли эмигрантов в обоих регионах одинаковы (4,3% и 5,4%).

Более адекватным критерием оценки является доля иммигрантов в общей численности населения. Минимальный уровень составляет 3,2% в Закавказье, 3,7% – в Центральной Европе, в странах Балтии и в Турции.

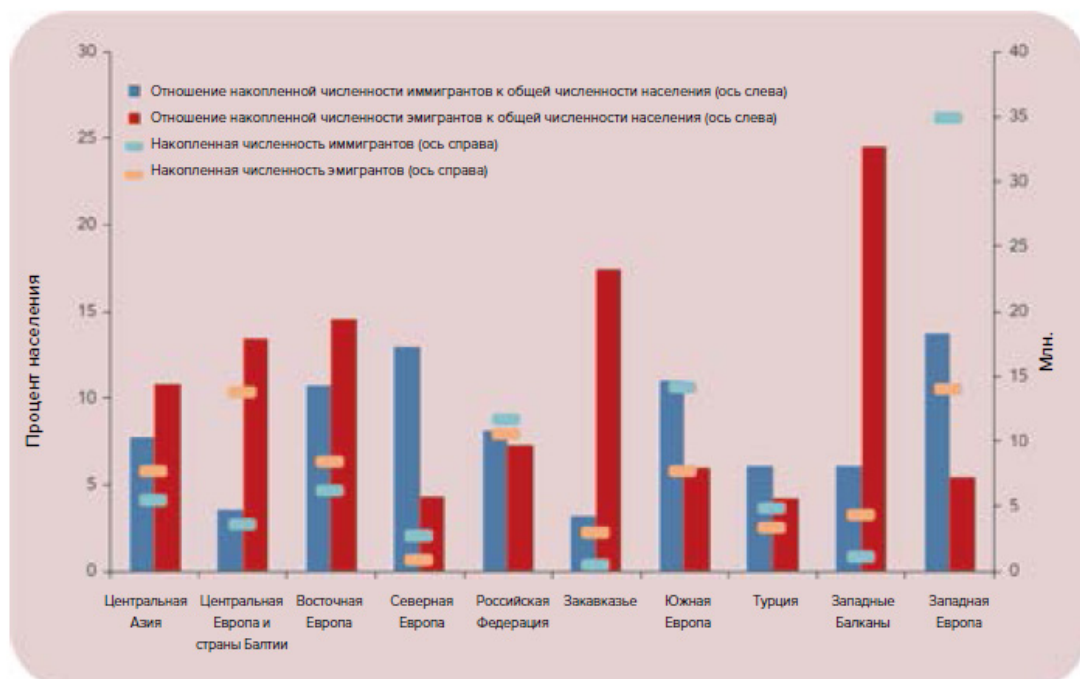

Рис. 3. Доля населения и число международных мигрантов в Европе и Центральной Азии по субрегионам [59].

**Накопленная численность иммигрантов и эмигрантов в Европе
и Центральной Азии, по странам (в % отношении
к численности населения), 2017 [197]**

	Накопленная численность иммигрантов, млн. чел.	Отношение накопленной численности иммигрантов к общей численности населения, %	Накопленная численность эмигрантов, млн. чел.	Отношение накопленной численности эмигрантов к общей численности населения, %	Доля иммигрантов из пяти крупнейших стран-доноров, %	Доля иммигрантов в пяти крупнейших принимающих странах, %
1	2	3	4	5	6	7
<i>Центральная Азия</i>	5,4	7,6	7,7	10,9	92,7	92,5
Казахстан	3,6	19,8	4,1	22,5	93,5	95,8
Киргизская Республика	0,2	3,1	0,8	12,3	86,1	94,9
Таджикистан	0,3	3,1	0,6	6,5	97,0	95,6
Туркменистан	0,2	3,3	0,2	4,2	92,9	92,7
Узбекистан	11	3,4	2,0	6,2	97,1	90,5
<i>Центральная Европа и страны Балтии</i>	3,6	3,5	13,8	13,4	52,0	62,7
Болгария	0,2	2,1	13	18,2	46,6	73,5
Хорватия	0,5	12,9	0,9	21,9	94,6	78,4
Чехия	0,4	4,1	1,0	9,0	74,5	85,8
Эстония	0,2	14,6	0,2	15,1	91,6	72,4
Венгрия	0,5	5,0	0,6	6,5	73,0	67,4
Латвия	0,3	13,2	0,4	19,1	91,2	71,7
Литва	0,1	4,4	0,6	20,9	86,2	62,9
Польша	0,6	1,7	4,7	12,4	72,8	76,8
Румыния	0,4	1,8	3,6	18,2	75,8	76,1
Словакия	0,2	3,4	0,4	6,5	74,7	73,1
Словения	0,2	10,6	0,1	6,9	86,6	70,2
<i>Восточная Европа</i>	5,7	9,9	8,4	14,6	89,1	72,4
Беларусь	11	11,4	1,5	15,7	93,3	82,3
Молдова	0,1	3,3	1,0	24,0	96,2	83,2
Украина	4,5	10,2	5,9	13,4	91,5	57,3
<i>Северная Европа</i>	2,5	11,9	0,9	4,3	26,0	57,3
Дания	0,6	10,7	0,3	4,4	27,9	62,4
Финляндия	0,3	6,2	0,3	5,3	45,3	74,7
Швеция	1,6	16,1	0,3	3,5	34,3	59,3
<i>Российская Федерация и Закавказье</i>	11,6	8,0	10,6	7,3	73,2	78,5
	0,6	3,5	3,0	17,5	89,1	81,8

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7
Армения	0,2	5,7	1,0	32,3	94,7	87,6
Азербайджан	0,3	2,6	1,2	11,7	95,2	87,4
Грузия	0,1	1,9	0,8	20,9	91,7	82,1
Южная Европа	14,1	11,0	7,7	6,0	34,5	55,2
Кипр	0,2	15,9	0,2	13,9	56,5	85,5
Греция	1,2	11,5	0,9	8,8	61,4	69,2
Италия	5,9	9,7	3,0	5,0	40,5	57,5
Мальта	0,1	9,9	0,1	24,0	55,4	95,2
Португалия	0,9	8,3	2,2	21,7	60,7	65,4
Испания	5,9	12,7	1,3	2,8	41,2	57,0
Турция и Западные Балканы	4,8	5,9	3,4	4,2	84,8	80,3
Албания	11	6,1	4,4	24,5	92,1	53,8
Босния и Герцеговина	0,1	1,6	1,1	39,8	98,8	93,5
Косово	0,1	1,1	1,7	49,5	95,2	75,6
Республика Северная Македония	-	-	-	-	-	-
Черногория	0,1	6,2	0,5	25,7	97,2	77,0
Сербия	0,1	11,2	0,1	21,9	76,1	72,9
Сербия	-	-	-	-	-	-
Западная Европа	34,6	13,4	14,0	5,4	28,0	46,3
Австрия	1,7	18,8	0,6	6,6	56,6	71,8
Бельгия	1,2	10,3	0,6	4,9	54,4	61,2
Франция	7,9	12,1	4,2	2,9	52,3	45,1
Германия	12,0	14,6	4,2	5,1	52,3	45,1
Ирландия	0,8	17,0	0,8	16,7	63,7	87,9
Люксембург	0,3	44,5	0,1	10,5	74,9	77,5
Нидерланды	2,0	11,8	1,0	5,9	41,7	59,4
Великобритания	8,7	13,0	4,8	7,2	33,9	69,1

Основными принимающими регионами являются государства с высоким уровнем доходов в Западной, Северной и Южной Европе, где на долю иммигрантов приходится 13,7%, 13% и 11% соответственно. Большинство мигрантов из первой группы регионов направляются в страны из второй упомянутой группы. В странах Западных Балкан и Закавказья отмечается наиболее высокий уровень эмигрантов, которые составляют 25% и 18% соответственно, за которыми следуют страны Восточной Европы (15%), Центральной Европы и страны Балтии (13%).

Следующая важная тенденция в области миграции – это накопленная численность внутрирегиональных мигрантов, на долю которых приходится примерно треть мировой накопленной численности мигрантов и еще большая доля в Европе и Центральной Азии (рис. 4).

Несмотря на снижение транспортных и коммуникационных издержек, большинство мигрантов все еще предпочитают переезжать в соседние или близлежащие страны. Географическая близость, языковое и культурное сходство, наряду с режимом преференций принимающих стран в отношении мигрантов из соседних государств, усиливают такие тенденции.

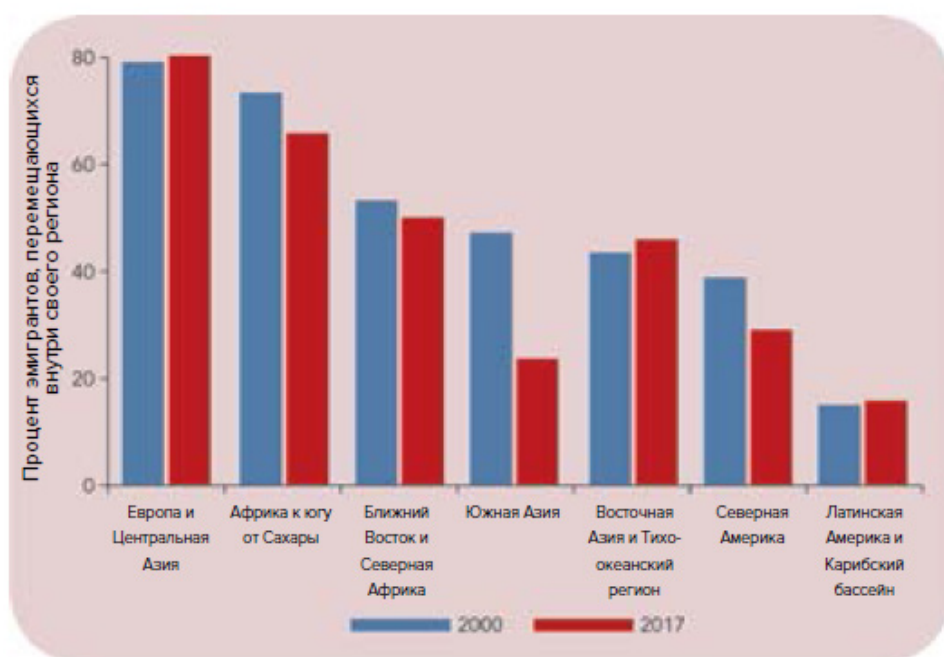

Рис. 4. Доля эмигрантов, перемещающихся внутри региона, по регионам мира в 2000 г. и 2017 г. [59].

Режим преференций в отношении региональных мигрантов, в том числе беспрепятственная мобильность, предоставляемая жителям стран – членов Европейского союза, особенно важен для региона Европы и Центральной Азии. В результате примерно 80% эмигрантов из стран региона направляются в другие страны Европы и Центральной Азии. Эта доля намного больше, чем в других регионах мира.

Миграция внутри Европы и Центральной Азии сосредоточена в определенных субрегионах, что обусловлено географической близостью, экономической схожестью и историческими связями (табл. 2).

Таблица 2

**Миграция внутри Европы и Центральной Азии, по субрегионам
в 2017 г., млн. чел. [197]**

Регион-донор	Принимающий регион						
	Западная, Южная и Северная Европа	Члены ЕС в Европе и Балтии	Российская Федерация, Закавказье и Восточная Европа	Центральная Азия	Западные Балканы и Турция	Остальные страны мира	Все принимающие страны
Западная, Южная и Северная Европа	12,2	0,6	0,2	0,2	0,6	9,6	23,4
Члены ЕС в Европе и Балтии	9,7	0,7	0,4	0,0	0,9	2,0	13,7
Российская Федерация, Закавказье и Восточная Европа	3,0	1,3	11,5	4,4	0,1	1,7	22,0
Центральная Азия	1,3	0,0	5,6	0,5	0,0	0,2	7,6
Западные Балканы и Турция	5,2	0,7	0,0	0,0	0,7	1,1	7,8
Остальные страны мира	23,0	0,3	0,2	0,0	3,4		
Все страны-доноры	54,3	3,6	17,9	5,3	5,8		

В Европу и Центральную Азию направляются 86,8 млн. иммигрантов, при этом из Европы и Центральной Азии в другие страны уезжает примерно 74,5 млн. эмигрантов. Из общей численности мигрантов примерно 60 млн. – это мигранты внутри региона Европы и Центральной Азии, 26,9 млн. переместились из других регионов в страны Европы и Центральной Азии, а 14,6 млн. переехали из Европы и Центральной Азии в другие регионы. На долю 26,9 млн. иммигрантов из стран за пределами Европы и Центральной Азии приходится менее 3% из примерно 900 млн. жителей Европы и Центральной Азии. На долю «чистых» мигрантов, численность которых составляет 12,3 млн. в Европе и Центральной Азии, приходится лишь около 1,3% общей численности населения региона.

В страны с высоким уровнем доходов (преимущественно входящие в Европейский союз) в Западной, Южной и Северной Европе направляется

наибольший поток иммигрантов. Из 54,3 млн. их более половины (31,3 млн.) приезжает из стран ЕЦА; остальные – из других стран мира. Наиболее важными странами-донорами являются государства Африки к югу от Сахары, страны Ближнего Востока и Северной Африки, а также страны Латинской Америки и Карибского бассейна. Страны Восточной Европы и Закавказья, не входящие в Европейский союз (в основном республики бывшего Советского Союза), – второй по размеру принимающий субрегион, в который прибывает 17,9 млн. мигрантов.

Две трети этих мигрантов приезжают из тех же стран. До распада Советского Союза большая доля мигрантов перемещалась в границах этого государства, но с появлением новых государственных границ они приобрели статус международных. Другие же в силу экономических, политических и культурных связей направились в соседние страны.

Среди регионов-доноров аналогичный уровень концентрации отмечается в менее крупных странах и в странах с более низким уровнем доходов. Страны Центральной Европы и Балтии, недавно вступившие в ЕС, являются одним из наиболее важных источников миграции, на долю которых приходится 13,7 млн. эмигрантов. Из них около 70% переместились в страны ЕС с высоким уровнем доходов, воспользовавшись правом свободного перемещения рабочей силы, что является одним из преимуществ членства в ЕС. Страны Центральной Азии также являются донорами мигрантов – особенно по сравнению с общей численностью населения этих стран. Большинство из них уехали в Россию или другие бывшие республики Советского Союза. Многие эмигранты переезжают из Турции и Западных Балкан (из Албании и бывших республик Югославии) в страны ЕС с высоким уровнем доходов – в Германию, Австрию и Нидерланды.

За последнее десятилетие такой поток мигрантов замедлился, однако накопленная численность их остается высокой. За этот период Турция стала основной принимающей страной, что связано с притоком почти 4 млн. беженцев, покинувших охваченную гражданской войной Сирию. Их численность не нашла полного отражения в табл. 2, поскольку статистика миграции Отдела ООН по народонаселению не учитывает сирийских беженцев во всем мире.

Глобальные потоки миграции направляются через небольшое число коридоров. Так, на долю 300 из более чем 40 тыс. возможных коридоров приходится более чем 75% совокупной численности мигрантов.

В регионе Европы и Центральной Азии отмечается такая же концентрация (табл. 3).

Таблица 3

Крупнейшие миграционные коридоры в Европе и Центральной Азии в 2000 и 2017 гг., млн. мигрантов [197]

Страна-донор	2000		2017		
	Принимающая страна	Накопленная численность	Регион-донор	Принимающий регион	Накопленная численность
Российская Федерация	Украина	3,7	Российская Федерация	Украина	3,3
Украина	Российская Федерация	3,5	Украина	Российская Федерация	3,3
Казахстан	Российская Федерация	2,6	Казахстан	Российская Федерация	2,6
Российская Федерация	Казахстан	2,0	Российская Федерация	Казахстан	2,4
Турция	Германия	1,6	Польша	Узбекистан	1,9
Российская Федерация	Узбекистан	1,1	Турция	Узбекистан	1,7
Беларусь	Российская Федерация	0,9	Узбекистан	Российская Федерация	1,1
Узбекистан	Российская Федерация	0,9	Российская Федерация	Узбекистан	1,1
Российская Федерация	Германия	0,9	Румыния	Италия	1,0
Азербайджан	Российская Федерация	0,8	Казахстан	Германия	1,0

Миграция внутри бывших советских республик по-прежнему определяет характер миграции внутри Европы и Центральной Азии, при этом наибольший поток мигрантов перемещается через коридоры между Россией и Украиной, а также между Россией и Казахстаном.

Кроме того, этнические немцы переезжают из России и Казахстана в Германию, пользуясь преимуществами иммиграционного законодательства Германии и предоставляемыми им преференциями. С 2000 г., после вступления Польши и Румыния в ЕС и появления коридора между Польшей и Германией, Румынией и Италией сформировалась новая тенденция.

На долю мигрантов из небольшого числа стран-доноров приходится наибольший поток мигрантов в большинство субрегионов (табл. 4).

**Концентрация иммигрантов в Европе и Центральной Азии
по субрегионам, % от общей численности иммигрантов, 2017 г. [197]**

Субрегион	Крупнейшие страны-доноры	5 крупнейших стран-доноров	10 крупнейших стран-доноров	20 крупнейших стран-доноров
Западная Европа	91	28,0	44,8	62,9
Южная Европа	12,5	34,5	49,2	67,9
Северная Европа	6,8	26,0	42,2	62,6
Центральная Европа и страны Балтии	14,1	52,0	70,4	86,6
Российская Федерация	28,1	73,2	93,2	99,1
Закавказье	31,6	89,1	97,0	99,7
Восточная Европа	70,4	89,1	96,5	99,4
Центральная Азия	69,4	92,7	97,3	99,8
Турция	37,3	84,8	94,7	98,6
Западные Балканы	68,3	92,1	94,6	97,8

На долю пяти стран-доноров приходится более половины всей численности мигрантов в каждом субрегионе Европы и Центральной Азии, за исключением стран с высоким уровнем доходов в Западной, Южной и Северной Европе, куда мигранты отправляются из большего числа стран; при этом на пять основных стран-доноров приходится 26-35% мигрантов. В Центральной Азии, например, почти 93% мигрантов приезжают лишь из пяти стран.

Такая же тенденция отмечается на уровне стран Европы и Центральной Азии. За исключением небольшого числа стран с высоким уровнем доходов, – таких как Дания, Швеция и Великобритания, – на долю мигрантов из пяти стран-доноров приходится более половины всей численности иммигрантов во всех странах Европы и Центральной Азии.

Эта доля достигает 90% в каждой стране Балканского полуострова и в бывших советских республиках.

Аналогичная степень концентрации отмечается в странах, принимающих мигрантов из Европы и Центральной Азии (табл. 5).

Большинство эмигрантов из всех стран Европы и Центральной Азии, кроме стран с высоким уровнем доходов в Западной, Южной и Северной Европе, выбирают для миграции небольшое число стран. В пять принимающих стран направляются две трети всех эмигрантов из числа стран, недавно вступивших в Европейский союз в Центральной Европе, и Балканского полуострова. Степень концентрации принимающих стран еще выше на уровне стран.

**Концентрация эмигрантов в Европе и Центральной Азии
по субрегионам, % от общей численности эмигрантов, 2017 г. [197]**

Субрегион	Крупнейшие принимающие страны	5 крупнейших принимающих стран	10 крупнейших принимающих стран	20 крупнейших принимающих стран
Западная Европа	13,3	46,3	69,8	88,0
Южная Европа	18,3	55,2	78,6	93,1
Северная Европа	22,4	57,3	79,6	93,2
Центральная Европа и страны Балтии	27,2	62,7	77,8	92,5
Российская Федерация	31,1	78,5	88,3	95,0
Закавказье	59,3	81,8	91,0	97,3
Восточная Европа	51,6	72,4	86,2	96,4
Центральная Азия	64,8	92,5	96,6	98,9
Турция	48,6	80,3	89,2	97,4
Западные Балканы	13,6	53,8	82,0	97,5

Более 75% эмигрантов из большинства стран Европы и Центральной Азии направляются в пять или менее стран.

Иммигранты также сосредоточены в нескольких принимающих странах. Такая концентрация наиболее заметна в отношении высококвалифицированных работников, которые, как правило, направляются в те места, где отдача от производительности и побочные эффекты агломерации наиболее высоки (Кремниевая долина для специалистов в области технологий или Лондон для специалистов в области финансов). В отличие от них потоки беженцев, как правило, сосредоточены в приграничных районах соседних стран, как минимум, изначально, а затем постепенно смещаются в сторону крупнейших городских территорий.

Экономические и политические аспекты концентрации мигрантов представляют важность как для стран-доноров, так и для принимающих стран.

2.2. Факторы и особенности миграции

Миграция, как и товары, капитал и даже технологии, перемещаемые через государственные границы, подвержена влиянию факторов «принуждения» и «притяжения». Эмпирические данные позволяют выявить ряд общих факторов, формирующих тенденции в области миграции.

Потенциальные мигранты взвешивают экономические, социальные и персональные издержки и выгоды, влияющие на их решения о целесообразности

отъезда и выборе страны. Они меняют место жительства и низкооплачиваемый труд на более высокооплачиваемую работу и переезжают на те рынки труда, где уже существуют или в будущем возникнут возможности для трудоустройства.

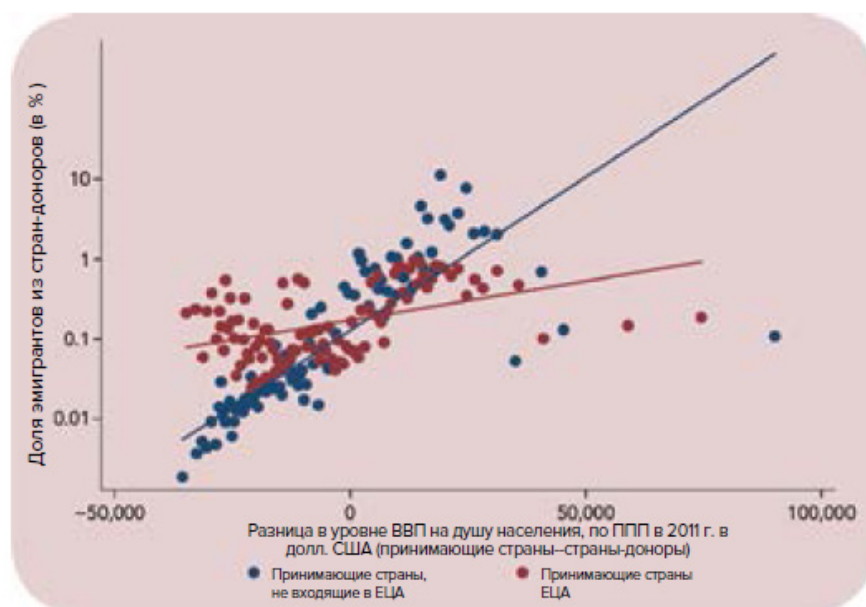
Что касается издержек, то наиболее важными факторами, влияющими на мобильность, являются географическая и культурная близость. Географические расстояния сопряжены с высокими транспортными издержками, поэтому большинство низкоквалифицированных работников, испытывающих бюджетные ограничения, направляются в соседние страны или остаются внутри того же региона. Культурная адаптация и переезд на новое место требуют затрат, поэтому большое значение в формировании потоков миграции имеют сложившиеся общественные и личные связи. Национальные диаспоры помогают мигрантам найти работу, обрести новые общественные связи и преодолеть юридические преграды. Кроме того, важную роль играет нормативная среда – режим преференций в отношении отдельных групп людей, жесткий пограничный контроль, доступ к системе здравоохранения, социальным пособиям и образовательным программам. Вступление в Европейский союз стало решающим фактором, определившим масштаб и распределение потоков миграции внутри Европы и Центральной Азии из центрально-европейских стран и государств Балтии.

Многие меры внутренней политики и факторы, напрямую не связанные с миграционной политикой, также могут играть роль факторов «принуждения». Люди более склонны к эмиграции, если у них нет доступа к надлежащим государственным услугам, если их политические свободы и права ограничиваются или они ощущают физическую угрозу даже в отсутствие открытого гражданского конфликта.

Эти факторы также влияют на образование, навыки, а также гендерную и возрастную принадлежность мигрантов. Квалификация – важнейший показатель экономического воздействия миграции как в странах-донорах, так и в принимающих государствах. Большое разнообразие в уровне квалификации мигрантов, перемещающихся через различные миграционные коридоры, объясняются экономическими факторами.

Высококвалифицированные мигранты переезжают преимущественно в страны с более высоким уровнем доходов, с либеральной политикой и выборочным подходом к мигрантам на основе квалификации, а также с более высокой отдачей на вложенный человеческий капитал. Таким мигрантам легче преодолевать географические расстояния, языковые и законодательные барьеры, что дает им возможность расширять географию стран для эмиграции. Нормативная среда, использование английского языка как официального и наличие либерального рынка труда – вот некоторые из основных причин, по которым Великобритания, например, привлекает более высококвалифицированных иммигрантов, чем другие страны Европы, а на долю США приходится треть всех мигрантов с высшим образованием.

Различия в уровне доходов – основной фактор, влияющий на характер двусторонних потоков миграции. На рис. 5 показана тесная корреляция между различиями по уровню доходов между парами стран и долей эмигрантов из каждой страны-донора в каждую принимающую страну.

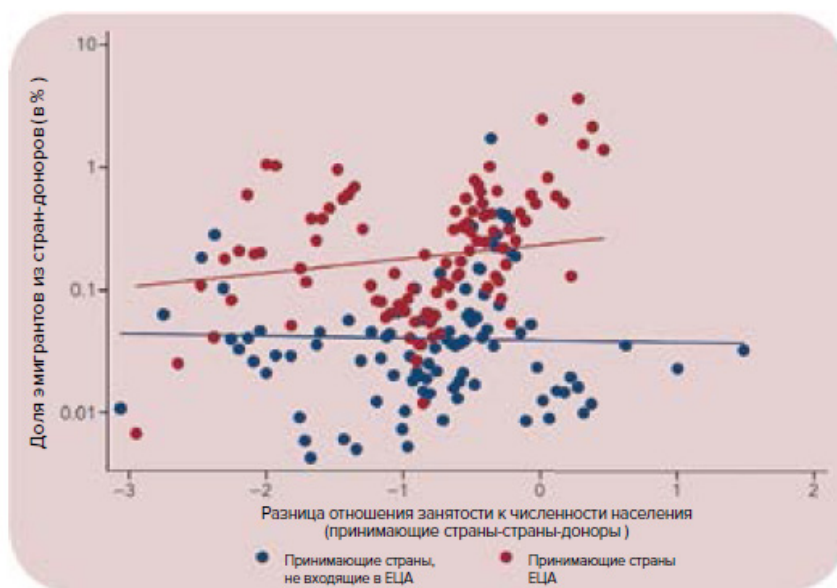
Примечание: каждый пункт – это среднее значение 100 одинаковых по размеру сгруппированных пар стран.

Рис. 5. Корреляция между долей эмигрантов из стран-доноров в Европе и Центральной Азии и разница в уровне доходов между странами-донорами и принимающими странами, 2017 г. [59].

Наклон синей кривой указывает на то, что рост среднегодового показателя внутреннего валового продукта (ВВП) на душу населения на 2000 долларов США в принимающей стране приводит к 10% росту ее привлекательности для эмиграции.

В значительно меньшей степени миграция между странами Европы и Центральной Азии обусловлена различиями в уровне доходов. Так, при аналогичной разнице в уровне доходов вероятность эмиграции возрастает лишь на 4%. Это свидетельствует о важности других факторов – таких как преимущества беспрепятственного перемещения рабочей силы внутри стран Европейского союза или исторические и политические связи внутри стран Европы и Центральной Азии.

Различия в доходах лишь отчасти объясняют мотивацию мигрантов, обусловленную ситуацией на рынке труда. Не менее важную роль играют различия в уровне занятости и возможностях трудоустройства (рис. 6).

Примечание: каждый пункт – это среднее значение 100 одинаковых по размеру сгруппированных пар стран.

Рис. 6. Корреляция между долей эмигрантов из стран-доноров в Европе и Центральной Азии и различиями в уровне занятости между принимающими странами и странами-донорами, 2017 г. [59].

Потоки миграции внутри региона Европы и Центральной Азии чувствительны к возможностям трудоустройства, измеряемыми отношением занятых к общей численности населения в принимающих странах.

Демографические силы – второй по важности фактор, формирующий тенденции в области глобальной миграции. Они представляют особую важность для Европы. Население почти всех стран в Европе и Центральной Азии быстро стареет; типичная возрастная пирамида практически исчезла. Население в возрасте от 35 до 55 лет составляет наибольшую группу в каждом субрегионе, кроме Центральной Азии и Турции (рис. 7).

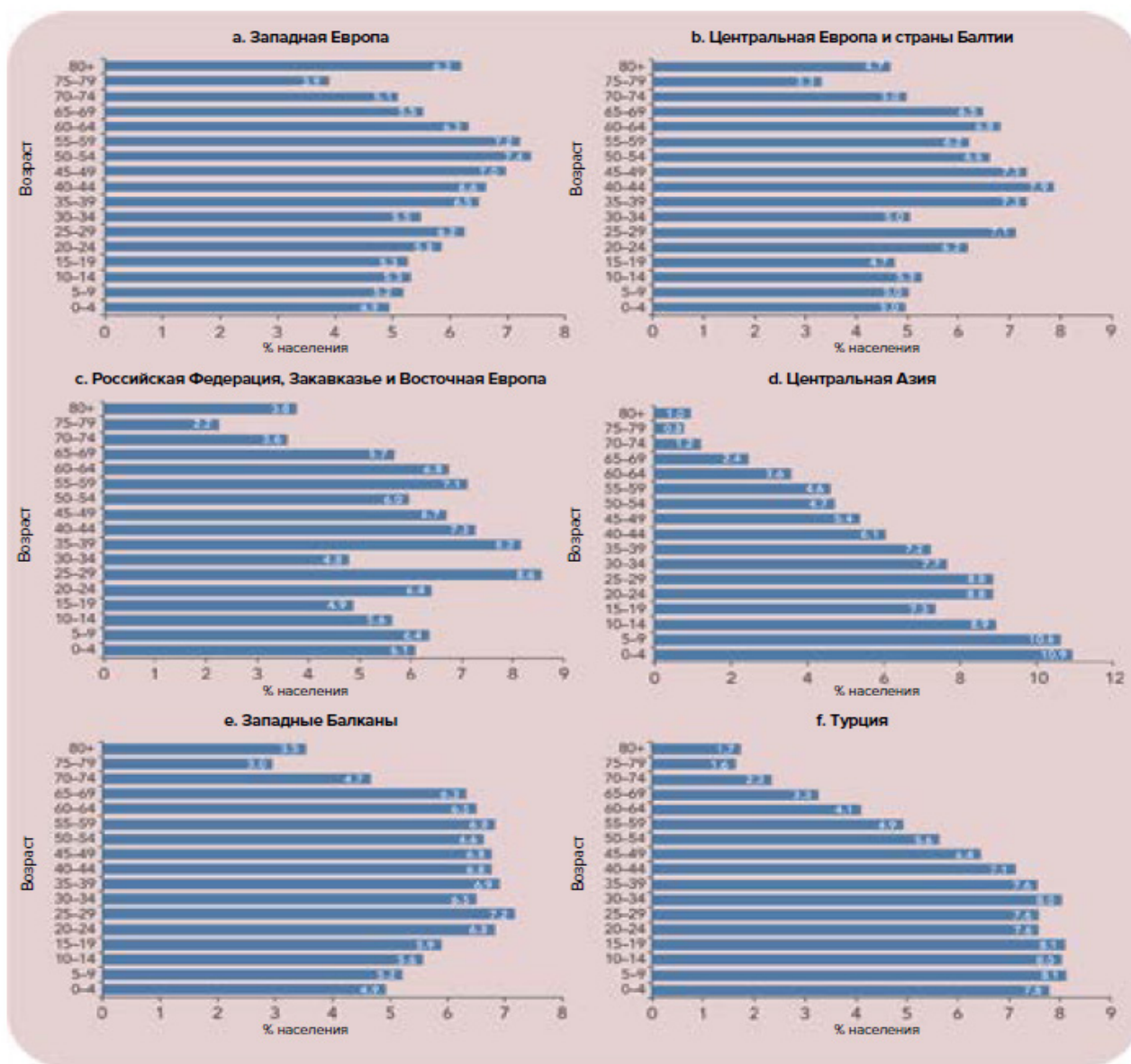

Рис. 7. Прогноз распределения населения Европы и Центральной Азии по возрасту в 2020 г. по субрегионам [197].

Продолжительность жизни населения увеличилась, а доля детей в общей численности населения быстро сокращается по мере снижения рождаемости. В результате численность населения старше 65 лет быстро растет, а численность

рабочей силы стремительно сокращается. Растущие требования к системе социального обеспечения уже вызывают озабоченность, а нагрузка на систему государственных финансов будет только возрастать.

В течение следующих нескольких десятилетий тенденции в области миграции будут формироваться под влиянием демографической структуры населения в странах Европы и Центральной Азии и соответствующей динамики на рынке труда. Подавляющее большинство мигрантов – люди трудоспособного возраста, поскольку основной причиной миграции для них является возможность трудоустройства. В принимающих странах Западной, Южной и Северной Европы с высоким уровнем доходов население быстро стареет, численность трудоспособного населения и рынок труда поддерживаются за счет мигрантов. На рис. 8 представлено распределение иммигрантов по возрасту и (взвешенное) распределение по возрасту населения принимающих стран Западной Европы.

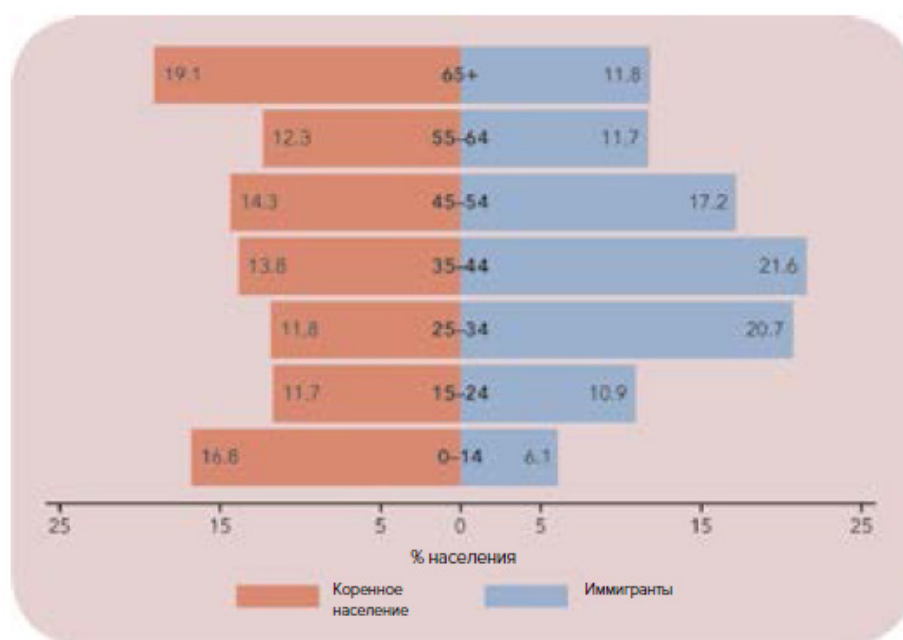

Рис. 8. Распределение населения по возрасту между иммигрантами и коренным населением в принимающих странах Западной Европы, 2017 г. [59].

Как показано на рис. 8, большинство иммигрантов – это люди в возрасте 25-54 лет, тогда как население в принимающих странах значительно старше.

Текущие демографические характеристики позволяют объяснить последние тенденции в области миграции. Быстрое старение населения в странах Ев-

ропы и Центральной Азии, которое будет происходить на протяжении жизни двух следующих поколений, представляет еще бóльшую важность для разработки государственной политики.

На рис. 9 показана доля населения старше 65 лет, это в настоящее время около 20% населения Западной, Северной и Южной Европы; в Центральной Европе и странах Балтии она составляет 17%, а в других субрегионах Европы и Центральной Азии – 14%. Их доли ниже в Турции (8%) и в Центральной Азии (5%). Доля населения старше 65 лет в большинстве субрегионов Европы и Центральной Азии существенно выше, чем в среднем в мире (7%), и эта тенденция является еще более важной.

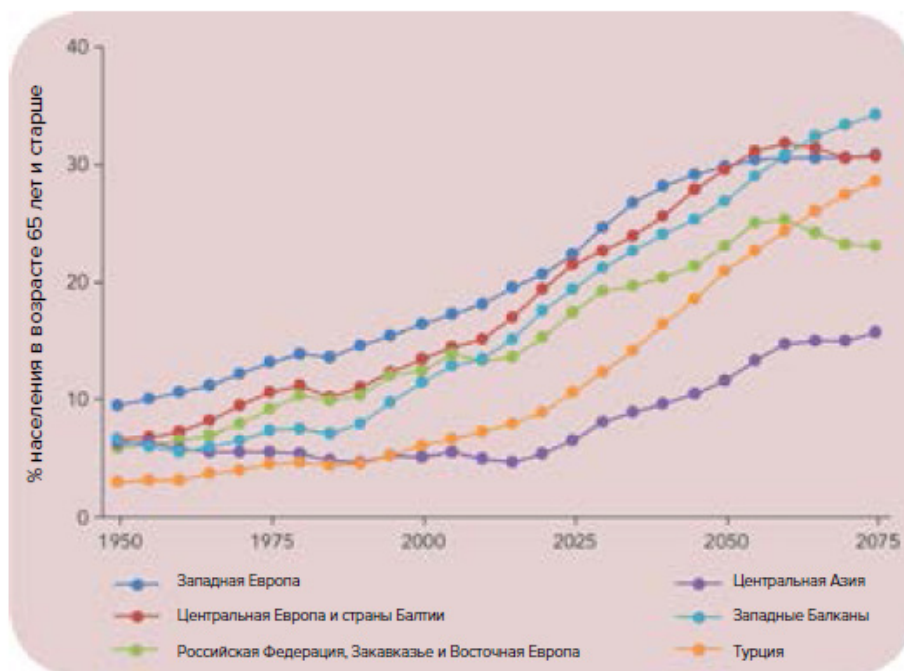

Рис. 9. Фактические и прогнозные доли населения в возрасте 65 лет и старше в Европе и Центральной Азии по субрегионам, 1950-2075 гг. [59].

Согласно наиболее последним данным Отдела ООН по народонаселению, к 2040 г. доля населения старше 65 лет в Западной Европе достигнет 28%, а в Центральной и Восточной Европе – 25%. В Турции она составит почти 20%, в Центральной Азии – удвоится до 10%. На протяжении жизни следующего поколения (к 2070 г.) доля населения старше 65 лет стабилизируется на уровне примерно 25-35% в Европе и Центральной Азии.

Быстрое старение населения оказывает серьезное воздействие на рынки труда. Несмотря на то, что доля населения в возрасте от 20 до 65 лет в общей численности населения (приблизительный показатель численности потенциальной рабочей силы) в большинстве стран постепенно повышается (рис. 10), это происходит лишь в силу сокращения доли детей. К 2020 г. численность рабочей силы достигнет максимального значения почти во всех странах региона и составит 60-65%.

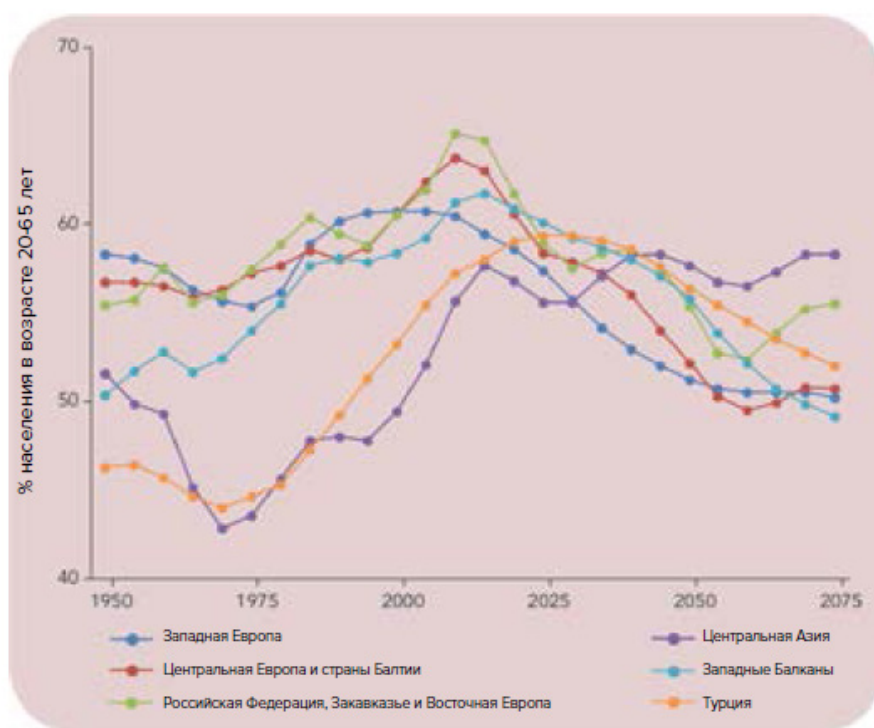

Рис. 10. Фактические и прогнозные доли населения работоспособного возраста (20-65 лет) в Европе и Центральной Азии, 1950-2075 гг. [59].

По мере старения населения численность рабочей силы начнет сокращаться, достигнув 55-58% в 2040 г. и 50-55% – в 2075 г. Такое сокращение окажет влияние на все аспекты экономики в каждой стране Европы и Центральной Азии.

Во многих регионах мира, – таких как Северная и Южная Америка и Восточная Азия, – между странами отмечаются большие различия по уровню демографического и экономического развития. Это создает возможности для региональной миграции и позволяет сократить возрастные различия в распределении населения и разницу в уровне доходов. Так, за последние два десятиле-

тия поток миграции между Мексикой и США – наиболее значительный коридор для миграции рабочей силы в мире – усилился за счет пропорционального роста численности молодежи в Мексике, которая испытывает недостаточный уровень занятости. Аналогичным образом Филиппины – страна-донор для многих экономических мигрантов, направляющихся в другие страны региона, такие как Сингапур и Малайзия, а также в богатые нефтью страны Ближнего Востока.

В Европе и Центральной Азии практически отсутствует такой вид демографических различий, поскольку страны-доноры и принимающие страны находятся на одинаковом этапе демографических изменений. В регионе нет стран с «молодым» населением, которые могли бы экспортировать трудоспособную рабочую силу в страны со «старым» населением.

Поскольку распределение населения по возрасту между странами Европы и Центральной Азии относительно единообразно, то в будущем этим странам необходимо будет привлекать рабочую силу из других регионов мира. На рис. 11 показана доля трудоспособного населения в общей численности населения стран-участников Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) с высоким уровнем доходов и стран с низким уровнем доходов (в основном страны Африки к югу от Сахары и государства Восточной Азии).

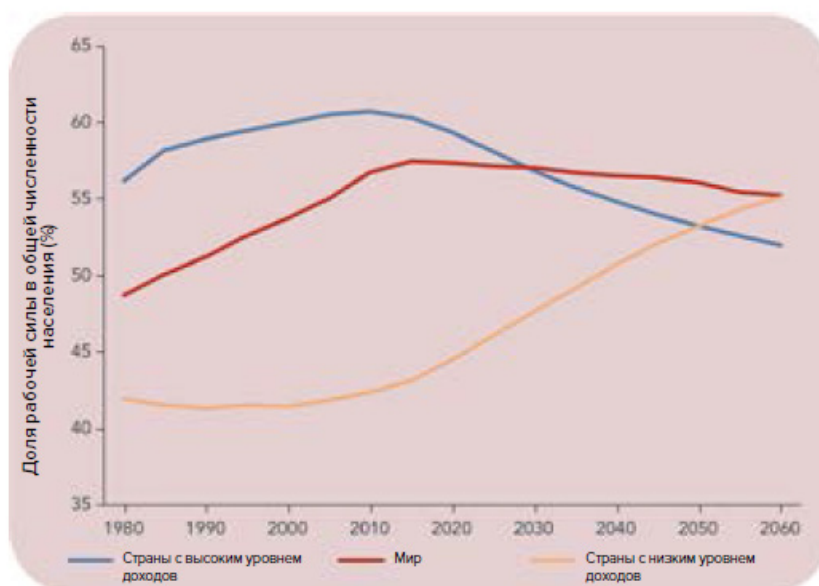

Рис. 11. Доля населения трудоспособного возраста в общей численности населения в странах с высоким и низким уровнем доходов и в мире, 1980-2060 гг. [59].

На рис. 11 показано, что численность трудоспособного населения в странах с высоким уровнем доходов начала поступательно сокращаться в 2010 г. и продолжит снижаться в течение следующих 50 лет. Между тем в странах с низким уровнем доходов проживает население молодого возраста, уровень рождаемости снижается, а численность пожилого населения невелика. В результате численность трудоспособного населения в этих странах будет постепенно возрастать в течение того же периода. Эти отличия приведут к тому, что распределение населения мира по возрасту окажется удивительно стабильным (оранжевая линия на рис. 11). Иными словами, в мире будет достаточно работников, но они не всегда будут находиться на требуемом рынке труда. Миграция из стран с низким уровнем доходов и более молодым населением в страны с более высоким уровнем доходов и стареющим населением не может решить структурных экономических проблем, с которыми сталкиваются оба региона. Однако такая ситуация создаст окно возможностей – примерно в течение трех десятилетий, чтобы решить вопросы, связанные со старением населения и безработицей среди молодежи.

2.3. Преимущества и последствия интеллектуальной миграции

Последние десятилетия были отмечены кардинальной трансформацией глобального экономического ландшафта, обусловленной стремительным технологическим прогрессом, увеличением международной торговли и масштабной миграцией людей из более бедных стран в более богатые. На фоне вызванных этим изменений тенденций развития неравенства в сфере занятости и заработной платы развернулись сильно политизированные дискуссии о достоинствах глобализации и открытых рынков, в ходе которых иммигрантов зачастую винят во многих экономических проблемах, возникающих в странах-донорах и странах, принимающих мигрантов. В принимающих странах мигрантов обвиняют в том, что из-за них растет безработица и сокращаются зарплаты. В странах-донорах их считают виновниками «утечки мозгов».

В обширном пласте литературы демонстрируются многочисленные выгоды от миграции для стран, принимающих мигрантов, включая повышение про-

изводительности труда, внедрение инноваций, экономический рост, сокращение бедности, а также ликвидацию дефицита рабочей силы на рынке труда [55, 169].

Реализация этих выгод требует, чтобы рынки труда в принимающих странах обладали определенными характеристиками. Во-первых, чтобы мигранты соответствовали требованиям рынка труда, необходимо отбирать лиц, обладающих надлежащими характеристиками человеческого капитала.

Первоначальный уровень человеческого капитала мигрантов не решает всех проблем; их окончательный вклад будет зависеть от степени, в какой они будут продолжать инвестировать в развитие своих знаний, умений и навыков с учетом специфики страны, где они живут, и предприятия, на котором работают, – от изучения языка до профессионально-технической подготовки и принятия норм общественного поведения.

Во-вторых, мигранты должны обладать законными, относительно надежно защищенными правами и иметь оформленные трудовые контракты. Кроме того, по возможности должен быть четко определен путь мигрантов к получению права на постоянное проживание – в зависимости от профессии и сектора занятости. Только при таких условиях произойдет их надлежащая экономическая и социальная интеграция.

В-третьих, отдача от инвестиций в детей мигрантов и интеграцию мигрантов высока. Семьи иммигрантов могут помочь странам-реципиентам в решении части стоящих перед ними демографических проблем, но только при условии надлежащей образовательной и социальной политики [197].

Вопросы кратковременного воздействия миграции на рынки труда исследуются в обширной литературе. Окончательного консенсуса в этих исследованиях пока не достигнуто, но из них вытекают три упрощенных факта.

Во-первых, в принимающих странах иммиграция приводит к существенным эффектам вытеснения работников, прямо конкурирующих с трудовыми мигрантами. Как правило, это относительно пожилые люди с низкой квалификацией, у которых мало возможностей и которые уже сталкиваются с трудностями на рынке труда.

Во-вторых, работники, не конкурирующие напрямую с иммигрантами, часто получают немалую выгоду. Навыки этих работников обычно являются дополнительными, смежными по отношению к навыкам мигрантов и с появлением последних отдача для человеческого капитала существующих работников увеличивается.

В-третьих, влияние иммиграции на средний уровень заработной платы, как правило, оказывается небольшим по сравнению с влиянием на занятость и вытеснение работников. Этому способствуют гибкость рынка труда и легкость перемещения работников между рынками труда внутри принимающей страны.

В целом, выгоды от миграции обычно имеют более долгосрочный и расфокусированный характер, в то время как издержки – вытеснение работников, сокращение зарплаты, потеря работы – возникают в ближайшей перспективе и сконцентрированы на определенных группах работников. Эта дихотомия служит источником политического сопротивления и враждебного отношения к мигрантам, что часто наблюдается в принимающих странах.

Наглядным примером воздействия на уровень зарплат и вытеснение работников служит введенная после 1989 г. политика, разрешившая работникам из Чехии искать работу (но без получения права на постоянное проживание) в приграничных муниципалитетах Германии, отвечающих установленным требованиям [123].

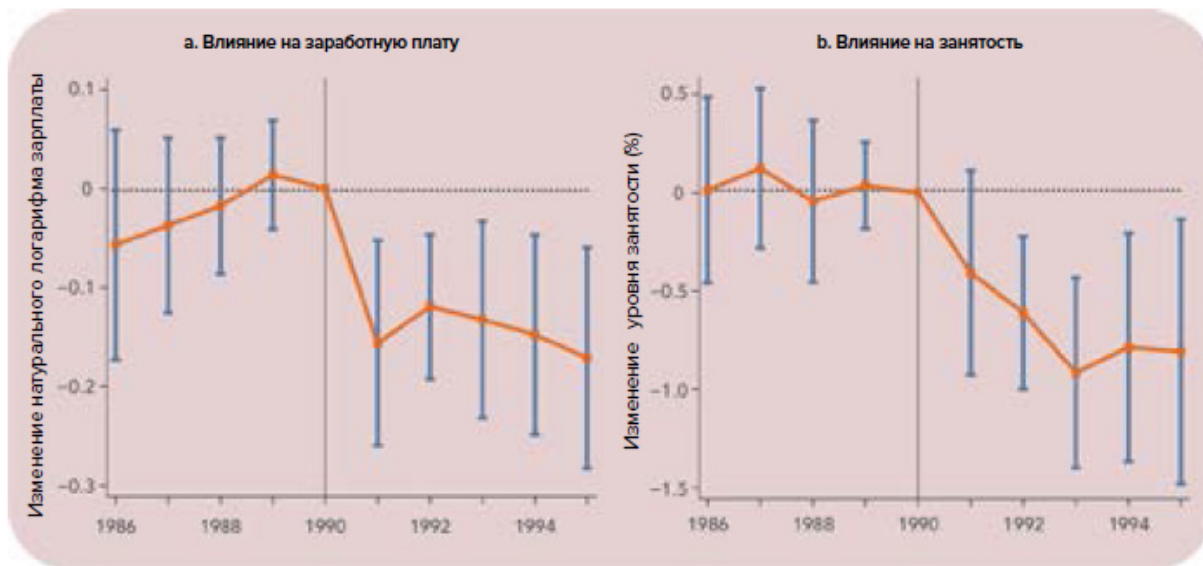
На рис. 12 показаны различия в уровнях зарплат и занятости в приграничных регионах и сопоставимых регионах, удаленных от границы.

К 1993 г. приток чешских работников в размере, эквивалентном 1% от общей численности занятых местных жителей, привел к сокращению заработной платы коренных немцев на 0,15%.

В отличие от этого уровень занятости среди местного населения снизился почти один к одному (на 0,93%), поскольку местные работники из этих приграничных регионов предпочитали переезжать в другие регионы страны, а не оставаться дома и не конкурировать с мигрантами.

Кратковременный эффект вытеснения работников, возникающий в результате внезапного притока мигрантов (например, беженцев), дает доказатель-

ства, противоречащие выводам многих научных работ о добровольной и экономически мотивированной миграции, в которых обычно обнаруживается незначительное влияние на среднюю заработную плату. Эти различия отражают скорость приспособления рынков труда в принимающих странах.

Примечание. Ломаные линии показывают влияние притока чешских работников на натуральный логарифм заработной платы (часть «а» рисунка) и занятость (часть «б»). Синие столбцы обозначают 95%-й доверительный интервал. Вертикальные черные линии обозначают 1990 г. – год введения политики, разрешившей въезд чешских работников в Германию.

Рис. 12. Влияние притока чешских работников на уровень заработной платы и занятость немцев, 1986-1995 гг. [123].

Внезапный приток мигрантов может в течение короткого времени приводить к существенным сдвигам в определенных географических районах, секторах и профессиях принимающих стран. Последующая корректировка рынка труда (перемещение большинства работников в другие регионы или отрасли), как правило, происходит столь же масштабно и быстро. В результате окончательное влияние на уровень заработной платы на этих местных рынках труда обычно оказывается небольшим.

В литературе, посвященной потокам добровольной и экономической миграции, основной акцент делается на эффектах воздействия на среднюю заработную плату в более долгосрочной перспективе, а не на влиянии на перемещение работников. Исследователи приходят к выводу, что иммиграция оказывает незначительное воздействие на уровень зарплаты большинства групп работников. В большинстве случаев общий эффект может быть даже положи-

тельным, особенно если учесть долгосрочные эффекты перелива. Однако даже если относительные эффекты воздействия на заработную плату невелики, перемещение существующих работников в результате притока иммигрантов может быть дорогостоящим, и это отчасти объясняет сопротивление миграции. Если говорить в целом, иммиграция, по-видимому, негативно затрагивает некоторые группы работников, хотя ее общее влияние на уровень заработной платы невелико.

Воздействие, оказываемое на рынок труда притоком беженцев, аналогично воздействию, оказываемому экономическими мигрантами, хотя выталкивающие силы, действующие на эти категории, разные. Потоки беженцев образуются в результате войн, гражданских конфликтов и природных стихийных бедствий. Из-за внезапного характера таких событий количество беженцев непредсказуемо. В отличие от этого экономическая миграция, как правило, происходит медленно и отличается устойчивостью. Однако общие эффекты, порождаемые в принимающих странах, в количественном выражении схожи – после того, как беженцы адаптируются и начнут трудовую деятельность.

Концентрация воздействия, оказываемого миграцией, имеет большое значение. Миграционные потоки сосредоточены на определенных географических территориях, секторах и профессиях, поскольку люди перемещаются, реагируя на разницу в зарплатах, а также под действием других выталкивающих или притягивающих сил. В результате перемещения работников между рынками труда и увеличения трудовых доходов мигрантов выигрывают работодатели и потребители. Мощные экономические силы и увеличивающиеся разрывы в уровнях заработной платы привлекают новых мигрантов, что приводит к дополнительным экономическим выгодам для работодателей и потребителей. В то же время концентрация миграции ведет к сокращению заработков и вытеснению некоторой части существующих работников. Выгоды от миграции – для потребителей, работодателей и смежных трудовых ресурсов, – как правило, реализуются в более отдаленной перспективе, и тех, кто оказывается в выигрыше, не так легко определить. А издержки, особенно для существующих замещаемых групп работников, возникают сразу же, и при этом они сконцентрированы

и легко определяемы. Политическое сопротивление миграции и возникающая в результате конфронтация становятся более выраженными, если общие экономические перспективы принимающей страны ухудшаются, как это было в странах ОЭСР в период после большой рецессии.

Сравнение воздействия миграции на различные группы работников было одним из основных вопросов исследований в течение последних двух десятилетий.

В исследовании по Великобритании Дагманн, Фраттини и Престон оценивают воздействие эмиграции по всему распределению зарплат, исходя из неявного допущения, что работники с более высокой квалификацией зарабатывают больше [122]. В работе показана связь между расположением измеренных эффектов и расположением иммигрантов в распределении заработных плат местных жителей. Затем оценивается воздействие миграции по всему распределению заработных плат.

Из рис. 13 видно, что иммиграция приводит к уменьшению зарплат у людей, находящихся на нижней границе распределения, которые обычно оказываются прямыми конкурентами низкоквалифицированных мигрантов. В то же время она приводит к увеличению зарплат у лиц на верхней границе распределения, которые выигрывают от эффектов перелива, повышающих производительность труда.

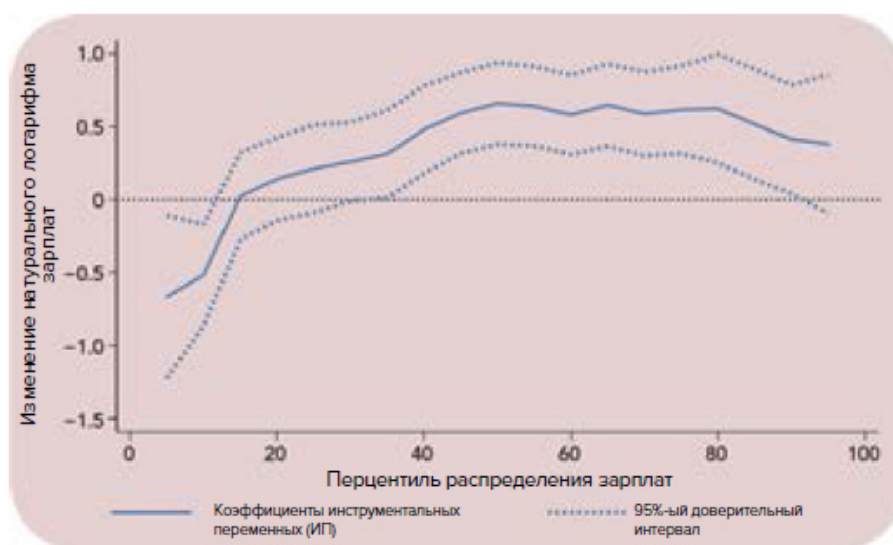
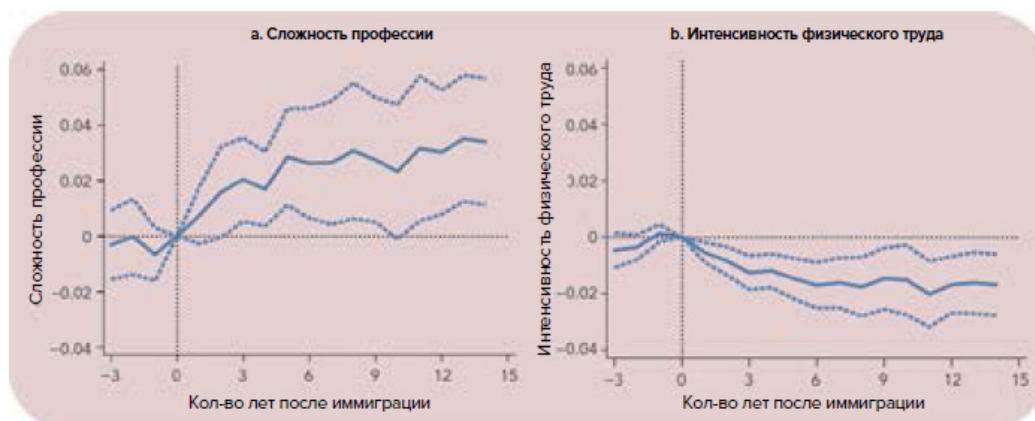

Рис. 13. Влияние миграции в Великобритании в различных точках распределения заработной платы [122].

Еще один важный вид воздействия иммиграции – перемещение существующих работников между секторами и профессиями. Этот переход на новые рабочие места происходит из-за того, что приток мигрантов приводит к снижению уровней зарплаты в некоторых регионах или профессиях, что делает их менее привлекательными для существующих работников. Уроженцы других стран в основном занимаются видами деятельности, требующими физического труда, в частности уборкой, приготовлением пищи, строительством [169].

При этом приток иммигрантов подталкивает существующих работников к поиску работы, требующей выполнения более сложных и интерактивных задач – таких как, например, координация, организация и коммуникация, что предположительно происходит в результате наличия у них сравнительных преимуществ в виде знания языка и знакомства с местной культурой.

На рис. 14 иллюстрируется воздействие притока беженцев в Дании на показатель сложности трудовой деятельности работников (часть «а» рисунка) и на интенсивность использования физического труда (часть «б»)) в профессиях, в которых заняты датчане.

Примечание. Значения на графике отражают результаты оценки регрессий методом «разность разностей» с учетом фиксированных эффектов «отрасль, по годам», «регион, по годам», «образование, по годам», «профессия, по годам» и «муниципалитет». Сплошные линии показывают оценки параметров. Пунктирные линии обозначают 95% доверительные интервалы.

Рис. 14. Воздействие притока беженцев на выбор профессии работниками Дании [132].

Оценки показывают различие в полученных результатах по низкоквалифицированным датским работникам в муниципалитетах, в большей и меньшей степени подверженных наплыву беженцев. Увеличение предложения низкоквали-

лифицированного труда со стороны беженцев приводит к тому, что работники с относительно низким уровнем образования (особенно молодые) все меньше стремятся работать по профессиям, требующим интенсивного физического труда, и все чаще выбирают более сложные профессии. В муниципалитетах с притоком большего количества беженцев уровень сложности профессий датских работников повышается, а уровень их занятости в профессиях, требующих интенсивного физического труда, снижается. Это воздействие демонстрирует примечательную стабильность во времени, позволяя предположить, что подобные изменения носят постоянный характер. Критическая переменная в этом анализе – возраст работников. На поворот в трудовой карьере с большей вероятностью способны более молодые работники, перед которыми открывается более длительный временной горизонт и которые предположительно обладают более развитыми когнитивными способностями.

Аналогичные закономерности перемещений между секторами наблюдаются в Австрии, которая пережила большой наплыв трудовых мигрантов и беженцев после падения Берлинской стены и начала гражданской войны в Боснии в 1989 г. [168]. Большинство этих работников – выходцы из Боснии и Герцеговины, Хорватии, Чешской Республики, Венгрии и Словацкой Республики – имели относительно низкую квалификацию и стремились устроиться на работу по рабочим специальностям (рис. 15).

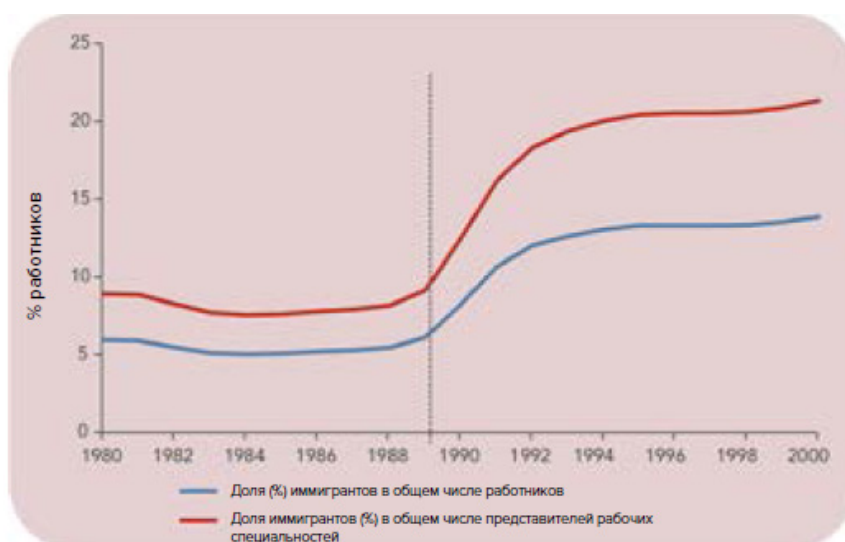
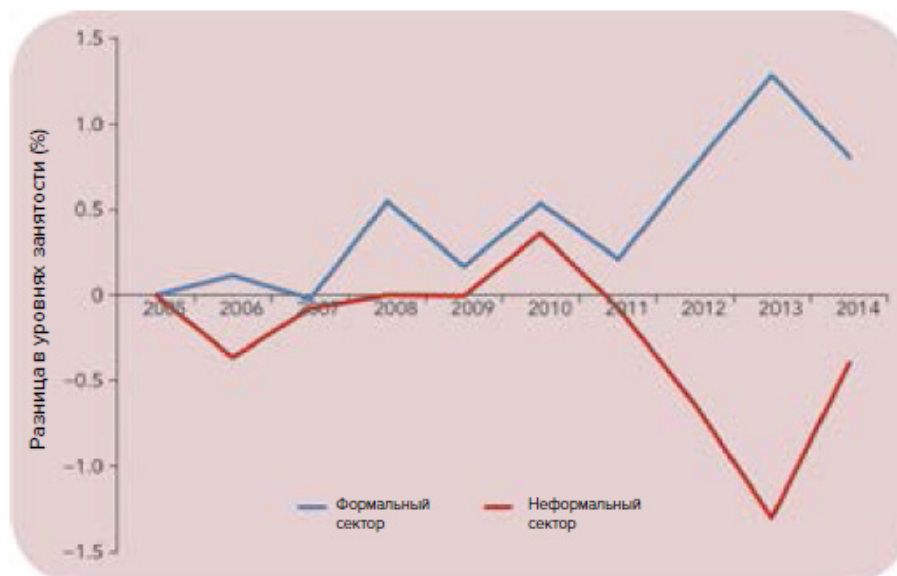

Рис. 15. Влияние иммиграции в Австрию на трудоустройство местных жителей по рабочим специальностям, 1980-2000 гг. [197].

Со временем доля иммигрантов среди работников физического труда росла быстрее, чем их общая доля на рынке труда, поскольку все больше австрийцев, особенно молодых, переходили из рабочих профессий в категорию «белых воротничков». Кризис с наплывом беженцев, вызванный войной в Сирии, оказал аналогичное влияние в Турции [107, 117]. Поскольку турецкие власти не выдавали разрешения на работу преобладающему большинству сирийских беженцев, они в основном устраивались на работу в неформальном секторе экономики, и без того большом. Беженцы, по-видимому, вытесняли местных работников с неформальных рабочих мест, но при этом способствовали увеличению спроса на труд молодых турок, не окончивших среднюю школу.

На рис. 16 показана разность долей населения, занятого в формальном и неформальном секторе, в южных провинциях, испытавших приток большого количества беженцев (группа, подвергнувшаяся воздействию), и на остальной территории страны (контрольная группа).

Примечание. На оси Y показана разница в долях занятого населения в регионах, испытавших воздействие притока беженцев, и в контрольных регионах.

Рис. 16. Влияние притока сирийских беженцев на формальную занятость турецких работников, 2005- 2014 гг. [117].

Среди мужчин и женщин с относительно низким уровнем образования обнаружено «чистое» вытеснение с рынка труда и, как и в случае работников формального сектора, сокращение возможностей для заработков.

Распределение работников по уровню зарплат формируется под влиянием трех сил – старения населения, миграции и образования – во всех странах, а в особенности – в европейских странах с высоким уровнем доходов.

Старение населения – медленный, но мощный процесс, вызывающий большую озабоченность властей многих стран.

Иммиграцию винят в трудностях, с которыми сталкиваются многие работники с низкой квалификацией. Повышение уровня образования рассматривают как быстрый способ решения всех проблем. Важный вопрос – в какой степени каждая из этих сил влияет на уровень заработков по различным профессиональным и возрастным группам работников.

В работе Ф. Докье [120] анализируются последствия изменений в образовательно-возрастной структуре населения для рынка труда за период с 2000 г. по 2010 г. На рис. 17 иллюстрируются изменения долей четырех основных групп населения трудоспособного возраста – молодых работников с низкой квалификацией, молодых работников с высокой квалификацией, пожилых работников с низкой квалификацией и пожилых работников с высокой квалификацией (работники считаются высококвалифицированными при наличии у них высшего образования; к молодым работникам относятся лица в возрасте 25-45 лет).

Наиболее примечательным является наблюдаемое по всем странам уменьшение доли молодых работников с низкой квалификацией, обусловленное старением населения и повышением уровней образования. Этому сокращению соответствует увеличение долей молодых и пожилых квалифицированных работников. У данной закономерности есть исключения (в частности Япония), но она проявляется во всех странах Европы и Центральной Азии с высоким уровнем доходов. Анализ, представленный в исследовании Ф. Докье [121], показывает, что изменения возрастной и профессиональной структуры рабочей силы являются доминирующими факторами, объясняющими изменения в уровнях зарплат. В отсутствие технологических изменений, способствующих поощрению более высокого уровня профессиональной квалификации, текущие тенденции старения общества и повышения уровней образования должны быть благоприятными для молодых и низкоквалифицированных работников.

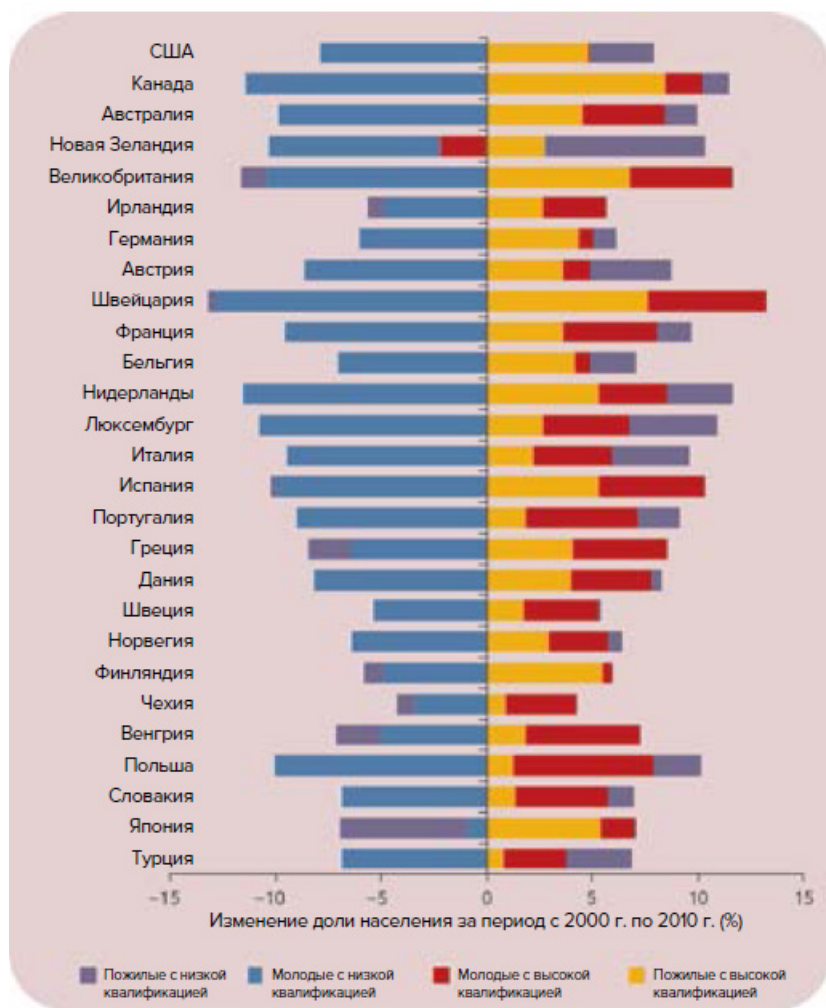

Рис. 17. Изменения долей населения по образовательно-возрастным группам в отдельных странах за период с 2000 г. по 2010 г. [59].

Однако стремительный технический прогресс со смещением по квалификации на протяжении последних двух десятилетий отчасти нивелирует эти выгоды для работников с низкой квалификацией и объясняет наблюдаемую во многих странах надбавку за квалификации [89].

Это наблюдение также подтверждает важность технологического прогресса как одного из ключевых факторов, способствовавших усилению неравенства по уровню зарплат на протяжении последних десятилетий, в том числе в странах Европейского союза с их щедрыми программами социальной помощи.

ГЛАВА 3. РАЗРАБОТКА И ПУТИ РЕАЛИЗАЦИИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Миграционная политика охватывает целый ряд сфер, включающих прием мигрантов, воссоединение мигрантов с членами семьи, доступ на рынки труда в принимающих странах, возможности получения права на постоянное проживание и гражданство, а также права мигрантов на участие в политической жизни и получение социальных услуг. Существует три пути въезда в страну назначения, и каждому из них соответствует отдельный набор мер политики.

Первый путь – легальная миграция – включает в себя три категории. Первая – экономическая миграция, которая нацелена на удовлетворение потребностей рынка труда, две другие – воссоединение с семьей и гуманитарная миграция беженцев и других лиц, находящихся в трудном положении.

Второй путь – незарегистрированная миграция, когда люди въезжают в страну нелегально или остаются в ней жить после истечения срока визы. Эта категория, как правило, тоже имеет экономические мотивы.

Третий путь – торговля людьми, или принудительная миграция. Согласно оценкам Международной организации труда (МОТ), Фонда «Против рабства» и Международной организации по миграции (МОМ), более 25 млн. человек в мире заняты принудительным трудом, причем многие из них стали жертвами торговли людьми.

По данным Управления ООН по наркотикам и преступлениям, в 2018 г. около 93% выявленных жертв были вывезены для принудительной трудовой эксплуатации, в том числе в качестве работников коммерческого секса. В 2016 г. Европа и Центральная Азия занимали второе место по распространенности использования подневольного труда (3,6 занятых принудительным трудом на 1000 жителей) после региона Восточной Азии и Тихоокеанского бассейна (4,0 занятых принудительным трудом на 1000 жителей) [141].

Исследования в области торговли людьми на настоящий момент ограничены межстрановым анализом агрегированных данных или изучением каче-

ственных данных на уровне общин. Хотя в литературе существует единство мнений по поводу некоторых общих характеристик торговли людьми (например, относительно того, что это явление встречается как в странах со слабыми, так и сильными институтами), отсутствие данных микроуровня мешает исследователям оценить стоящие за торговлей людьми факторы предложения и спроса.

Созданная Международной организацией по миграции (МОМ) база данных о жертвах торговли людьми содержит более 49 тыс. индивидуальных случаев, причем каждый год добавляется примерно 5 тыс. новых. Эти данные страдают от ряда смещений, обусловленных отбором, поскольку охват базы данных ограничен теми странами, где МОМ оказывает помощь жертвам торговли людьми; вероятность выявления (указания) одних видов торговли людьми выше, чем других; более значительное количество выявленных случаев может свидетельствовать о более результативных мерах по противодействию торговле людьми, а не о более широкой распространенности этого феномена.

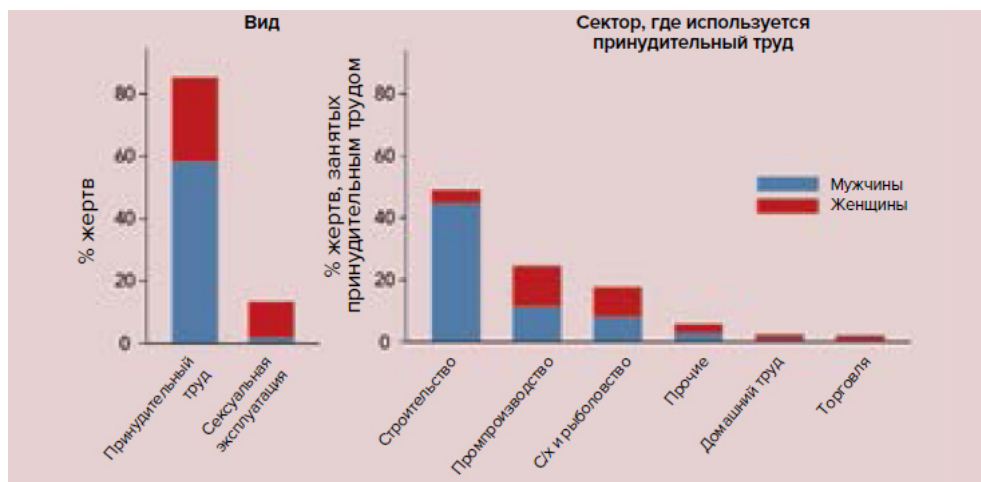
Тем не менее этот ресурс служит единственным источником детальных данных о торговле людьми, которые имеют международный охват и позволяют сформировать предварительные представления о тенденциях и закономерностях в столь специфической сфере торговли.

За период 2014-2018 гг. база данных МОМ содержит более 11500 случаев, соответствующих трудовой эксплуатации жертв торговли людьми в Европе и Центральной Азии – преимущественно в бывших советских республиках, где МОМ ведет активную деятельность. На основе опросов граждан этих стран в базу данных включено примерно 10800 лиц, из которых почти одинаковые доли женщин (50,4%) и мужчин (49,6%).

Дети составили около 17% жертв. 86% были вывезены в другие страны, среди которых чаще всего страной назначения была Россия: в эту страну было отправлено 65% граждан постсоветских стран из числа жертв торговли людьми.

Из 20% жертв, вывезенных в страны за пределами бывшего Советского Союза, большинство лиц было отправлено в страны Европейского союза.

Около трети всех случаев в базе данных имеют информацию о виде эксплуатации (рис. 18).

Примечание. В части «а» рисунка 1% приходится на долю жертв, сообщивших о других формах эксплуатации (принудительный брак, изъятие органов).

Рис. 18. Виды и сферы использования принудительной эксплуатации жертв торговли людьми из бывших советских республик, 2014-2018 гг. [197].

На сексуальную эксплуатацию пришлось 14% случаев принудительной эксплуатации (89% жертв были женщины), а на принудительную трудовую эксплуатацию – 86% (женщины составили 32% жертв). Чаще всего подневольный труд использовался в строительстве (49% жертв принудительного труда, по которым имеется информация), промышленном производстве (24%) и сельском хозяйстве (17%).

Большинство мигрантов перемещаются под влиянием экономических мотивов, даже если данные о виде их въездной визы подразумевают иное (многие экономические мигранты въезжают в страну по программам воссоединения семей или гуманитарной помощи, поскольку большинство официальных каналов рынка труда имеют ограничительный характер) [197].

Одна из фундаментальных проблем иммиграционной политики состоит в том, что рынки труда создают мощные выталкивающие и притягивающие силы, которые приводят к масштабному спросу на труд мигрантов во многих секторах и регионах. В большинстве случаев государственная политика не способна противостоять такому давлению со стороны рынка труда.

Ограничения, устанавливаемые в отношении притока трудовых иммигрантов, приводят к въезду большого количества нелегальных мигрантов, злоупотреблению гуманитарными программами или программами по воссоединению семей, а также к искажениям на рынке труда, в результате чего в итоге возникают политические конфликты и конфронтации культур.

Еще один важный аспект иммиграционной политики – являются ли визовые разрешения, особенно предусматривающие возможность работы по найму, временными или постоянными.

В некоторых странах Европы и Центральной Азии значительную долю экономических мигрантов составляют временные мигранты. Например, в России доля мигрантов, имеющих разрешения на временное проживание и трудоустройство, составляет 83%, а случаи иммиграции с правом на постоянную работу и для воссоединения семьи редки.

В Финляндии доля мигрантов, пребывающих в стране на временной основе, составляет около 50%, в Германии и Швейцарии – немногим более 40%, в Великобритании – 30%. Не исключено, что структура различных категорий постоянных виз и доля временных разрешений (доля временной экономической миграции) связаны друг с другом [97].

Например, в Швеции количество постоянных экономических мигрантов невелико, а доля временной миграции умеренная, что отчасти является результатом низкого уровня постоянной экономической миграции в страну и относительно большого количества выдаваемых гуманитарных виз. В Дании и Норвегии, напротив, отмечаются небольшие доли временных мигрантов и существенная доля мигрантов, приезжающих из стран, входящих в Европейскую экономическую зону (ЕЭЗ), в соответствии с положениями о свободе передвижения лиц.

На рис. 19 показано распределение категорий визовых разрешений, выданных в основных странах ЕС, принимающих мигрантов. Кроме виз с правом трудоустройства/работы по найму, виз на воссоединение с семьей и гуманитарных виз, имеется четвертая категория разрешений на въезд – в рамках между-

народных соглашений. Эта категория включает лиц, въезжающих в страну в соответствии с правилами Европейского союза о свободном передвижении лиц (виза для этого не требуется).

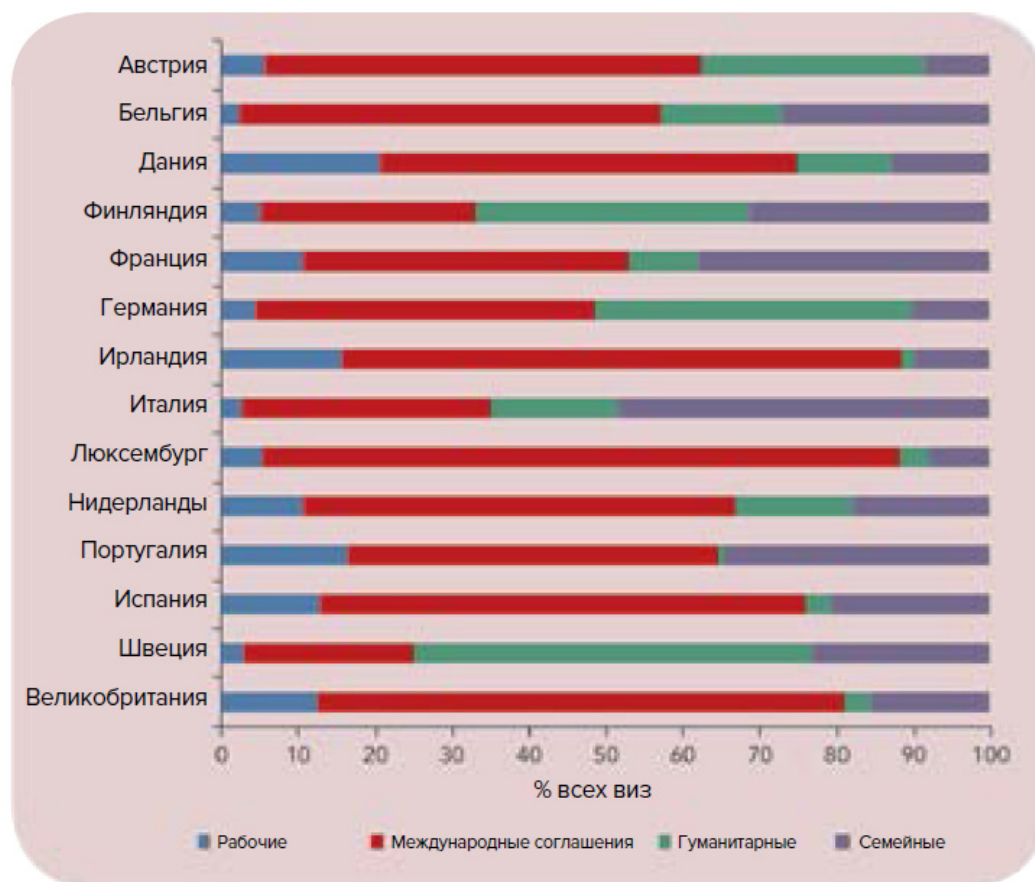

Рис. 19. Распределение категорий выданных виз по основным принимающим странам Европейского союза, по странам (2016 г.) [59].

В Европе и Центральной Азии среди постоянных мигрантов экономическая миграция более распространена по сравнению с другими видами миграции в Великобритании, Испании и Италии [97]. Среди стран ОЭСР доля иммиграции с целью трудоустройства велика в Австралии, Канаде и Великобритании. Близкие члены семьи, въезжающие по рабочим визам, тоже включаются в категорию трудящихся-мигрантов, поскольку власти обычно рассматривают трудовых мигрантов и сопровождающих их членов семьи, обладающих семейными визами, как одну категорию.

На рисунке наглядно видна важность положений законодательства Европейского союза о свободе передвижения лиц в границах Европы, поскольку визы, выданные по линии международных соглашений, составляют основную

часть всех видов разрешений на въезд в большинстве стран. Доля виз на воссоединение с семьей тоже существенна: на них приходится более 40% всех разрешений на постоянное проживание, выданных во многих странах, в том числе во Франции и Италии. Категория экономических/трудовых мигрантов составляет менее 20% от общего количества разрешений на постоянное проживание в каждой стране, а средний показатель – менее 10%. Это объясняется двумя причинами. Во-первых, экономические мигранты из стран Европейского союза, особенно из Восточной Европы, в силу своего привилегированного статуса не пользуются визами этой категории, которая применяется к гражданам стран, не входящих в Европейский союз. Во-вторых, в большинстве стран Европейского союза отсутствуют легальные пути для въезда экономических мигрантов, особенно низкоквалифицированных работников, хотя на их труд имеется значительный спрос. В результате многие экономические мигранты используют канал воссоединения с семьей или въезжают в страну нелегально.

Визовые и иммиграционные режимы сильно различаются между странами. Некоторые страны, – например, Бельгия и Швеция, – имеют всего по одной основной программе трудовой иммиграции. В отличие от них в США действует 6 различных программ по приему трудовых мигрантов, а в Канаде и Австралии – по четыре программы. В Норвегии и Швеции единая программа, которая открыта для работников любой квалификации.

В Великобритании, напротив, существует несколько программ трудовой иммиграции для разного уровня работников. Программы трудовой иммиграции предусматривают пять уровней. В рамках программы первого уровня привлекаются мигранты, обладающие высокоценными навыками, из стран за пределами Европейской экономической зоны (ЕЭЗ); сюда включаются инвесторы и исключительно талантливые специалисты. На 2-м уровне принимаются работники, обладающие средней и высокой квалификацией. Уровень-3 был предназначен для низкоквалифицированных работников, привлекаемых для восполнения временного дефицита рабочей силы; эта категория уже не действует, и правительство никогда не выдавало по ней визы. Уровень-4 предназначен для студентов из стран, не входящих в ЕЭЗ, желающих обучаться в Великобритании.

На уровне-5 предоставляются временные рабочие визы. Он предназначен для творческих людей, спортсменов, лиц, занимающихся благотворительной деятельностью, религиозных деятелей, временных работников молодого возраста.

Одна из важных тем в литературе о миграции – неравномерность воздействия, оказываемого иммиграцией на различные рынки труда. Следовательно, миграционная политика должна учитывать специфику рынков труда, на которые она ориентирована. Принятое здесь примерное различие между мерами в отношении высококвалифицированных и низкоквалифицированных работников основано на уровнях человеческого капитала и образования.

Возможности получения права на постоянное проживание сильно различаются по странам. Австрия, Кипр и Греция ограничивают возможности для постоянного проживания и получения гражданства, в результате здесь на постоянно-временной основе находится большое количество иностранных граждан, имеющих шаткий правовой статус и исключенных из жизни общества. В Дании, Италии, Швейцарии, Эстонии и Латвии получение права на постоянное проживание облегчено, но получение гражданства ограничено. Постоянные жители могут сталкиваться с дискриминацией по отношению к себе.

В Венгрии, Испании, Японии и Республике Корея миграционная политика устанавливает привилегии для лиц определенной национальной или этнической принадлежности. В некоторых странах Европы и Центральной Азии, в том числе в Бельгии, Португалии и Швеции, мигранты имеют возможность пользоваться равными, надежно защищенными правами, что способствует их интеграции в общество.

3.1. Меры политики, направленные на удовлетворение спроса на низкоквалифицированных работников

Экономически мотивированная миграция не имеет случайного характера: работники перемещаются с рынков труда, где спрос на них и заработная плата низкие, туда, где спрос и зарплата выше. В условиях когда в странах ОЭСР уровень образования начал повышаться, а население стало стареть, спрос на низкоквалифицированных работников превысил предложение.

Для удовлетворения этого избыточного спроса стали приезжать молодые, менее образованные иммигранты из относительно бедных стран на периферии ОЭСР.

Кроме удовлетворения избыточного спроса на рынках труда, миграционная политика призвана решать и другие задачи [97]. Во многих случаях решение социальных и политических задач требует введения ограничений на приток мигрантов и вступает в противоречие с потребностями рынка труда, что приводит к искажениям на рынке, а также к возникновению культурных, политических и социальных проблем.

Имеющиеся доказательства и сравнение различного опыта свидетельствуют, что реализация политики, способной противостоять рыночным силам, практически невозможна. Вместо этого правительствам следует разрабатывать политику с учетом действия рыночных сил.

Один из примеров подобной политики – схемы временной миграции. Когда существует рыночный спрос – в таких секторах, как, например, сельское хозяйство, строительство, туризм, где сезонная и кратковременная занятость являются нормой, – странам следует рассматривать возможность создания временных программ для восполнения дефицита рабочей силы. Программы временной миграции для создания временных рабочих мест приносят пользу мигрантам, рынкам труда в принимающих странах, работодателям и потребителям. Такие программы предотвращают незарегистрированную иммиграцию благодаря облегчению неоднократной круговой миграции. Под круговой миграцией, в отличие от однократной, понимается миграция с возвращением на родину, зачастую осуществляемая неоднократно.

Однако меры по стимулированию временной миграции работают только в отраслях с низким уровнем расходов, связанных с текучестью кадров, и существенными сезонными колебаниями; их нельзя использовать для заполнения нехватки рабочей силы в отраслях, требующих более высококвалифицированного труда или специфических для конкретного сектора инвестиций в развитие человеческого капитала.

Работники, конкурирующие с трудовыми мигрантами, зачастую переходят в другие отрасли, меняют профессии или переезжают в другие географические регионы. Работники относительно молодого возраста, как правило, успешнее справляются с переходом и в итоге получают более высокие доходы и находят лучшую работу [197].

Благодаря такому приспособлению рынка труда общее влияние миграции на уровень заработных плат, как правило, оказывается незначительным, особенно на национальном уровне. Однако для работников издержки, связанные с перемещением, могут быть весомыми и в краткосрочной перспективе предполагают существенные финансовые траты и эмоциональную нагрузку.

Следовательно, государственная политика должна предусматривать оказание поддержки работникам в процессе переезда, особенно если речь идет о людях немолодых и обладающих относительно низкой квалификацией, что делает их перемещение более затратным. Как следует выстраивать такие меры, чтобы они помогали сокращать эти издержки – преимущественно временные, но потенциально нарушающие привычный уклад жизни?

Возможные компоненты таких программ помощи – выплата временных социальных пособий, выплаты по страхованию от безработицы, программы переобучения. Следует также видоизменять системы образования для молодых, чтобы им не приходилось конкурировать с иммигрантами, обладающими более низкой квалификацией и готовыми соглашаться на низкооплачиваемую и трудную работу.

В принципе, те, кто выигрывают от иммиграции (т.е. мигранты, работодатели, потребители производимых ими товаров и услуг), должны нести, как минимум, часть затрат на реализацию подобных мер. На практике таких мер политики, через которые затраты, связанные с перемещением рабочей силы, могут быть перенесены на тех, кто получает выгоду от миграции, очень мало. К ним относятся дополнительные налоги или сборы, взимаемые за выдачу разрешений на работу, или же установление требований, ограничивающих количество трудовых мигрантов, которые могут быть приняты на работу предприятием.

Однако люди, которые несут издержки, зачастую сопротивляются таким программам, что приводит к экономической неэффективности и политическим конфликтам.

Рассмотрим возможные способы преодоления такого сопротивления.

Свободное трансграничное перемещение рабочей силы приносит не только потери определенным категориям существующих работников, но и выгоды с точки зрения повышения общей эффективности.

Перед правительствами стоит непростая задача – разработать меры политики по обеспечению финансирования и компенсации потерь соответствующих работников, чтобы ослабить политическое сопротивление миграции.

В последние десятилетия многие выдающиеся экономисты предлагали рыночные механизмы для решения двух проблем: выявления тех, кому следует разрешать иммигрировать и работать в той или иной стране, и определения способов извлечения определенной экономической выгоды для предоставления компенсаций работникам, несущим потери. Г. Бекер предлагал правительству США продавать визы иностранцам вместо установления квот [91, 92, 93].

Иностранцы (или работодатели), потенциально больше всех выигрывающие в доходах, могут предлагать самую высокую цену за визы, и таким образом в правительственную казну будут поступать доходы, которые в противном случае были бы получены мигрантами и их работодателями.

Продажа виз также предлагалась как средство сокращения торговли людьми [87] или предоставления компенсаций работникам из числа местных жителей, проигравших в конкуренции мигрантам [191].

В работе М. Zavodny [200] предлагается проводить аукционы по продаже рабочих виз.

В последние годы появились различные программы «гражданство/паспорт в обмен на инвестиции» [183].

Эти предложения не исключают неэффективности соответствующего рыночного механизма. Несмотря на избыточный спрос на разрешения на работу,

сторона предложения на рынке труда в этом механизме отсутствует. Иммигранту необходимо разрешение на работу для официального трудоустройства по договору найма, правительство технически продает иммигранту такое разрешение.

Однако реальными собственниками этого разрешения являются граждане, обладающие подразумеваемым правом принять предоставленное им право на работу. Механизм, предложенный в работе М. Локшина и М. Ravallion [156], предусматривает предоставление компенсаций людям, готовым «продать» это право на определенный период. В предложении этих исследователей гражданам трудоспособного возраста разрешается «передавать в аренду» иностранным работникам свое право принимать предложение работы. Правительство может создать Интернет-платформу, на базе которой будут устанавливаться контакты между гражданами, желающими продать на аукционе свое право принимать предложение работы, и иностранцами, которым необходимо разрешение на работу.

Когда гражданин решает передать «в аренду» принадлежащее ему право принимать предложение работы, это право передается иностранцу на временной основе в виде разрешения на работу, а лицу, отказавшемуся от своего права, перечисляются денежные средства. Такой механизм позволяет гражданам, которые с большой вероятностью понесут экономические потери от миграции, получить прямую компенсацию своих потерь. Купив разрешение на работу, трудовой мигрант получает право принять любое предложение о работе в стране. По истечении срока контракта разрешение на работу возвращается первоначальному собственнику.

Создание анонимного и прозрачного рынка разрешений на работу способно ослабить политическое сопротивление миграции благодаря тому, что подобный рынок поможет интернализации экстерналичных (внешних) эффектов, порождаемых (или так воспринимаемых) мигрантами в принимающей стране. Страна-реципиент получает ряд выгод от введения такой политики, поскольку низкооплачиваемые работники с низкой производительностью труда будут за-

мещаться мигрантами с более высокой производительностью, что будет способствовать росту ВВП и увеличению налоговых доходов.

Замещенные работники получают прямую компенсацию, что сокращает необходимость организации для них сложных и неэффективных программ социальной помощи. Схема может предусматривать поддержание на определенном уровне общего количества рабочих мест в стране-реципиенте, чтобы предотвратить ситуацию, когда миграция будет приводить к безработице. Рынок разрешений на работу можно рассматривать не только как эффективный инструмент управления иммиграцией, но и как инструмент социальной защиты.

Такой подход, по-видимому, будет способствовать более свободной международной миграции.

3.2. Трансформация механизма выхода мигрантов на рынок труда

Один из возможных способов привлечения средств от тех, кто получает выгоду от миграции, для финансирования издержек, связанных с перемещением рабочей силы, – изменение механизмов выхода мигрантов на рынок труда в стране-реципиенте посредством перехода от количественных ограничений к ценовым механизмам. В настоящее время почти во всех принимающих странах для регулирования притока легальных и зарегистрированных иммигрантов используются квоты. Правительства принимают решения о количестве иммигрантов с тем или иным уровнем образования, с определенными профессиями и относящимися к определенным секторам, которым будет разрешено работать в их странах. Использование квот создает несколько проблем.

Во-первых, оценку количества иммигрантов, которым будет разрешено въехать в страну, проводят чиновники, а не работодатели и не представители рынка труда. Определить, какой вид миграции будет наиболее выгоден принимающей стране, особенно в долгосрочной перспективе, довольно трудно. Кроме того, с течением времени потребности рынка труда могут быстро меняться.

Во-вторых, системы, основанные на квотах, подвержены рискам рентоориентированного поведения и коррупции, поскольку предприятия могут стре-

миться склонить правительственных чиновников к выдаче разрешений в рамках квот в пользу своих отраслей.

В-третьих, устанавливаемые квоты слишком малы, а стимулы к нелегальному въезду велики, и в результате в стране появляется много незарегистрированных мигрантов. Они работают на неформальном рынке труда, не имеют права на социальную защиту и порождают негативные внешние эффекты, воздействующие на работников с самой низкой квалификацией, которых государство пыталось защитить.

В-четвертых, квоты не генерируют доходов для государственной казны. Напротив, они выгодны только тем предприятиям, которым повезет нанять иммигранта (получившего визу с правом работы по найму). Фирмы-посредники, оказывающие услуги по подбору мигрантов, и те, что занимаются торговлей людьми и помогают незарегистрированным мигрантам, взимают за свои услуги немалую плату.

Заменить режимы квот налоговыми режимами в целях регулирования притока иммигрантов можно несколькими способами, в том числе с помощью введения дополнительного налога на доходы, платы за выдачу виз и системы аукционов по продаже виз. В ряде стран, например, в Малайзии и Сингапуре, взимают сборы с иммигрантов. Взимание налогов, платы и сборов вместо квотных ограничений имеет много явных преимуществ, хотя ни одна из этих мер еще не была подвергнута надлежащей оценке. Подобные механизмы обеспечат правительству доходы для оказания поддержки работникам, испытывающим экономические трудности в результате миграции, особенно немолодым людям с относительно низкой квалификацией, которые в меньшей степени способны менять работу или перемещаться в другие отрасли. Работодатели также получат возможность быстрее реагировать на колебания экономической конъюнктуры и при необходимости нанимать дополнительных работников.

При режиме квот предприятия не способны быстро расширять производство, даже если они готовы платить за выдачу разрешений на работу по найму. Правительства также смогут быстрее корректировать величину сборов/налогов

для реагирования на изменения, происходящие на рынке труда. Режимы, основанные на взимании сборов, вероятно, также смогут снизить уровень культурной враждебности по отношению к иммигрантам, так как они будут обеспечивать необходимые «налоговые» доходы и их уже нельзя будет винить в том, что они живут в стране «на дармовщину».

В мировой торговле замена режима квот тарифами заняла много десятилетий. Для введения и обеспечения исполнения подобной политики в сфере иммиграции потребуется столько же времени, но попытаться сделать это стоит.

3.3. Меры политики, направленные на удовлетворение спроса на высококвалифицированных специалистов

Многие страны стремятся привлечь высококвалифицированных мигрантов, поскольку они способствуют повышению производительности, заполняют нехватку специалистов на рынке труда, легче интегрируются в общество в принимающей стране и не создают дополнительную нагрузку на систему социальных услуг.

От миграции высококвалифицированных специалистов на рынках труда в основном выигрывают работники с дополнительными навыками по отношению к тем, которыми обладают мигранты, и занятые в тех секторах, где широко распространены эффекты передачи знаний.

По особенностям рынков труда, результатам их функционирования, а также политике в отношении высококвалифицированных работников страны существенно различаются между собой. Четыре страны – США, Великобритания, Канада и Австралия – принимают более двух третей всех высококвалифицированных мигрантов в мире.

Многие высококвалифицированные работники из стран Западной Европы с высоким уровнем доходов, в том числе из Франции и Германии, предпочитают переезжать из Европы в четыре упомянутые страны по различным причинам. В том числе ими движет то, что сосредоточение высококвалифицированных специалистов порождает синергетические и дополнительные эффекты, повышающие производительность труда.

Политику в отношении высококвалифицированных иммигрантов необходимо формировать с учетом этих особенностей и базовых характеристик рынка труда [150]. Такая политика актуальна для европейских стран, которые являются как странами-донорами, так и странами, принимающими таких мигрантов. В регионе Европы и Центральной Азии значительную долю миграции высококвалифицированных специалистов составляет внутрорегиональная миграция.

Есть два основных подхода к формированию политики – на основе спроса и на основе предложения. Подход, основанный на спросе, учитывает потребности работодателей. Работодатели определяют категории квалифицированных специалистов, которые потенциально могут быть приняты в страну. Подход, ориентированный на предложение, основывается на системе балльных оценок, отражающих приоритеты страны, или на оборе индивидуальных претендентов на въезд в страну с учетом их профессиональных качеств.

Оба подхода имеют свои плюсы и минусы. Хотя подход, основанный на потребностях работодателей, делает программу более восприимчивой к политике на рынке труда, он привязывает мигрантов к спонсирующим их въезд предприятиям, по крайней мере, на первом этапе. При использовании обоих подходов может быть затруднительным установление квот.

3.4. Политика, ориентированная на спрос

Что касается ориентации на спрос, то в настоящее время отмечается тенденция к использованию характеристик, в которых на первый план ставится способность мигранта к трудоустройству. Основная предпосылка мер политики, учитывающих спрос, заключается в том, что иммигранты должны получить работу в стране-реципиенте; при этом бремя отбора ложится на рынки труда и работодателей. Неявно предполагается, что если мигрант способен получить работу, то он может принести чистую выгоду и ему следует разрешить въезд в страну. Предпочтение отдается мигрантам, которые трудоустраиваются сразу же и будут вносить вклад в экономику. Категории тех, кто потенциально может им-

мигрировать в страну, определяются работодателями и текущими условиями на рынке труда. В эту категорию попадает большинство программ выдачи временных разрешений на работу, программы 2-го уровня Великобритании и программы Ирландии по предоставлению разрешений на работу. В рамках этих программ мигранты обязаны до въезда в принимающую страну представить официальное приглашение на работу.

Еще одна крупная программа действует в Германии. Ею предусматривается, что претенденты со степенью бакалавра имеют право подавать заявку на «голубую карту», которая позволяет им проживать и работать в Германии. После определенного периода проживания в Германии такие претенденты могут переехать в другую страну Европейского союза (ЕС) и подать там заявку на «голубую карту». Например, если мигрант из страны, не входящей в ЕЭЗ, является обладателем «голубой карты» ЕС, выданной властями Германии в течение 18 месяцев, он имеет право переехать в Испанию и подать заявку на испанскую «голубую карту» (<https://www.expatica.com/es/moving/visas/work-visas-103258/>).

Заявители обязаны представить доказательства, что они заключили договор найма на работу в области своей квалификации с минимальной годовой заработной платой в 48 тыс. евро. Заявители, не имеющие контракта на работу, могут тем не менее въехать в Германию, но только с целью поиска работы и только на шесть месяцев. После заключения трудового контракта мигрант вправе подавать заявку на получение «голубой карты».

Режимы регулирования по основе спроса должны сопровождаться важнейшей дополнительной мерой, предусматривающей проведение тестов рынка труда. При их проведении работодатели должны представить доказательства того, что они не смогли найти постоянного жителя с необходимой квалификацией для заполнения вакансии, о которой идет речь.

В Ирландии, например, работодатель обязан представить справку от государственной службы занятости, подтверждающую, что служба разместила вакансию, но не смогла найти местных работников, удовлетворяющих предъявляемым к работе требованиям. Еще один пример тестирования рынка труда демонстрирует Испания, где вероятность удовлетворения заявок на выдачу раз-

решения на работу выше, если вакансия размещена в категории «дефицитная профессия» или если вакансия была размещена, но подходящих кандидатов из Испании или других стран Европейского союза не нашлось. Право подавать заявления на «голубую карту» ЕС имеют претенденты, обладающие, как минимум, степенью бакалавра и заключившие трудовой контракт или получившие имеющее юридическую силу предложение о работе с заработной платой, превышающей среднюю зарплату в Испании, по крайней мере, в 1,5 раза (в 1,2 раза – для дефицитных профессий).

Другие меры политики со стороны спроса, – регулирование отдельных отраслей и профессий, взимание платы за выдачу разрешений на экономическую деятельность, правила регулирования уровня заработной платы, участие профсоюзов. Например, почти во всех странах Европы и Центральной Азии работодатели обязаны выплачивать мигрантам, как минимум, официальную минимальную зарплату. Наиболее ограничительная политика обязывает работодателей соблюдать условия найма и оплаты труда, установленные коллективными соглашениями о заработной плате. Самые строгие ограничения действуют в Норвегии и Швеции. В Швеции до проведения реформы иммиграционной политики в 2008 г. любая заявка на выдачу разрешений на работу для работников из стран, не входящих в ЕЭЗ, подлежала одобрению соответствующим профсоюзом Швеции, который имел право наложить вето на отдельные заявки. В некоторых других странах, например, в Канаде, профсоюзы не имеют права вето, но все же влияют на рассмотрение заявлений о выдаче разрешений на работу [177].

В Великобритании действует промежуточный вариант политики в отношении ограничения заработной платы. Требуется, чтобы работодатели выплачивали мигрантам зарплату по средним или преобладающим ставкам в соответствующей профессии и (или) секторе.

3.5. Политика, ориентированная на предложение

В рамках политики, ориентированной на предложение, потенциальные мигранты оцениваются по их квалификации, без проведения явных рыночных

тестов или оценки возможности трудоустройства. Меры такой политики, как правило, имеют форму балльной оценки, в которой предпочтение отдается заявителям, обладающим характеристиками, более желательными для рынка труда или общества, – в частности молодостью, образованием, опытом, знанием национального языка или определенными профессиями.

Сторонники проведения политики, ориентированной на предложение, утверждают, что подобный режим учитывает более долгосрочный ракурс экономических потребностей страны. В центре внимания в процессе отбора стоят не краткосрочные потребности рынка труда, а человеческий капитал и интеграция в общество. Кроме того, политика, ориентированная на предложение, дает работникам больше свободы (поскольку, как правило, им разрешают въезжать в страну, уже после переезда искать работу, в большей степени соответствующую их способностям) по сравнению с вариантом, когда они пытаются трудоустроиться, находясь за пределами страны.

Примером такого подхода служит балльная система Австрии – система «красно-бело-красных карт», которая позволяет квалифицированным работникам из стран, не входящих в ЕЭЗ, а также членам их семей эмигрировать в Австрию для постоянного проживания. К числу подобных работников относятся высококвалифицированные специалисты и квалифицированные работники, обладающие дефицитными профессиями, – например, в сфере инженерного дела и здравоохранения. От работников этих категорий не требуется доказательств знания немецкого языка до въезда в страну, хотя за знание немецкого или английского языка присваиваются дополнительные баллы.

Принадлежность к гражданству играет большую роль при установлении права на трудоустройство и проживание в различных странах Европы. Гражданам стран-членов Европейского союза, Исландии, Лихтенштейна, Норвегии и Швейцарии разрешается работать и жить во всех этих странах без получения вида на жительство или разрешения на работу. Германия не требует получения визы для въезда в страну у граждан Австралии, Канады, Израиля, Японии, Республики Кореи, Новой Зеландии и США. Однако до трудоустройства граждане

этих стран обязаны зарегистрироваться в местном органе власти и получить разрешение на проживание и разрешение на работу. Фактически эти правила работают как механизм отбора на основе предложения.

Еще одна мера, к которой часто прибегают страны, придерживающиеся политики, ориентированной на предложение, – установление требований к профессиональной квалификации. Например, в рамках программы Германии по трудовой иммиграции, созданной для приема квалифицированных мигрантов, разрешение на проживание выдается специалистам, обладающим признанными дипломами или иностранными дипломами, эквивалентными германским дипломам об образовании. Выпускники вузов из стран, не входящих в ЕЭЗ, могут подавать заявления на разрешение временного проживания в целях поиска работы сроком на 18 месяцев. После заключения трудового контракта заявители имеют право на получение «голубой карты» Европейского союза, если найденная работа соответствует их квалификации. Граждане стран, не входящих в ЕЭЗ, но желающие проживать в Германии для получения профессиональной подготовки, имеют право подать заявление на разрешение на временное проживание, позволяющее им находиться в Германии до одного года в целях поиска работы. После заключения трудового контракта кандидат имеет право получить разрешение на работу.

Наиболее ограничительные варианты разрешают прием в страну только мигрантов, обладающих строго определенной квалификацией. Например, в Дании в программе иммиграции по «разрешенному списку» установлены минимальные требования к квалификации по каждой профессии; при этом диапазон квалификаций – от степени бакалавра до магистра, а по некоторым профессиям (например, стоматолога) требуется разрешение правительства. В ряде стран действуют гибридные программы, объединяющие характеристики обоих подходов. В некоторых программах трудовой иммиграции в страну на постоянное место жительства и в программах временной миграции для высококвалифицированных специалистов представление приглашения на работу строго не требуется. Примерами балльных систем временной трудовой миграции, допускающих

прием высококвалифицированных мигрантов без приглашения на работу, служат датская визовая программа «Зеленая карта» и программа Великобритании 1-го уровня. В обеих программах мигрантам, набравшим достаточное количество баллов, разрешается искать работу после въезда в страну на временной основе. Проработав по найму в течение нескольких лет, мигранты могут повысить свой статус до права на постоянное проживание; в случае невыполнения этого условия они обязаны покинуть страну.

Во Франции экономические мигранты вправе обращаться за получением многолетней визы «талант – паспорт», если они занимают в стране должность высококвалифицированного специалиста. Иностранцы, не соответствующие требованиям программы «талант – паспорт», могут тем не менее получить доступ на французский рынок труда через разрешение на временное проживание. Однако их заявления о выдаче визы и разрешения на проживание могут быть отклонены, если власти сочтут уровень их профессиональной квалификации недостаточно высоким.

3.6. Элементы успешной миграционной политики в отношении высококвалифицированных специалистов

Меры успешной политики в отношении высококвалифицированных работников отличаются рядом общих ключевых характеристик. Они четко определяют путь к получению разрешения на постоянное проживание или гражданства.

Право на проживание и гарантии занятости особенно важны для высококвалифицированных мигрантов, поскольку они, как правило, имеют постоянную работу, требующую существенных инвестиций в развитие человеческого капитала, связанного со спецификой трудовой деятельности. Опыт Австралии, Канады и США демонстрирует важность введения и обеспечения такой политики. Долгосрочные гарантии в отношении права на проживание и доступа к образовательным, а также другим видам государственных услуг особенно важны для высококвалифицированных мигрантов, поскольку многие из них пере-

езжают со своими семьями. Кроме того, высококвалифицированные мигранты, как правило, более чувствительны к максимальной величине налоговых ставок, для них более привлекательны принимающие страны с благоприятным налоговым режимом.

Качество высшего образования в принимающей стране тоже имеет большое значение для привлечения высококвалифицированных работников. Многие высококвалифицированные мигранты приезжают в страну назначения только с талантом, заложенным природой, и амбициями, еще не обладая специальным человеческим капиталом и опытом, и поступают на обучение в рамках программ высшего образования. Получение формального образования становится для таких лиц важной точкой выхода на рынок труда. Следовательно, наличие университетов – особенно тех, что специализируются на исследованиях и обучении выпускников в специальных технических областях и сферах, ориентированных на применение научных исследований, – становится заметным фактором притяжения.

Еще один возможный подход – предоставление финансирования образовательным учреждениям в странах-донорах [110].

«Утечка мозгов» – серьезный предмет озабоченности во многих странах с относительно низким уровнем доходов, особенно в отношении профессий и секторов, создающих внешние эффекты для экономики в целом, в частности здравоохранения и профессионально-технического обучения. Миграция высококвалифицированных работников из стран с низким уровнем доходов подразумевает предоставление неявной бюджетной субсидии, поскольку в большинстве стран высшее образование финансируется из государственного бюджета за счет налоговых доходов.

Если бы какая-либо страна с высоким уровнем доходов, – например, Германия, предоставляла финансирование высшим учебным заведениям в стране происхождения мигрантов (например, медицинскому институту в Молдове), от этого могли бы выиграть обе страны. Германия получила бы доступ к высококвалифицированным специалистам, получившим подготовку в соответствии с

германскими стандартами лицензирования и образования. Обучение могло бы даже проводиться на немецком языке, так что мигранты, приезжая в Германию, уже имели бы необходимые языковые навыки и могли бы сразу же приступить к работе. А Молдова смогла бы предоставлять услуги по медицинскому образованию, не тратя на это бюджетных средств. Две страны могли бы установить пропускную способность образовательного учреждения на уровне, превышающем количество выпускников, которых сможет принять Германия. В результате «чистая» численность врачей в Молдове могла бы увеличиться. Подобную программу можно было бы даже финансировать за счет иммиграционных пошлин, таким образом замыкая круг, в котором мигранты финансируют получение собственного образования и вносят вклад в развитие своей страны.

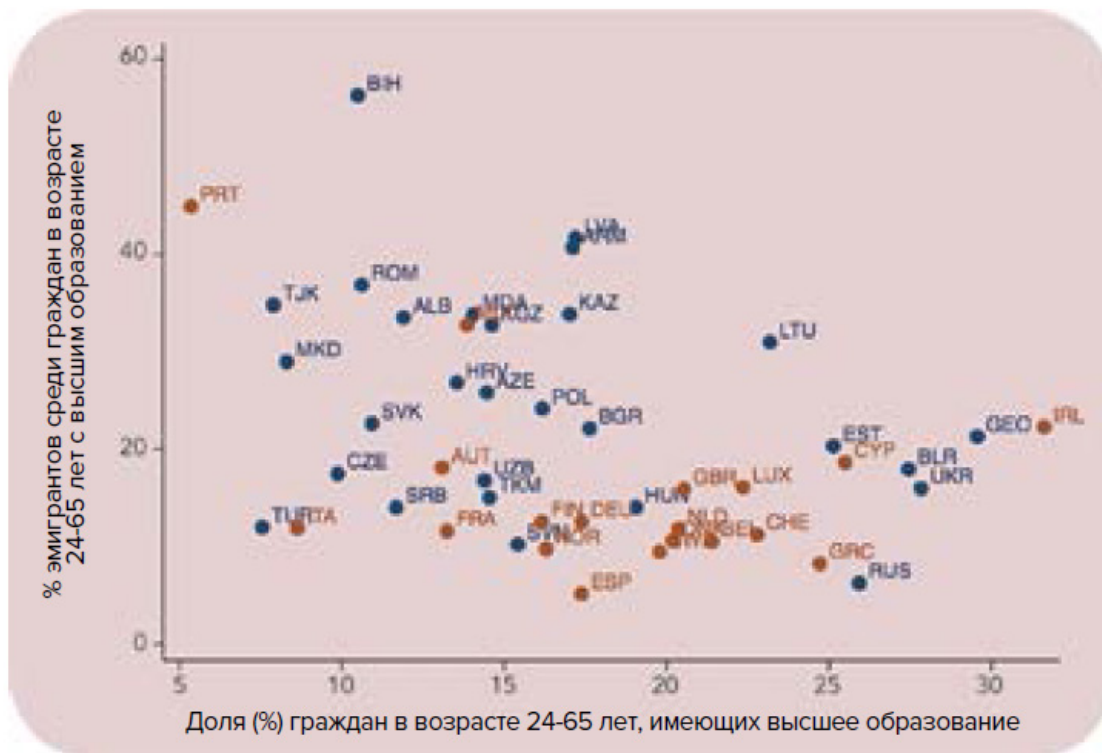
В ответ на политику принимающих стран, направленную на привлечение большего количества высококвалифицированных мигрантов, страны-доноры прилагают немало усилий, чтобы удержать их на родине. Отъезд высококвалифицированных работников приводит к острому дефициту специалистов во многих важнейших секторах – в частности в здравоохранении. Эта проблема особенно остро стоит в относительно небольших странах Европы и Центральной Азии со средним уровнем доходов, граждане которых, обладающие высокой квалификацией, сталкиваются с меньшим количеством ограничений и имеют привилегии при трудоустройстве в странах Евросоюза с высоким уровнем доходов.

На рис. 20 графически показаны доли населения в трудоспособном возрасте (24-65 лет) с высшим образованием в сравнении с долей эмигрантов среди лиц с высшим образованием.

Из графика видно, что, за исключением Мальты и Португалии, в странах с высоким уровнем доходов уровни эмиграции высококвалифицированных специалистов составляют не более 20%. Во многих странах Восточной Европы эти показатели гораздо выше.

Эмиграция высококвалифицированных работников высока, особенно в некоторых странах с низким уровнем доходов на Балканах и в Восточной Евро-

пе. Среди лиц с высшим образованием доля эмигрантов составляет 55% в Боснии и Герцеговине, более 40% – в Армении и Латвии и почти 40% – в Албании, Казахстане, Молдове, Северной Македонии и Румынии. Страны, где количество высококвалифицированных специалистов меньше, чем в других, сталкиваются с более высокими темпами эмиграции.

Примечание. Красные точки обозначают страны с высоким уровнем доходов Западной, Северной и Южной Европы. Синие точки – страны других субрегионов Европы и Центральной Азии.

Рис. 20. Корреляция между уровнями эмиграции среди лиц с высшим образованием и долей работников с высшим образованием в странах Европы и Центральной Азии [59, 197]

«Утечка мозгов» из этих стран обусловлена различными факторами. Кроме более высокой зарплаты, к ним относятся возможности для профессионального развития и обучения, лучшее будущее для членов семьи (например, дать образование детям), а также более комфортные условия для жизни и работы. Территориальная близость рынков труда Евросоюза, привилегированный доступ к ним, а также наличие крупных диаспор в странах Европейского союза снижают издержки, связанные с эмиграцией из многих стран региона Европы и Центральной Азии.

Хотя мобильность высококвалифицированных специалистов приносит выгоды, их масштабная и устойчивая эмиграция, по всей видимости, создает долгосрочные негативные эффекты в странах-донорах. Однако «утечка мозгов» зачастую является симптомом, а не причиной недостаточно эффективного функционирования экономики.

Издержки «утечки мозгов» обусловлены потерей эффектов перелива, повышающих производительность, а также потерей важных государственных услуг (например, медицинских и образовательных), которые могли бы быть порождены или предоставлены работниками с высшим образованием в своей стране, если бы они не эмигрировали. Во многих случаях правительства не имеют в своем арсенале эффективных средств для изменения существующей тенденции.

Страны с низким уровнем доходов не способны повлиять на притяжение, исходящее от стран с высоким уровнем доходов, но могут ослабить силу выталкивающих факторов. Первый шаг в этом направлении – повышение привлекательности своей страны посредством увеличения конкурентоспособности заработной платы и повышения производительности труда в профессиях, критически важных для высококвалифицированных специалистов. Многие из них работают в государственном секторе. Следовательно, важно усовершенствовать систему, при которой положение человека в обществе определяется его способностями, а также уменьшить бюрократические проволочки и nepотизм в системе найма работников в государственные организации.

Реформы в государственном секторе должны сопровождаться мерами по развитию частного сектора и созданию новых рабочих мест. В большинстве стран со средними доходами и доходами выше среднего уровня преобладающая часть высококвалифицированных специалистов работает в частных компаниях (хотя их использование в государственном секторе имеет большое значение, особенно в таких важнейших сферах как здравоохранение). Без создания рабочих мест в частном секторе, особенно в наукоемких секторах, порождающих дополнительные эффекты для повышения производительности, высококвалифицированные специалисты будут по-прежнему эмигрировать.

Большую роль здесь могут сыграть прямые иностранные инвестиции (ПИИ) – как посредством повышения уровня занятости высококвалифицированных работников, так и за счет предоставления технологий и капитала. Меры по привлечению ПИИ в отрасли с интенсивным использованием высококвалифицированного труда должны дополняться другими мерами политики по сокращению «утечки умов».

Страны могут также расширять сферу высшего образования и повышать его качество в целях компенсации потерь человеческого капитала из-за эмиграции. Многие страны следуют по этому пути, несмотря на часто упоминаемую озабоченность по поводу того, что повышение уровня образования будет стимулировать увеличение эмиграции и приводить к дополнительным потерям специалистов. Инвестиции в образование помогают предотвращать отъезд студентов за границу для получения высшего образования с целью дальнейшего устройства там на постоянной основе.

Рассмотрим примеры политики, принятой в странах Европы и Центральной Азии в ответ на эмиграцию высококвалифицированных специалистов.

Темпы миграции высококвалифицированных специалистов в Европе и Центральной Азии стремительно росли на протяжении нескольких последних десятилетий. В Восточной Европе и на Балканах изменение политического режима и вступление многих стран в Евросоюз открыли двери Западной Европы для молодых специалистов. В результате за период с 1990 г. по 2017 г. темпы эмиграции в Румынии увеличились на 287%. При этом самый высокий уровень эмиграции в этой стране наблюдался среди высококвалифицированных работников: в 2017 г. 27% общей численности таких специалистов проживали за границей. Этот процесс привел к нехватке трудовых ресурсов, особенно в сфере науки и технологий.

По состоянию на 2017 г. более трети работников с высшим образованием из Албании, Боснии и Герцеговины и Республики Северной Македонии проживали за рубежом. Уровни эмиграции были неравномерными по разным профессиям. В 2017 г. около 70% лиц, работавших в системе высшего образования Се-

верной Македонии, планировали эмигрировать, а 20% из них уже подали заявления о трудоустройстве за границей.

Некоторые страны повысили качество и расширили охват высшего образования в целях удержания или увеличения численности высококвалифицированных специалистов в стране. В Молдове при содействии Всемирного банка осуществляется проект «Высшее образование», направленный на повышение качества обучения в вузах и обеспечение его соответствия потребностям рынка труда посредством интернационализации программ по привлечению иностранных студентов и исследователей.

В Сербской автономной области Восточной Славонии, Бараньи и Западного Срема правительство планирует создать Региональный центр стипендиальных программ и профессионального развития. Цель – стимулирование инвестиций в систему высшего образования за счет предоставления стипендий студентам учреждениям среднего профессионально-технического и высшего образования. Кроме того, в рамках партнерств с организациями частного сектора будет создан новый постоянно действующий стипендиальный фонд. Новый центр будет также оказывать услуги по профессиональному обучению и развитию карьеры. Ожидается, что предоставление стипендий будет способствовать увеличению количества зачисленных студентов.

В дополнение к удержанию собственных специалистов некоторые страны намереваются привлекать талантливых студентов из других стран. В Казахстане в этих целях осуществляется реализация двух программ. Первая предусматривает создание университетов мирового класса. Один из примеров – Назарбаев университет, созданный в 2010 г. В нем обучается 5 тыс. самых одаренных и талантливых студентов Казахстана. К 2025 г. планируется увеличить количество зачисленных студентов до 8 тыс. Доступ к высококачественному образованию позволяет выпускникам вносить свой вклад в развитие экономики Казахстана, проводить исследования, а также участвовать в предпринимательской деятельности, не уезжая из страны.

Вторая программа предусматривает создание стимулов для ученых, возвращающихся в страну. Например, с помощью международной стипендии «Бо-

лашак» финансируется обучение граждан в иностранных высших учебных заведениях при условии их возвращения в Казахстан и работы на родине в сфере своей специализации, как минимум, в течение пяти лет.

Некоторые страны Европы и Центральной Азии пытаются уменьшить миграцию высококвалифицированных специалистов посредством организации совместных программ с иностранными университетами. Подобные программы создают дополнительную выгоду в виде привлечения высококвалифицированных кадров из других стран. Например, Узбекистан установил партнерские отношения с американским университетом Вебстера, который в начале 2019 г. открыл новый филиал в Ташкенте. На базе этого филиала запущена магистерская программа обучения преподаванию английского языка как второго иностранного, в рамках которой к обучению в Узбекистане привлекаются иностранные студенты.

Привлечение иностранных студентов также является одним из ключевых приоритетов в России. Стратегия на период до 2025 г. предусматривает, что образовательные услуги должны стать одной из основных статей экспорта и что в российские вузы необходимо привлекать перспективных иностранных студентов.

В большинстве стран-доноров высшее образование финансируется за счет средств государственного бюджета. Следовательно, эмиграция высококвалифицированных специалистов создает существенную нагрузку на бюджетную систему. В результате правительствам часто рекомендуется прибегать к такой мере как требование к эмигрантам возместить в бюджет своей страны средства, потраченные на их образование.

Подобная политика повышает справедливость по отношению к тем, кто остается на родине. Однако обеспечение реализации таких мер затруднительно, особенно после отъезда эмигранта из страны. Кроме того, применение жестких правоприменительных и правовых мер может приводить к разрыву связей эмигранта с родиной, что мешает реализации внешних эффектов, связанных с диаспорой. Политику в отношении налогообложения эмигрантов необходимо разрабатывать осмотрительно, чтобы избежать потенциальных незапланированных результатов.

Политику в сфере образования следует формировать, принимая во внимание проблемы эмиграции, особенно в относительно небольших европейских странах, откуда эмигрируют миллионы людей из-за несоответствия спроса и предложения, а также проблем с качеством на рынках труда в странах-донорах.

Долгосрочное планирование трудовых ресурсов практически не осуществляется, а координация между образовательными учреждениями и работодателями частного сектора имеет ограниченный характер.

Небольшие страны могут сосредоточиться на конкретных секторах и обеспечить подготовку работников, необходимых для достижения критической массы, особенно в тех отраслях, которые считаются жизнеспособными и конкурентоспособными в долгосрочной перспективе.

Специализация и концентрация специалистов приводят к повышению производительности труда и росту заработной платы, что ослабляет стимулы к эмиграции. Системы образования должны сосредоточиться на подготовке работников для таких отраслей.

Совместные скоординированные усилия, предпринимаемые образовательными учреждениями и предприятиями из стран-реципиентов мигрантов, могут повышать результативность подобной политики. Правовая и политическая структура Европейского союза, возможно, будет поддерживать реализацию такой политики посредством предоставления финансирования из общих внутренних фондов. Еще одна инициатива, которую могут предпринять страны-доноры мигрантов, – улучшение состояния рынка труда применительно к женщинам и сокращение дискриминации по гендерному признаку.

Женщины, обладающие высокой квалификацией, составляют когорту мигрантов, растущую самыми быстрыми темпами. За период с 2000 г. по 2017 г. количество женщин с высшим образованием, эмигрировавших из стран, не входящих в ОЭСР, в страны ОЭСР, выросло на 130%, а количество женщин-эмигрантов из других стран ОЭСР увеличилось на 70% (рис. 21).

Для сравнения: общее количество всех категорий женщин-мигрантов увеличилось только на 57%. Этот рост отчасти отражает отмечаемое в последние три десятилетия увеличение доли девушек среди поступающих в университеты [164].

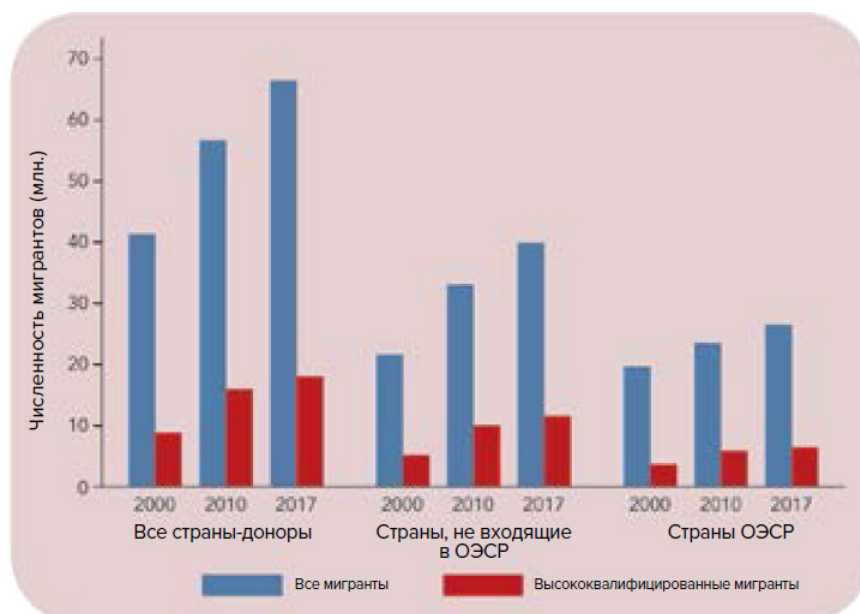

Рис. 21. Накопленная численность женщин-мигрантов в странах ОЭСР по группам профессиональной квалификации и странам-донорам, 2000-2017 гг. [59, 197].

Еще один фактор – сохраняющаяся дискриминация в отношении женщин на рынке труда, особенно в странах Восточной и Центральной Европы и Центральной Азии.

Имеющиеся доказательства о воздействии эмиграции высококвалифицированных специалистов на страны-доноры неубедительны.

Ограниченность данных, равно как и эмпирические трудности при выявлении влияния миграции квалифицированных работников на экономические показатели, сокращают возможности определения истинных издержек и выгод эмиграции высококвалифицированных специалистов для стран-доноров. И тем не менее устойчивый отток высококвалифицированных кадров в долгосрочной перспективе будет иметь негативные последствия для небольшой страны, обладающей ограниченными ресурсами для финансирования государственной системы образования. Как видно из рис. 20, в эту категорию попадают многие страны Центральной Европы, Кавказа и Балкан.

Существует острая необходимость в дополнительных исследованиях масштаба эмиграции высококвалифицированных специалистов из этих стран и оказываемого ею воздействия.

С учетом регионального характера миграционных потоков квалифицированных работников, в диалоге по вопросам политики должны также участвовать страны Европейского союза с высоким уровнем доходов.

До тех пор пока не будут доступны более подробные микроданные об объеме и распределении миграции высококвалифицированных специалистов, одно из возможных направлений исследований предполагает проведение макроэкономического анализа.

На рис. 22 иллюстрируются результаты калибровки, в которой с помощью макроэкономической модели проводится имитационное моделирование воздействия эмиграции высококвалифицированных специалистов.

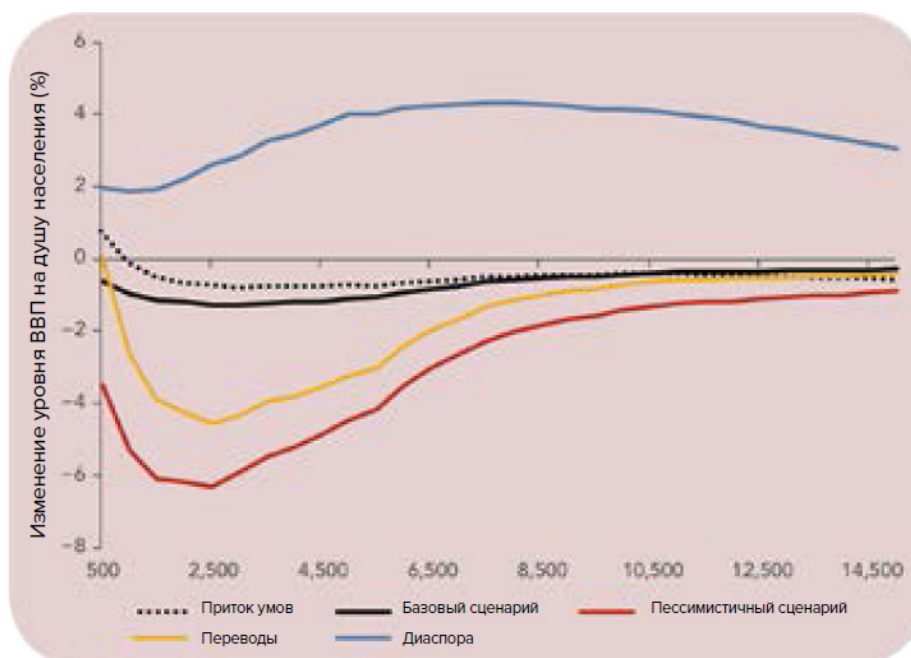

Рис. 22. Имитационное моделирование эффекта от эмиграции высококвалифицированных специалистов при различных допущениях [121].

Важнейшим определителем воздействия эмиграции высококвалифицированных кадров служит величина дополнительных эффектов для производительности труда, порождаемых человеческим капиталом в масштабах всей экономики. При отсутствии таких эффектов перелива (сплошная черная линия, обозначающая базовый сценарий на рис. 22) «утечка мозгов» оказывает относительно небольшое воздействие: для большинства стран с уровнем доходов ниже 6500 долл. США потери составляют примерно 1%.

При создании дополнительных эффектов, повышающих производительность труда (сплошная красная линия), воздействие может быть существенным (примерно 6%), особенно для стран с годовыми доходами на душу населения около 2500 долл. США.

Денежные переводы мигрантов могут частично компенсировать эти потери, сокращая их примерно до 4% при таком же уровне доходов.

Нередко в ответ на «утечку мозгов» вводятся меры по ограничению миграции. Однако имеющиеся данные указывают на то, что высококвалифицированные работники не обязательно имеют высокую производительность в странах с низким уровнем доходов, их присутствие в стране может и не приводить к внешним эффектам перелива [150].

То, что делает высококвалифицированных работников продуктивными на рынке труда в стране-реципиенте, в значительной степени определяется рабочей средой и другими дополнительными исходными факторами. Ограничение миграции может также снижать для людей стимулы к накоплению человеческого капитала.

Что следует делать правительствам стран-доноров? В последних исследованиях обозначены, как минимум, два перспективных пути к тому, чтобы воспользоваться преимуществом глобального рынка высококвалифицированных работников и идей [197].

Во-первых, странам-донорам необходимо стимулировать возвратную миграцию.

Во-вторых, им следует активно и широко взаимодействовать с диаспорами и максимизировать создаваемые диаспорами внешние эффекты. Эмигранты, как правило, продолжают поддерживать связи – экономические и социальные – со своей родиной и сообществами. Экономическое взаимодействие чаще всего имеет форму денежных переводов.

В рамках диаспорных программ взаимодействия также предпринимаются попытки помогать иностранным инвесторам и предпринимателям находить инвестиционные возможности в стране происхождения диаспоры, а также стимулировать передачу технологий и знаний на родину из-за границы.

Коммуникация, политическое взаимодействие, профессиональная деятельность, консульские услуги – всё это способствует усилению связей диаспоры со страной происхождения и соотечественниками, расширяя передачу знаний, капитала и технологий.

Если внешние эффекты от связей с диаспорой будут реализованы, они могут более чем компенсировать потери от «утечки мозгов» (синяя линия на рис. 22). Крупные диаспоры способны генерировать существенные экономические выгоды для стран своего происхождения в регионе Европы и Центральной Азии [138].

Денежные переводы служат важным источником доходов, оказывают положительное воздействие на долгосрочный экономический рост и сокращение бедности, а также улучшают доступ на рынки капитала.

Для экономик стран Европы и Центральной Азии диаспоры также служат существенным источником инвестиций, экспортного спроса и передачи знаний. Растущая доля мигрантов, направлявшихся в США и передовые европейские страны, возможно, способствовала укреплению институтов в странах Европы и Центральной Азии с переходной экономикой благодаря тому, что население этих стран все больше приобщалось к нормам конкурентоспособных демократических стран. Миграция и денежные переводы мигрантов также создают дополнительные стимулы и ресурсы для накопления человеческого капитала, что приводит к иммиграции образованных людей («притоку умов») [114].

Со временем в результате усиления глобальной интеграции, снижения транспортных и коммуникативных затрат и повышения уровня жизни за пределами традиционных стран, принимающих мигрантов миграция квалифицированных специалистов может приобрести более кратковременный и круговой характер (в отличие от односторонней и длительной миграции).

Высококвалифицированные специалисты из числа членов диаспор зачастую поддерживают связь со страной происхождения, периодически посещают родину и даже живут на две страны. Эти эмигранты играют важнейшую роль в создании каналов для инвестиций, стимулирования торговли и передачи зна-

ний. Возвращение мигрантов на родину может поддерживать ее экономическое развитие, особенно если они привозят с собой капитал и знания, а страна происхождения обеспечивает рамочные условия для помощи им в использовании своих навыков и осуществления инвестиций [138].

Вместо предотвращения эмиграции в некоторых программах принимаются меры по стимулированию возвращения успешных эмигрантов на родину. Например, в Малайзии в рамках программы «Возвращение экспертов» успешным эмигрантам, прожившим за границей, как минимум, пять лет, предоставляются налоговые стимулы. Программа способствовала увеличению возвратной миграции, и она почти окупает себя, поскольку возвращающиеся мигранты уплачивают налоги, хотя и по более низким ставкам, чем налогоплательщики-невозвращенцы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Миграция сыграла одну из ключевых ролей в экономическом и социальном развитии в регионе Европы и Центральной Азии. Экономическая миграция способствовала удовлетворению спроса на рынке труда в странах-реципиентах и повысила уровень благосостояния мигрантов. Проведение поддерживающей политики в отношении миграции может способствовать повышению благосостояния в регионе.

Действительно, ослабление иммиграционных ограничений – один из наиболее эффективных путей к стимулированию повышения производительности и ускорению экономического роста в регионе. Однако поддержка миграции сопряжена с проблемами политического характера, поскольку выгоды от миграции чаще имеют более долгосрочный и рассредоточенный характер, чем издержки тех людей в принимающих странах, которые оказываются безработными или вытесняются мигрантами.

Чтобы ослабить сопротивление иммиграции, принимаемые меры должны решать проблемы, связанные с этими краткосрочными издержками распределения выгод. Они могут включать в себя программы, предусматривающие удержание или перемещение работников в странах-реципиентах, а также адаптацию систем образования для молодых людей с тем, чтобы они не были вынуждены конкурировать с низкоквалифицированными мигрантами.

В качестве отдельных компонентов такие программы могут также предусматривать предоставление временных социальных пособий и выплаты по страхованию от безработицы. Целесообразным способом финансирования мер по оказанию помощи в адаптации может быть замена режимов квот налоговыми режимами, предусматривающими взимание налогов с лиц, получающих выгоды от миграции, и предоставление компенсаций тем, кто несет потери.

Для стран-доноров, переживающих длительные периоды потери и без того скудного человеческого капитала, эмиграция высококвалифицированных специалистов становится серьезной проблемой. Однако устойчивая эмиграция часто является симптомом, а не причиной базовых проблем. Для сокращения

потенциальной «утечки мозгов» странам необходимо не ограничивать миграцию, а принимать меры, направленные на увеличение потенциальных выгод для стран-доноров. К долгосрочным мерам политики, способным искоренять причины устойчивой эмиграции, относятся повышение качества государственного управления и укрепление институтов в странах-донорах. Меры, направленные на удержание квалифицированных специалистов, включают стимулирование развития частного сектора и создания рабочих мест, осуществление инвестиций в высшее образование, а также улучшение возможностей для трудоустройства женщин. Усиление связанности за счет снижения транспортных и коммуникативных затрат также имеет большое значение для взаимодействия с диаспорами в формах, позволяющих максимизировать внешние эффекты – такие как передача идей, знаний, технологий, осуществление торговли и прямых иностранных инвестиций, а также стимулировать возвратную миграцию. Благодаря усилению глобальной интеграции и технологическим достижениям, обеспечивающим усиление связности стран, миграция квалифицированных специалистов может все больше приобретать кратковременный и круговой характер, создавая выгоды для стран-доноров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абылкаликов, С.И. Италия и миграция: впереди планеты всей? // Современная Европа. – 2013. – № 1. – С. 97-106.
2. Академическая мобильность в России: нормативно-методическое обеспечение / Н.В. Семин, Ю.Д. Артамонова, А.Л. Демчук и др. – М.: Изд-во МГУ, 2007
3. Алешковский, И.А. Моделирование миграционных процессов // Экономические исследования молодых ученых. – 2005. – Вып. 3.
4. Алешковский, И.А. Классификация моделей миграционного движения // «Ломоносов-2005»: Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых, МГУ им. М.В. Ломоносова, 12-15 апреля 2005 г. Сб. тезисов. – Т. I. – М.: Изд-во МГУ, 2005. – С. 547-548.
5. Алешковский, И.А. Трудовая миграция как фактор экономического развития // Стратегия выбора, выбор стратегии: Материалы научной конференции, посвященной 70-летию академика А.И. Анчишкина и 40-летию создания кафедры планирования народного хозяйства экономического факультета МГУ (4-5 ноября 2003 г.). – Ч. 4. – М.: Экономический факультет МГУ, 2003.
6. Алимova, Н.К. Современные проблемы рынка интеллектуального (научног) труда // Интернет-журнал «Науковедение». – Режим доступа: http://naukovedenie.ru/index.php?id=181#_ftn1 (дата обращения: 17.04.2014)
7. Бабаева, П.А. Динамика интеллектуальной миграции: Дис. ...канд. социол. наук. – СПб., 2014. – 288 с.
8. Бабкин, С. Как получить «Голубую карту» в Германии. – Режим доступа: <https://www.tupa-germania.ru/immigratsiya/golubaja-karta-es-v-germanii.html> (дата обращения: 17.04.2020).
9. Батищева, Г.А. Миграционные процессы в России как фактор устойчивого развития экономики регионов: Автореф. дис. ...д-ра экон. наук. – Ростов н/Д, 2011. – 54 с.
10. Бахметова, Г.Ш. Миграция населения как составляющая и отражение социально-экономического развития – история и современность // Демографический фактор социально-экономического развития России в ближайшей перспективе. Доклады и тезисы докладов Междунар. научно-практ. конф. Москва, 18 марта 2005 г. – М.: ГУ ИМЭИ, 2005. – С. 50-52.
11. Блинова, М.С. Современные социологические теории миграции населения: Автореф. дис. ...канд. социол. наук. – М., 2008. – 29 с.
12. Бондырева, С.К., Колесов, Д.В. Миграция. Сущность и явление. – М.; Воронеж, 2004. – 294 с.
13. Бурдые, П. Формы капитала / пер. с франц. М.С. Добряковой // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3, № 5. – 143 с. – Режим доступа: <https://www.ecsoc.mses.ru> (дата обращения: 17.04.2020).
14. Бурдо, В.В. Современная миграционная политика Германии: состояние и проблемы // Международный студенческий научный вестник. – 2018. – № 1. Режим доступа: <https://www.eduherald.ru/ru/article/view?id=18036>.
15. Валентей, Д.И. Миграция в системе демографических процессов в СССР // Проблемы миграции населения и трудовых ресурсов (Центр по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Институт народного хозяйства, Ростов-на-Дону). – М.: Статистика, 1970. – С. 5-12.
16. Васильева, Л.А. Вынужденная миграция в Республике Беларусь: теоретико-правовые и организационные аспекты. – Мн.: Академия МВД Республики Беларусь, 2000. – 124 с.

17. Ганифаева, С.А. Функции и стадии миграционного процесса // Официальный сайт Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. – Режим доступа: http://www.ifapcom.ru/files/Monitoring/ganifaeva_migration.pdf. (дата обращения: 17.04.2020).
18. Гасиев, В.И., Плиева, М.Г. Особенности социологического исследования миграционных процессов. – Российская академия наук. Владикавказский научный центр. 148. – Режим доступа: <http://www.tny.mwport.ru/files/2009-2-soc-05.pdf> (дата обращения: 17.04.2020).
19. Где на Земле жить хорошо? – Исследовательский холдинг «Ромир». – Режим доступа: http://romir.ru/studies/540_1390939200/ (дата обращения: 17.04.2020).
20. Гриценко, Г.Д., Дмитриев, А.В., Маслова, Т.Ф. Мигранты в социокультурном пространстве региона. Социологические очерки / под ред. чл.-корр. РАН М.К. Горшкова. – М.: Альфа-М, 2009. – 162 с.
21. Данилова, И.А. Современные миграционные процессы в научной литературе // Миграция населения: статистика, выборочные обследования, политика. Сб. статей («Демографические исследования». Вып. 12) / под ред. М.Б. Денисенко. – М.: МАКС Пресс, 2006. – С. 193-224.
22. Денисенко, М.Б. Миграциология / М.Б. Денисенко, В.А. Ионцев, Б.С. Хорев. – М.: Изд-во МГУ, 1989.
23. Денисенко, М.Б. Политика предупреждения нелегальной миграции // Миграция населения: статистика, выборочные обследования, политика. Сб. статей («Демографические исследования». Вып. 12) / под ред. М.Б. Денисенко. – М.: МАКС Пресс, 2006. – С.169-192.
24. Димаев, А.Р. Миграция населения: социальная сущность и влияние на общественные процессы в мире и в современном российском обществе (социологический анализ): Автореф. дис. ...д-ра социол. наук. – М., 2009.
25. Дорошина, И.П. Теоретические основы миграции /И.П. Дорошина, М.М. Пухова, И.Г. Ходжаева // Транспортное дело России. – 2013. – № 6. – С. 13-16. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/teoreticheskie-osnovy-migratsii> (дата обращения: 17.04.2020).
26. Дусь, Ю.П. Миграция специалистов и научных кадров в мировом хозяйстве. – Новосибирск: Наука, 2006. – 268 с.
27. Жаренова, О.А. Интеллектуальная миграция россиян. Ближнее и дальнее зарубежье / О.А. Жаренова, Н.В. Кечил, Е.Ю. Пахомов. – М.: Центр политической информации; Изд-во «ГНОМ и Д», 2002. – 128 с.
28. Западнюк, Е.А. Миграция рабочей силы и международный рынок труда: институциональная регламентация. – М.: Интеграция, 2007. – 286 с.
29. Зубаревич, Н.В. Города как центры модернизации экономики и человеческого капитала // Общественные науки и современность. – 2010. – № 5. – С. 5-19.
30. Ивахнюк, И.В. Возвращаясь к концепции миграционной политики // Демографические исследования: теоретические и прикладные аспекты. Материалы научной конф. «Ломоносовские чтения 2004-2006 гг.». – М.: Экономический факультет МГУ; ТЕИС, 2006. – С. 19-21.
31. Ивахнюк, И.В. Евразийская миграционная система // Вестник МГУ. Серия «Экономика». – 2007. – № 3. – С. 36-57.
32. Ивахнюк, И.В. Развитие миграционной теории в условиях глобализации // Век глобализации. – 2015. – № 1. – 37 с.
33. Интеллектуальная миграция в современном мире: учебное пособие / под ред. М.М. Лебедевой. – М.: МГИМО-Университет, 2014. – 253 с.

34. Интеллектуальная миграция в России / В.В. Валюков, В.М. Воронков, Л.М. Гохберг и др. / под общей ред. С.А. Кугеля. – СПб.: Политехника, 1993. – 80 с.
35. Ионцев, В.А. Миграция населения // Международная миграция. Приложение к журналу «Миграция в России». – М., 2001. – Вып. 3. – 112 с.
36. Ионцев, В.А. Международная миграция населения // Управление миграционными процессами. Учебное пособие. Министерство высшего образования Российской Федерации. Государственный университет управления. – М., 2003. – Раздел 3. – С. 46-64.
37. Ионцев, В.А. Проблемы «утечки умов» в России (методологические аспекты изучения) // Вестник МГУ. Серия «Экономика». – 1996. – № 5. – С. 54-63.
38. Ионцев, В.А. Миграция населения в системе демографического образования / В.А. Ионцев, И.В. Ивахнюк // Демографическое образование в XXI веке в странах СНГ, Балтии и Восточной Европы. Материалы Междунар. конференции, Москва, 18-20 сентября 2002 г. – М.: МАКС Пресс, 2002. – С. 134-135.
39. Зусьман, О.М. Информационная эмиграция ученых. Постановка проблемы // Интеллектуальная миграция в России. – СПб., 1993. – С. 54-57.
40. Каменский, А.Н. Эмиграционные настроения в отраслях ВПК и направления государственного регулирования процессов миграции с позиций предотвращения утечки технологий // Экономика и коммерция. – 1995. – Вып. 2. – С. 83-92.
41. Костин, Р.А. Миграция: современные проблемы Российской Федерации / под ред. проф. А.О. Бороноева. – СПб.: ВТИ ЖДВ и ВОСО, 1997. – 137 с.
42. Красинец, Е.С. Международная миграция населения в России в условиях перехода к рынку. – М.: Наука, 1997. – 192 с.
43. Кулешов, Д.Н. Миграции: теория и методология изучения. На материалах Башкортостана / Д.Н. Кулешов, Р.И. Якупов. Препринт. – Уфа: Восточный университет, 2008. – 40 с.
44. Клупт, М.А. Влияние кризисов на миграционную ситуацию в регионах прибытия: межстрановой сравнительный анализ // Известия Русского географического общества. – 2009. – № 6. – С. 59-65.
45. Лебединцева, Л.А. К вопросу об оценке результатов интеллектуального труда в науке // Проблемы современной экономики. – 2012. – № 1 (41). – С. 365-369.
46. Лебединцева, Л.А. Понятие и сущность интеллектуального труда в современных экономико-социологических исследованиях // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2012. – № 1. – С. 108-111.
47. Леонидова, Т.И. Содержание миграционной функции государства: теоретические аспекты // Представительная власть. – 2007. – № 2 (75).
48. Маркс, К. Вынужденная эмиграция / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – Т. 8. – М.: Госполитиздат, 1957. – 706 с.
49. Медынский, В.Г. Инновационное предпринимательство. – М.: Инфра-М, 1997. – 238 с.
50. Метелев, С.Е. Международная трудовая миграция и нелегальная миграция в России. – М., 2006. – 176 с.
51. Мкртчян, Н.В. Внутренняя миграция: великое прошлое и скромное будущее // Россия перед лицом демографических вызовов. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. 2008. – М.: UNDP. – 2009. – С. 80-96.
52. Моисеенко, В.М. Миграционные процессы населения и управление ими // Проблемы миграции населения и трудовых ресурсов (Центр по изучению проблем народонасе-

ления экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и Институт народного хозяйства Ростова-на-Дону). – М.: Статистика, 1970. С. 21–29.

53. Моисеенко, В.М. Миграция населения и демография // Демографическое образование в 21 веке в странах СНГ, Балтии и Восточной Европы. Материалы Международной конференции, Москва, 18-20 сентября 2002 г. – М.: МАКС Пресс, 2002. – С. 86-93.

54. Моисеенко, В.М. Теоретические основы миграции // Управление миграционными процессами: учебное пособие. Министерство высшего образования Российской Федерации. Государственный университет управления. – М., 2003. – Раздел 1. – С. 5-20.

55. Национальная академия наук США. – Режим доступа: <http://www.nasonline.org/> (дата обращения 17.04.2020).

56. Немерюк, Е.Е. Миграция как вид социальной мобильности в современном российском обществе (теоретико-методологический аспект): Автореф. дис. ...канд. социол. наук. – Саратов, 2000. – 16 с.

57. Официальный сайт Международной организации по миграции. – Режим доступа: <http://www.iom.int/cms/en/sites/iom/home/about-migration/key-migration-terms-1.html#Migration> (дата обращения: 17.04.2020).

58. Официальный сайт Международный Валютный банк. – Режим доступа: <https://www.worldbank.org/> (дата обращения: 17.04.2020).

59. Официальный сайт Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/development/desa/ru> (дата обращения: 17.04.2020)

60. Парк, Р.Э. Человеческая миграция и маргинальный человек. Park R.E. Human Migration and the Marginal Man // Race and Culture. – Glencoe, Ill: Free Press, 1950. – P.345-346, 349-356 (Collected Papers. Vol. 1).

61. Переведенцев, В.И. Методы изучения миграции населения. – М.: Наука, 1975. – 231 с.

62. Рамеева, А.А. Место и роль квалифицированных кадров в системе международной трудовой миграции: Автореф. ... дис. канд. экон. наук. – М., 2008. – 27 с.

63. Регент, Т.М. Миграция населения / Т.М. Регент, Ю.А. Архипов // Система иммиграционного контроля. Приложение к журналу «Миграция в России». – М., 2001. – 160 с.

64. Российские ученые выяснили мотивы миграции молодежи // Наука и технологии РФ, 25.07.2011. Режим доступа: http://www.strf.ru/material.aspx?d_no =41284&CatalogId=221&print=1 (дата обращения: 17.04.2020).

65. Роцин, Ю.В. Управление международной трудовой миграцией / Ю.В. Роцин, В.А. Волох, Т.И. Куценко. – Вып. 1. – М.: Авангард, 2006. – 256 с.

66. Рыбаковский, Л.Л. Миграция населения // Вып.5: Стадии миграционного процесса. – М.: Мин. по делам федерации, нац. и мигр. политики РФ. – 2001. – 160 с.

67. Рыбаковский, Л.Л. Миграция населения (вопросы теории). – М.: ИСПИ РАН, 2003. – 240 с.

68. Рыбаковский, Л.Л. Миграция населения (вопросы теории) // Миграция населения: понятие, сущность, особенности. – Режим доступа: <http://rybakovsky.ru/migracia2d.html>. (дата обращения: 11.04.2020)

69. Рыбаковский, Л.Л. Миграция населения // Вып. 5: Стадии миграционного процесса. Приложение к журналу «Миграция в России». – М. – 2001. – 160 с.

70. Рязанцев, С.В. Влияние миграции на социально-экономическое развитие Европы: современные тенденции. – Ставрополь, 2001. – 542 с.

71. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов: пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
72. Судоплатов, А.П. Этно-региональные аспекты миграционной политики // Миграция населения и перспективы демографического развития России. Доклады Международной научно-практ. конф., 22 ноября 2002 г. – М.: ГУ ИМЭИ, 2003. – С. 181-183.
73. Ушкалов, И.Г., Малаха, И.А. Утечка умов: масштабы, причины, последствия. – М., 1999.
74. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [Принят Государственной Думой 21 июня 2002 г. Одобрен Советом Федерации 10 июля 2002 г: по состоянию на 6 декабря 2011 г. – Федеральная миграционная служба Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.fms.gov.ru/documentation/860/details/45720/> (дата обращения: 17.04.2020).
75. Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с франц. С. Ч. Офертаса; под общей ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. – М.: Праксис, 2002. – 384 с.
76. Чудиновских, О.С. Миграционные намерения выпускников высших учебных заведений: методика проведения и основные результаты выборочного обследования / О.С. Чудиновский, М.Б. Денисенко, Е.В. Донец. – М.: МАКС Пресс, 2003. – 116 с.
77. Чудиновских, О.С. К вопросу о методике расчета численности долгосрочных международных мигрантов в странах СНГ // Вопросы статистики. – 2005. – № 11. – С. 46-51.
78. Чудиновских, О.С., Донец, Е.В. Современные источники статистических данных о мигрантах // Демографические исследования: теоретические и прикладные аспекты. Материалы научной конференции «Ломоносовские чтения 2004-2006 гг.». – М.: ТЕИС, 2006. – С. 106-117.
79. Чудиновских О.С. Текущая статистика миграции в некоторых странах бывшего СССР // Миграция населения: статистика, выборочные обследования, политика. Сборник статей («Демографические исследования». Вып. 12) / под ред. М.Б. Денисенко. – М.: МАКС Пресс, 2006. – С. 7-40.
80. Шевчук А.Ю. Миграционные процессы в современном мире: причины, виды и последствия // Материалы Международной научно-практ. Интернет-конференции «Научные исследования и их практическое применение. Современное состояние и пути развития, 2012». – 2012. – 14 с. – Режим доступа: <http://www.sworld.com.ua/index.php/ru/conference/the-content-of-conferences/archives-of-individual-conferences/oct-2012> (дата обращения: 01.04.2020).
81. Шумпетер, Й.А. Капитализм. Социализм и Демократия / пер. с англ.; предисл. и общ. ред. В.С. Автономова. – М.: Экономика, 1995. – 540 с.
82. Юдина, Т.Н. О социологическом анализе миграционных процессов. – Режим доступа: <http://soc-work.ru/article/102> (дата обращения: 17.04.2020).
83. Юдина, Т.Н. Социология миграции: к формированию нового научного направления. – М.: Дашков и Ко, 2004 – 399 с.
84. Arslan, Cansin, Jean-Christophe Dumont, Zovanga Kone, Yasser Moullan, Caglar Ozden, Christopher Parsons, and Theodora Xenogiani. 2015. «A New Profile of Migrants in the Aftermath of the Recent Economic Crisis». OECD Social, Employment and Migration Working Paper 160, OECD Publishing, Paris.
85. Arango, J. (2000) “Explaining migration: a critical view”. International Social Science Journal, 52(165):283-296.
86. Artuç, Erhan, Frederic Docquier, Çağlar Özden, and Christopher Parsons. 2014. A Global Assessment of Human Capital Mobility: The Role of Non-OECD Destinations. Washington, DC: World Bank.

87. Auriol, Emmanuelle, and Alice Mesnard. 2016. «Sale of Visas: A Smuggler's Final Song?» *Economica* 83: 646-78.
88. Austrian Social Security Database. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1399350.
89. Autor, David H., Lawrence F. Katz, and Melissa S. Kearney. 2008. «Trends in US Wage Inequality: Revising the Revisionists.» *Review of Economics and Statistics* 90 (2): 300-23.
90. Bach, S. International migration of health workers: labour and issues. Geneva, Sectoral Activities Programme, International Labour Office, 2003. – 46 p.
91. Becker, Gary S. 1992 «An Open Door for Immigrants: The Auction.» *Wall Street Journal*, October 14.
92. Becker, Gary S., and Guity, Nashat Becker. 1997. *The Economics of Life: From Baseball to Affirmative Action to Immigration, How Real-World Issues Affect Our Everyday Life*. New York: McGraw-Hill.
93. Becker, Gary S., and Edward, P. Lazear. 2013. «A Market Solution to Immigration Reform.» *Wall Street Journal*, March 1.
94. Bhagwati, J.N. (ed.) (1976) *Taxing the Brain Drain, Vol. 1: A Proposal*, Amsterdam: North-Holland
95. Bohning, W.R. (1978) “International Migration and the Western World: Past, Present and Future”. *International Migration*, 16: 11–22. doi:10.1111/j.1468-2435.1978.tb00959.x
96. Borjas, George J., and Joan Monras. 2017. «The Labour Market Consequences of Refugee Supply Shocks.» *Economic Policy* 32 (91): 361-413.
97. Boucher, Anna K., and Justin Gest. 2018. *Crossroads: Comparative Immigration Regimes in a World of Demographic Change*. Cambridge: Cambridge University Press.
98. Boucher, S., Stark, O., Taylor, J. E. (2005) “A Gain with a Drain: Evidence from Rural Mexico on the New Economics of the Brain Drain”. Invited paper, 14th World Congress of the International Economic Association, Marrakech, Morocco, August 29 – September 2.
99. Bourdieu, P., Wacquant, L. *An Invitation to Reflexive Sociology* // Polity Press: Cambridge, 2007.
100. Bourdieu, P. *Social Space and Symbolic Power* // *Sociological Theory*. – 1989. – Vol. 7, № 1. – P. 14-25.
101. Boyd, M. Family and personal networks in international migration: Recent developments and new agenda // *International Migration Review*. – 1989. – № 23(3). – P. 238-270.
102. Buchan, James, James, Campbell, Ibadat, Dhillon, and Anita, Charlesworth. *Labour Market Change and the International Mobility of Health Workers*. – 2019. – Working Paper 5, Health Foundation, London.
103. Bustamante, J.A. (1979) *Emigration Indocumentada a los Estados Unidos*”. In *Indocumentados: Mitos y Realidades*, 23-67.
104. Burawoy, M. (1999) “Transition without Transformation: Russia's Involuntary Road to Capitalism”. *East European Politics and Societies*, 15(2):269–290.
105. Cavanagh, C. (2003) “Postkolonialna Polska. Biala plama na mapie wspiczesnej teorii”. *Teksty Drugie*. 64:18–19.
106. Cerna, L. Policies and practices of highly skilled migration in times of the economic crisis. // International Labour Office, Social Protection Sector, International Migration Programme. Geneva, ILO, 2009. – 55 p.
107. Ceritoglu, Evren, H. Burcu, Gurcihan Yunculer, Huzeyfe, Torun, and Semih, Tumen. 2017. «The Impact of Syrian Refugees on Natives' Labor Market Outcomes in Turkey: Evidence from a Quasi-Experimental Design.» *IZA Journal of Labor Policy* 6 (1): 5.

108. Chandna, R.C. Population, Kayani Publishers. Ludhiana, New Delhi. – 1998.
109. Clarke, J.I. Population Geography. Pergamon Press, Oxford. – 1965.
110. Clemens, Michael A. 2015. «Global Skill Partnerships: A Proposal for Technical Training in a Mobile World» IZA Journal of Labor Policy 4 (1): 2.
111. Coffey, W.J. Geography: Towards a General Spatial Systems Approach. Methuen & Co. Ltd. London. – 1981.
112. Collini, Stefan Absent Minds: Intellectuals In Britain. – Oxford: Oxford University Press, 2006.
113. Collins, D., Morduch, J., Rutherford, S., Ruthven, O. (2009) Portfolios of the Poor: How the World's Poor Live on \$2 a Day. Princeton, NJ: Princeton University Press.
114. Contreras, Salvador. 2013. «The Influence of Migration on Human Capital Development.» International Economic Journal 27 (3): 365-84.
115. Cutler, D., Glaeser, E., Vigdor J. Ghettos and the transmission of ethnic capital in Lounsbury, G.; Modood, T.; Teles, S. (eds.) / D. Cutler, E. Glaeser, J. Vigdor // Ethnicity, Social Mobility, and Public Policy. Comparing the US and the UK. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – P. 204-221.
116. Darsky, L.Y. Population Reproduction. In: VALENTEY, D.I. ed.: The Theory of Population: Essays in Marxist Research, Progress Publisher, Moscow. – 1978.
117. Del Carpio, Ximena V., and Mathis Wagner. 2015. The Impact of Syrian Refugees on the Turkish Economy: Regional Labour Market Effects. Policy Research Paper 7402, World Bank, Washington, DC.
118. Demko, G.J. Ross, H.M. Schnell, G.A. Population Geography: A Reader. McGraw-Hill Book Company, New York. – 1970.
119. DiMaggio, P.J. (1988) “Interest and agency in institutional theory.” Institutional Patterns and Organizations: Culture and Environment. Cambridge: Ballinger Publishing Company. – P. 3-22.
120. Docquier, Frederic. 2017. «Note on High Skilled Emigration Externalities». Working Paper, Université Catholique de Louvain, Louvain, Belgium.
121. Docquier, Frederic, Zovanga, L. Kone, Aaditya, Mattoo, and Caglar, Ozden. 2019. «Labor Market Effects of Demographic Shifts and Migration in OECD Countries.» European Economic Review 113: 297-324.
122. Dustmann, Christian, Tommaso, Frattini, and Ian, P. Preston. 2012. «The Effect of Immigration along the Distribution of Wages.» Review of Economic Studies 80 (1): 145-73.
123. Dustmann, Christian, Uta, Schönberg, and Jan, Stuhler. 2017. «Labor Supply Shocks, Native Wages, and the Adjustment of Local Employment». Quarterly Journal of Economics 132 (1): 435-83.
124. Education at a Glance. OECD. Who Studies Abroad and Where? – Indicator C3, 2011. – Режим доступа: <http://www.oecd.org/dataoecd/61/32/48631079.pdf>. (дата обращения: 29.03.2020).
125. Eisenstadt, S.N. Analysis of Patterns of Migration and Absorption of Immigrants. In: Population Studies, London School of Economics, London. – 1953.
126. Farrell, H., Hiritier, A. (2007). “Introduction: Contested Competences in the European Union”. West European Politics, 38 (2):227-243.
127. Favell, A., Guiraudon, V. (2010). The Sociology of the EU. Basingstoke: Palgrave.

128. Fawcett, J. T., Arnold F. (1987) *Explaining Diversity: Asian and Pacific Immigration Systems*. Pacific Bridges: The New Immigration from Asia and the Pacific Islands. Staten Island: Center for Migration Studies.
129. Fevre, R. (1984) *Cheap Labour and Racial Discrimination*. Aldershot: Gower.
130. Fiut, A. (2007) "In the Shadow of Empires. Postcolonialism in Central and Eastern Europe – Why not?" In: *From Sovietology to Postcoloniality*. pp. 33–40.
131. Fligstein, N. (2001) "Fields, power, and social skill: a critical analysis of the new institutionalisms". *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2(1):4–25.
132. Foged, Mette, and Giovanni Peri. 2016. «Immigrants' Effect on Native Workers: New Analysis on Longitudinal Data.» *American Economic Journal: Applied Economics* 8 (2): 1-34.
133. Furedi, Frank *Where Have All The Intellectuals Gone?* – Continuum, 2004
134. GIZ (Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit). 2019. «Project Triple Win: Recruiting Nurses from Abroad Sustainably.» <https://www.giz.de/en/downloads/giz2019-en-triplewin.pdf>.
135. Ghosh, B.N. *Fundamentals of Population Geography*. Sterling Publishers Pvt. Ltd. New Delhi. – 1987.
136. Glick-Schiller, N., Basch L., Blanc-Szanton C. (1992) "Transnationalism: A new analytic framework for understanding migration" In *Towards a transnational perspective on migration: Race, class, ethnicity and nationalism reconsidered*, eds. Nina Glick-Schiller, Linda Basch and Christina Blanc-Szanton. New York: Academy (Annals of the New York Academy of Sciences). pp. 1–24
137. Goldscheider, C. *Population, Modernization and Social Structure*. Little Brown, Boston. - 1971.
138. Gould, David Michael. 2018. *Critical Connections: Promoting Economic Growth and Resilience in Europe and Central Asia*. Europe and Central Asia Studies. Washington, DC: World Bank. Doi:10.1596/978-1-4648-1157-9.
139. Granovetter, M. (1999) "Coase Encounters and Formal Models: Taking Gibbons Seriously." *Administrative Science Quarterly*, 44:158–162.
140. Harris, J., Todaro, M. (1970) "Migration, Unemployment, and Development: A Two-Sector Analysis." *American Economic Review*, 60:126–142.
141. ILO (International Labour Organization), Walk Free Foundation, and IOM (International Organization for Migration). 2017. *Global Estimates of Modern Slavery: Forced Labour and Forced Marriage*. Geneva: International Labour Organization.
142. Jacobson, D. (1996) *Rights Across Borders: Immigration and the Decline of Citizenship*. Baltimore, Maryland: Johns Hopkins University Press.
143. Jaźwińska, E., Kaczmarczyk I, P., Napierała, P. (2008) „Metodologia badania migracji z Polski – podejście etnosondaiowe: doświadczenia badawcze a projekt MPLM”, *Współczesne migracje zagraniczne Polaków. Aspekty lokalne i regionalne*. Uniwersytet Warszawski Wydział Nauk Ekonomicznych Osrodek Badań nad Migracjami.
144. Jensen, K. B. (1990) "Television futures: A social action methodology for studying interpretive communities". *Critical Studies in Media Communication*, 7(2).129–146.
145. Johnston, R.J. *The Dictionary of Human Geography* (3rd. ed.). Blackwell Publishers, Oxford, U.K. - 1994.
146. Jowell, R. (1998) "How comparative is comparative research". *American Behavioral Scientist*, 42:168–177.

147. Hage G. *White Nation: fantasies of White supremacy in a multicultural society* / G. Hage // Annandale, NSW: Pluto Press, 1998.
148. Hollifield, J. F. (1998) "Migration, Trade and the Nation-State: The Myth of Globalization." *UCLA Journal of International Law and Foreign Affairs*, 3(2):595–636.
149. Kammeyer, K.C.W., Ginn, H. L. *An Introduction to population*. Archives Books. - 1988.
150. Kerr, Sari Pekkala, William Kerr, Çağlar Özden, and Christopher Parsons. 2016. «Global Talent Flows.» *Journal of Economic Perspectives* 30 (4): 83-106. - .2017. «High-Skilled Migration and Agglomeration.» *Annual Review of Economics* 9: 201-34.
151. Kearney M. (1986) "From the Invisible Hand to Visible Feet: Anthropological Studies of Migration and Development". *Annual Review of Anthropology*, 15(33):1–36.
152. Kosinsky, L. Prothero, M. *Populations on Move: Studies on International Migration*. M. & Co. Ltd. London. - 1975.
153. Korek, J. (ed.) (2007) *From Sovietology to Postcoloniality: Poland and Ukraine from a Postcolonial Perspective*. Södertörns högskola. Stockholm.
154. Kritz M., Lim L. L., Zlotnik H. (eds.) (1992) *International Migration Systems: A Global Approach*. Oxford: Clarendon Press. pp. 263–278.
155. Lee, E.S. *A Theory of Migration*. In: Demko, G. J. Ross, H.M. Schnell, G.A. eds.: *An Introduction to Population*, Archives Books, New Delhi. - 1970.
156. Lokshin, Michael, and Martin Ravallion. 2019. «The Missing Market for Work Permits.» Working Paper, World Bank, Washington, DC.
157. Luhmann, N. (1995) *Social Systems*. Stanford: Stanford University Press.
158. Massey, D., Arango, J., Hugo, G., Kouaouci, A., Pellegrino, A., Taylor, E. (1993) "Theories of International Migration: A Review and Appraisal." *Population and Development Review*, 19 (3): 431–466.
159. McLaughlan G., Salt J. *Migration policies towards highly skilled foreign workers. Report to the home office*. London: Migration Research Unit, March 2002. - 155 p.
160. Mishra, S.K. *Factors and Process of Migration in Developing Economy*. In: Mandal, R.B. ed.: *Frontiers in Migration Analysis*. Concept Publishing Company, New Delhi. - 1981.
161. Morrison, T. K. (1982) "The Relationship of US Aid, Trade and Investment to Migration Pressures in Major Sending Countries." *International Migration Review*, 16(1):4–26.
162. National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine. 2017. *The Economic and Fiscal Consequences of Immigration*. Washington, DC: National Academies Press.
163. Nee V., Sanders J. *Understanding the diversity of immigrant incorporation: a forms-of-capital model* / V. Nee, J. Sanders // *Ethnic and Racial Studies*, 24(3), 2001. – p. 386-411.
164. Nejad, Maryam Naghsh, and Andrew T. Young. 2016. «Want Freedom, Will Travel: Emigrant Self-Selection According to Institutional Quality.» *European Journal of Political Economy* 45: 71-84.
165. Newman, J.L. Matzke, G.E. 1984. *Population: Pattern, Dynamics, and Prospects*. Prentice-Hall, Inc, Englewood Cliffs, New Jersey.
166. OECD (Organisation for Economic Co-Operation and Development). 2010. *Database on Immigrants in OECD and Non-OECD countries (DIOC-E)*. Paris. <https://www.oecd.org/els/mig/dioc.htm>. - .2016. *Health Workforce Policies in OECD Countries: Right Jobs, Right Skills*
167. *Oxford English Dictionary*, second edition, edited by John Simpson and Edmund Weiner, Clarendon Press, 1989, twenty volumes, hardcover

168. Packard, Michael. 2019. «Mass Immigration and the Response of Native Workers: Evidence from Austria.» Working Paper, World Bank, Washington, DC.
169. Peri, Giovanni, and Chad Sparber. 2009. «Task Specialization, Immigration, and Wages.» *American Economic Journal: Applied Economics* 1 (3): 135-69.
170. Piore, M. J. (1979) *Birds of Passage: Migrant Labor Industrial Societies*. Cambridge University Press.
171. Piore, M. J. Massey, D., Arango, J., Hugo, G., Kouaouci, A., Pellegrino, A., Taylor, E. (1993) «Theories of International Migration: A Review and Appraisal.» *Population and Development Review*, 19 (3): 431–466.
172. Portes, A. (1983) «International Labor Migration and National Development.» In: M. M. Kritz, ed., *U.S. Immigration and Refugee Policy. Global and Domestic Issues*. Lexington: Lexington Books.
173. Ravenstein E.G. *The Laws of Migration // Journal of the Royal Statistical Society*. 1885. XLVIII. Part 2; Ravenstein E.G. *The Laws of Migration // Journal of the Royal Statistical Society*. 1889. LII.
174. *Right Places*. OECD Health Policy Studies. Paris: OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/9789264239517-en>-. 2019. Permanent Immigrant Inflows (Indicator). doi: 10.1787/304546b6-en. Accessed September 4, 2019.
175. Ross, J.A. *International Encyclopedia of Population*. The Free Press. A Division of Macmillan Publishing Co., Inc, New York. - 1982.
176. Rubenstein, J.M. Bacon, R.S. *The Cultural Landscape: An Introduction to Human Geography*. Prentice-Hall of India, Pvt. Ltd., New Delhi. - 1990.
177. Ruhs, Martin. 2011. «Openness, Skills and Rights: An Empirical Analysis of Labour Immigration Programmes in 46 High- and Middle-Income Countries.» Centre on Migration, Policy and Society Working Paper 88-11, University of Oxford.
178. Shrivastava, O.S. *A Text Book of Demography*. Vikas Publishing House Pvt. Ltd, New Delhi. - 1983.
179. Sinha, B.R.K. *Human migration: concepts and approaches*. - *Földrajzi Értesítő* 2005. LIV. évf. 3-4. füzet, pp. 403-414.
180. Sowell, Thomas *Knowledge and Decisions*. - Basic Books, 1980
181. Stark, O. (1991) *The Migration of Labor*. Cambridge: Basil Blackwell.
182. Steinmo, S., Thelen, K. (1992) *Structuring Politics: Historical Institutionalism in Comparative Analysis*. New York: Cambridge University Press.
183. Sumption, Madeleine, and Kate Hooper. 2014. *Selling Visas and Citizenship: Policy Questions from the Global Boom in Investor Immigration*. Washington: Migration Policy Institute.
184. Tallberg, J. (2006) *Leadership and Negotiation in the European Union*. Cambridge: Cambridge University Press.
185. Teggart F.J. *Theory of History*. Yale University Press: London, Milford, 1925. – 231 p.
186. *The Global Competition for Talent: Mobility of the Highly Skilled*. Paris: OECD, September 2008. – 169 p. – Режим доступа: <http://www.oecd.org/sti/scitech/theglobalcompetitionfortalentmobilityofthehighlyskilled.htm> (дата обращения: 14.04.2020)
187. Trewartha, G.T. *A Geography of Population: World Pattern*. John Wiley & Sons, Inc, New York. - 1969.
188. Todaro, M. (1976) *Internal Migration in Developing Countries: A Review of Theory, Evidence, Methodology and Research Priorities*. International Labour Office.

189. UN DESA (United Nations Department of Economic and Social Affairs), Population Division. 2017. Trends in International Migrant Stock: The 2017 Revision. New York.-. 2019. World Population Prospects 2019. Release Note (Rev.1). New York.
190. UNHCR (United Nations High Commissioner for Refugees). 2019. Global Trends— Forced Displacement in 2018. Geneva.
191. UNODC (United Nations Office on Drugs and Crime). 2018. Global Report on Trafficking in Persons. Vienna. Weinstein, Eric. 2002. «Migration for the Benefit of All: Towards a New Paradigm for Economic Immigration.» *International Labour Review* 141 (3): 225-52.
192. Washington, DC. <https://datacatalog.worldbank.org/dataset/global-bilateralmigration-database.->. 2018. Moving for Prosperity: Global Migration and Labor Markets. Policy Research Report. Washington, DC.
193. Weeks, J.R. Population: An Introduction to Concepts and Issues. Words worth Publishing Company, Belmont, California. - 1989.
194. What is Human Migration?, Human Migration Guide (6-8) National Geographic Expeditions, 2005, p. 1
195. White, H. C. (1981) “Where Do Markets Come From.” *American Journal of Sociology*, 87:517–47.
196. WHO (World Health Organization). 2016. «Health Workforce Requirements for Universal Health Coverage and the Sustainable Development Goals.» *Human Resources for Health Observer* 17.
197. World Bank. 2017. World Bank Global Bilateral Migration Database (1960-2000).
198. Wimmer A., Glick Schiller N. Methodological Nationalism, the Social Sciences, and the Study of Migration: An Essay in Historical Epistemology / A. Wimmer, N. Glick Schiller // *International Migration Review*, 37(3), 2003. – p. 576-610.
199. Zafirovski, M. (1999) “Probing into the social layers of entrepreneurship: outlines of the sociology of enterprise.” *Entrepreneurship & Regional Development*, 11(4):351–371.
200. Zavodny, Madeline. 2015. «Should Countries Auction Immigrant Visas?» *IZA World of Labor* 202. <https://wol.iza.org/articles/should-countries-auction-immigrantvisas/long>.
201. Zelinsky, W. The Hypothesis of the Mobility Transition. *Geographical Review*, Vol. 61, Worcester. - 1971.
202. Zhou M. Ethnicity as social capital: community-based institutions and embedded networks of social relations in: Loury, G.; Modood, T.; Teles, S. (eds.) / M. Zhou // *Ethnicity, Social Mobility, and Public Policy. Comparing the US and the UK* Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – p. 131-135.
203. Özden, Çağlar, Christopher R. Parsons, Maurice Schiff, and Terrie L. Walmsley. 2011. «Where on Earth is Everybody? The Evolution of Global Bilateral Migration 1960–2000.» *World Bank Economic Review* 25 (1): 12-56.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>ВВЕДЕНИЕ</i>	3
Глава 1. Теоретико-методологические основания изучения миграции.....	6
1.1. Теории миграции в рамках глобализации	6
1.2. Интегрированные подходы к изучению трудовой миграции.....	19
1.3. Типологизация процессов интеллектуальной миграции	31
Глава 2. Специфика природы миграции	39
2.1. Основные тенденции современной международной миграции	39
2.2. Факторы и особенности миграции	49
2.3. Преимущества и последствия интеллектуальной миграции	58
Глава 3. Разработка и пути реализации миграционной политики	69
3.1. Меры политики, направленные на удовлетворение спроса на низкоквалифицированных работников	75
3.2. Трансформация механизма выхода мигрантов на рынок труда.....	80
3.3. Меры политики, направленные на удовлетворение спроса на высококвалифицированных специалистов.....	82
3.4. Политика, ориентированная на спрос	83
3.5. Политика, ориентированная на предложение	85
3.6. Элементы успешной миграционной политики в отношении высококвалифицированных специалистов.....	88
<i>ЗАКЛЮЧЕНИЕ</i>	102
<i>СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ</i>	104

Адрес учредителя:

ФБГОУ ВО «Амурский государственный университет»
675027, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21.

Адрес редакции и издателя:

675027, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21.

Адрес типографии:

675000, г. Благовещенск, ул. Мухина, 150а

Наталья Викторовна Шкрабтак,

профессор кафедры ЭТ и ГУ АмГУ, д-р техн. наук;

Максим Викторович Зинченко,

зав. кафедрой ЭТ и ГУ АмГУ, канд. экон. наук;

Вера Захаровна Григорьева,

доцент кафедры ЭТ и ГУ АмГУ, канд. техн. наук;

Денис Борисович Пеков,

*доцент кафедры философии, истории Отечества
и иностранных языков АГМА, канд. техн. наук*

Natalya Viktorovna Shkrabtak,

Professor of the Department of ET and GU AmSU, Dr. tech. sciences;

Maxim Viktorovich Zinchenko,

Head Department of ET and GU AmSU, Cand. econom. sciences;

Vera Zakharovna Grigorieva,

Associate Professor of the Department of ET and GU AmSU, Cand. tech. sciences;

Denis Borisovich Pekov,

*Associate Professor at the Department of Philosophy, History of the Fatherland
and foreign languages AGMA, Cand. tech. sciences.*

Трансформация глобальной миграции. Монография.

Transformation of global migration. Monograph.

Изд-во АмГУ. Подписано к печати 15.03.2021. Дата выхода в свет 30.03.2021. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 6,74. Тираж 50. Заказ 170. Бесплатно.

Отпечатано в типографии АмГУ.